

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Т. И. НЕСТЕРОВИЧ

**ОТ ДУШИ МЕРТВОЙ —
К ДУШЕ ЖИВОЙ**

**«Выбранные места из переписки
с друзьями» Н. В. Гоголя**

**Учебно-методическое пособие
для студентов высших учебных заведений**

**Рекомендовано к печати
научно-методическим советом университета**

**Барановичи
РИО БарГУ
2010**

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1я73
Н56

А в т о р

Т. И. Нестерович

Р е ц е н з е н т ы:

О. Е. Панькова, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры польской филологии
учреждения образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы»;

Ж. А. Головки, старший преподаватель кафедры филологии
учреждения образования «Барановичский
государственный университет»

Нестерович, Т. И.

Н56 **От Души Мертвой — к Душе Живой : «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя [Текст] : учеб.-метод. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Т. И. Нестерович. — Барановичи : РИО БарГУ, 2010. — 113, [3] с. — 70 экз. — ISBN 978-985-498-402-5.**

Пособие состоит из теоретической части, в которую вошли материалы исследования по проблеме эстетического идеала — Живой Души — в творчестве Н. В. Гоголя. Автор пособия подробно рассматривает ее на основе «Выбранных мест из переписки с друзьями», анализируя ключевые идеи книги как форму выражения авторского идеала.

Практическая часть пособия содержит вопросы и задания для самоконтроля, приложения, список источников, которые помогут студентам-филологам качественно подготовиться к семинарским и лекционным занятиям. Актуальность и современность звучания рассматриваемой проблемы позволит также использовать материалы пособия для проведения внеаудиторной работы.

Рекомендуется студентам специальности 1-02 03 03-01 Белорусский язык и литература. Русский язык и литература.

Табл. 1. Прил. 3.

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1я73

© Нестерович Т. И., 2010
© БарГУ, 2010

ISBN 978-985-498-402-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кризисное состояние современной цивилизации, породившее духовный вакуум в жизни общества, ставит перед человечеством в качестве первоочередной задачу поиска новой системы идеалов, так как лишь на этом пути возможен выход из того духовного, культурного и социального кризиса, который переживает сейчас страна.

Н. В. Гоголь в художественно-публицистической книге «Выбранные места из переписки с друзьями» предлагает свои «исходы», «средства», «пути» выхода из подобной ситуации, которые затрагивают все сферы общественной жизни. Это делает его духовную прозу актуальной для нашей эпохи, так как гоголевские «рецепты» спасения страны применимы и сегодня.

Наличием в научной литературе нерешенных и спорных вопросов о последнем десятилетии жизни и творчества Н. В. Гоголя и его идеале, необходимостью восполнить и обобщить накопленный материал по данной проблеме, а также современностью ее звучания обуславливается актуальность данного пособия.

Автор в пособии преследует цель — выявить внутреннее единство всего художественного наследия Н. В. Гоголя на основе установления связи и соотношения его религиозных, нравственных, политических, эстетических воззрений, что позволит правильно определить литературно-эстетическую позицию писателя 40—50-х годов XIX века, своеобразие гоголевского идеала Живой Души как ее доминанты. Реализации поставленной цели способствует практическая часть работы.

Для студентов-филологов ценность представляет изложение нетрадиционного взгляда на художественное творчество Н. В. Гоголя: материалы пособия содержат новый подход к анализу ранних произведений автора — «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода», «Арабесок», «Петербургских повестей», а также значительно углубленную характеристику второго тома «Мертвых душ», «Выбранных мест из переписки с друзьями», «Авторской исповеди», «Размышлений о Божественной Литургии», раскрывающих истинное лицо Н. В. Гоголя — духовного писателя.

Анализ малоисследованных произведений писателя, в научной литературе трактуемых многими современными исследователями как «реакционные» («Правило жития в мире», «О тех душевных расположениях и недостатках наших...», «О любви к Богу и самовоспитании», предсмертные записки духовно-нравственного содержания, молитвы), помогут студентам-филологам определить художественное своеобразие духовной прозы автора в целом.

Пособие имеет практико-ориентированный характер: в нем нашел отражение педагогический опыт преподавания творчества Н. В. Гоголя на уроках русской литературы в педколледже, на лекционных и семинарских занятиях по истории русской литературы в университете.

Материалы пособия могут стать содержанием спецкурсов, спецсеминаров по творчеству Н. В. Гоголя, основой при написании курсовых и дипломных работ по изучению духовной прозы писателя, для проведения внеаудиторной работы.

Учебно-методическое пособие рекомендуется студентам-филологам, преподавателям литературы вузов.

Т. И. Нестерович

Раздел 1
**ПОИСКИ ИДЕАЛА ЖИВОЙ ДУШИ
В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ**

**Тема 1.1 Проблема идеала Живой Души
в творческом наследии Н. В. Гоголя**

1.1.1 Понятие идеала

Как всякое научное понятие, «идеал» получает свое конкретно-содержательное определение в зависимости от принадлежности к той или иной форме общественного сознания. Так, например, «Философский энциклопедический словарь» трактует данное понятие следующим образом: «Идеал (от франц. *Ideal* — образец, прообраз, понятие совершенства, высшая цель стремлений» [55, с. 169]. В «Словаре по этике» идеал раскрывается как «понятие морального сознания и категория этики, содержащее высшие моральные требования, возможная реализация которых личностью позволила бы ей обрести совершенство; образ наиболее ценного и величественного в человеке, абсолютное основание долженствования; критерий разделения добра и зла» [188, с. 103]. «Идеал эстетический (фр. *Ideal*, от греч. *Idea* — идея, первообраз) — вид эстетического отношения, являющийся образом должной и желаемой эстетической ценности. Идеал эстетический — высший критерий эстетической оценки, которая предполагает сознательное или неосознанное сопоставление тех или иных явлений с идеалом эстетическим» [127, с. 97]. Как видно, понятие «идеал» определяется в науке по-разному. Общим является то, что идеал представляется как образец, нечто совершенное, высшая цель стремлений человека.

Необходимо отметить, что проблема идеала имеет достаточно давние социально-философские традиции, особенно в плане теоретического осмысления этого феномена. В той или иной мере, прямо или в связи с анализом других вопросов проблема идеала представлена в работах И. Берлина, Р. Р. Бурнашева, Б. С. Буряка, Е. Е. Громова, А. А. Гримотя, В. С. Давидовича, Е. Л. Дубко, Л. С. Зориловой, В. П. Крутоуса, В. А. Лекторского, А. Т. Калинкина, В. Крауса,

И. Б. Меснян-киной, Н. С. Мудрагей, В. Н. Муриана, П. И. Новгородцева, А. А. Новикова, Е. Поселянина, П. А. Рачкова, Н. А. Сетницкого, Й. Хейзинга и др. В исследованиях этих авторов освещаются различные аспекты идеала, его логико-гносеологические предпосылки, формы исторического бытия, проявления в разных сферах духовной жизни человека. В то же время разные авторы выделяют те или иные оттенки или грани идеала. Так, например, Э. В. Ильенков отмечает, что «в качестве всеобщей формы целеполагающей деятельности идеал выступает во всех областях общественной жизни», подчеркивает, что «творчество по идеалу, формирование вещества природы на основе идеала представляет собой специфически человеческую форму жизнедеятельности», указывает, что «категория идеала обладает глубоким социальным значением» [26, с. 193]. По мнению А. И. Яценко, «идеал выступает конечной, общей, самой существенной целью субъекта. Он есть тот ориентир, который направляет социально-формирующую сознательную деятельность субъекта. Идеал является самоцелью деятельности, «целью целей» [26, с. 71] человека. Русский философ П. И. Новгородцев подчеркивал практическое значение идеала: «Идеал есть стимул и условие бесконечного развития, а не гарантия абсолютного совершенства» [46, с. 145]. В. Краус в своем эссе «Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории. Следы рая. Об идеалах» обратил внимание на неразрывную связь ценностей и идеалов и, исходя из данной позиции, определил идеалы как «ценности, увиденные в их совершенстве» [33, с. 123].

Не трудно заметить, что при наличии такого разнообразия подходов к трактовке идеала философская литература единодушна в главном: следуя давно установившейся традиции, все исследователи видят в идеале духовное выражение определенной нормы, образа, отличающегося от повседневной действительности и обладающего побудительной силой к действию, тот образ совершенства, манящий ориентир, на который равняются люди в своей деятельности.

Идеалы конкретно историчны и культурно обусловлены. Этим фактом объясняется многообразие идеалов, общую классификацию которых можно представить в следующем виде: 1) общечеловеческие, национальные (Й. Хейзинга); 2) индивидуальные, социальные, гуманные, антигуманные (В. А. Лекторский); 3) общественные, социальные, национальные, государственные, партийные, общественно-групповые, международные, всемирные, эстетические, этические, правовые,

религиозные, духовные, культурные (П.А. Рачков); 4) идеалы личности — любовь, знания, мудрость; идеалы сверхличного содержания — мир, труд; культурные — гуманизм, Бог; идеал образованности, мудрости, учительства (В. Краус); 5) духовные, бездуховные (Л. С. Зорилова); 6) идеал-утопия — запредельный, трансцендентный; идеал-идеология — сопредельный; идеал-традиция (Л. В. Константинова); 7) истинные, ложные, прогрессивные, реакционные (В.П. Крутоус). При этом необходимо отметить, что данная классификация не является исчерпывающей.

В зависимости от конкретно-исторических реалий те или иные виды идеалов могут то выдвигаться на первый план, приобретать актуальное и всеобщее значение, то, наоборот, отходить на «задворки» истории, теряя свою прежнюю роль. Поэтому в более широком значении выдвигают идеалы постоянно актуальные, вечные и идеалы временно действующие, конкретно-исторические. В связи с этим можно говорить о соотношении идеала и действительности, идеала и утопии.

Идеал, являясь высшим абсолютным образцом некоей реальности, не остается чем-то неподвижным в отношении к ней. Диалектика здесь такова, что действительность способна изменяться в связи с наличием идеала и что взаимодействие между действительностью и идеалом представляет не что иное, как осуществление и воплощение идеала в действительности. Однако идеал полностью никогда не достигим, что позволяет говорить о его внутренне противоречивой природе. С одной стороны, идеал всегда находится в определенном разладе с действительностью, с другой — сама действительность вызывает идеал к жизни и формирует его конкретный образ. Следовательно, к идеалу нужно относиться как к рабочей регулятивной модели, а не как к конкретному проекту. При этом должна сохраняться связь идеала с настоящей действительностью и реальными тенденциями развития существующих систем. В ином случае происходит отрыв идеала от действительности, и тогда он превращается в утопию.

«Утопия (от греч. *U* — нет и *topos* — место, т. е. место, которого нет, — «Нигденция», или от греч. *EU* — благо и *topos* — место — «Блаженная страна»), развернутое описание общественной, прежде всего государственно-политической, и частной жизни воображаемой страны, отвечающей тому или иному идеалу социальной гармонии...» [36, с. 459]. Данное определение позволяет выделить отличительную

черту утопии — ее ориентацию на совершенное общество, на идеал, служащий основанием критики существующего и утверждения проекта будущего общества. Два этих момента — неприемлемость существующего мира и стремление к социальной гармонии — являются главными импульсами утопического сознания.

Важно подчеркнуть, что, имея в своем основании идеал, утопия, однако, не тождественна последнему. Специфичным для утопии является не сама по себе ориентация на идеал, а его особое понимание и особое отношение к нему. Идеал в силу своей недостижимости в мире вещей не может выступать реальной целью, понимаемой как конечный результат данной деятельности. «В утопии происходит несовместимое с природой идеала его превращение в практическую цель, идеал становится проектом. Превращенный в утопический проект, идеал становится идолом, требующим жертвоприношений» [52, с. 90], — рассуждает в своем исследовании Е. А. Смирнова.

А. А. Новиков в работе «О парадоксах идеала» выделяет два основных вида утопии — ретроспективную и проективную — и дает им свое толкование: «...Проективные утопии строят свой идеал как рациональный проект, модель будущего общества, в то время как утопии ретроспективные не изобретают свой образец идеального общества, а открывают его в далеком прошлом» [46, с. 164]. Таким образом, конструирование будущего воспринимается в одном случае как воспоминание, в другом — как пророчество.

Отметим, что, определяя взаимосвязь и взаимодействие идеала и утопии, мы исходили из понятия общественного идеала. «Общественный идеал — это такой мысленный образ, идеальная модель будущего, в котором так или иначе отражаются объективные тенденции, потребности общественного развития, прогнозируются судьбы стран и народов, стремления людей к более высокой, совершенной ступени истории, «снимающей» кризисные явления, глубокие социальные противоречия» [48, с. 31], — утверждает П. А. Рачков.

В отличие от других видов общественных идеалов, которые могут существовать как отвлеченные понятия, эстетический идеал тесно связан с эмоциональным отношением людей к окружающему миру. В то же время он находится с ними в единстве и, подобно им, имеет исторически определенное содержание, обусловленное в конечном счете общественной практикой, развитием материальной жизни и классовой борьбы, а также процессом развития искусства.

Эстетический идеал в самом первом приближении определяется как идеал красоты, идеал прекрасного. В. П. Крутоус указывает на «три положения, три истины», на перекрестке которых и сформировалось понятие «эстетический идеал». Они сводятся к следующему: «Красота, и прежде всего красота самого человека, обладает огромной силой воздействия и огромной притягательностью для других людей; красота имеет различные степени совершенства и воздействия; представление о наивысшей степени красоты является своеобразной путеводной звездой для человека в его творческой деятельности и «самосозидании», а также мерилom эстетической оценки всего, что его окружает и что создает он сам» [34, с. 138]. Из данных рассуждений следует, что понятие «эстетический идеал» шире понятия «идеал прекрасного», хотя прекрасное как центральная эстетическая ценность составляет основу, стержень эстетического идеала, его структурирующий элемент.

Эстетический идеал в искусстве, и в литературе в частности, выражает не просто представление о должной или желанной красоте, а сложное соотношение должного и сущего, субъективного и объективного, абсолютного и относительного, вечного и преходящего, абстрактного и конкретного, всеобщего и единичного в их диалектической взаимосвязи и взаимодействии. В силу указанной особенности эстетический идеал «диктует» художнику формы и смысловые доминанты своего воплощения в произведениях искусства.

Принято различать несколько форм утверждения эстетического идеала. Прямая форма предполагает изображение героев, являющихся яркими выразителями черт эстетического идеала. За такими образами закрепилось название «положительный герой». Антитетичная форма представляет собой изображение как раз антиподов эстетического идеала, с тем чтобы по контрасту можно было бы представить себе идеал эстетически должного и совершенного. Косвенная форма используется тогда, когда изображаются в общем обычные люди со своими достоинствами и недостатками. И, наконец, можно выделить еще одну форму выражения эстетического идеала — антиидеал.

Идеал в искусстве — это отнюдь не идеализация. Воплощение эстетического идеала не равнозначно созданию идеального героя или идеализации жизни. Оно, в первую очередь, предполагает подчинение всей образной системы произведения, всех сюжетно-композиционных и художественно-изобразительных средств единому идейно-эстетическому и творческому замыслу писателя. Любой объект

изображения и любой способ изображения приобретают эстетический смысл и значение в той мере, в какой через них раскрываются и утверждаются художественно-эстетические ценности и их высшее выражение — эстетический идеал.

Эстетический идеал является тем фундаментом, на котором строится все здание художественного образа. Создание высокохудожественного и жизненного эстетического идеала составляет непреходящую, вечную и в то же время всегда актуальную, злободневную задачу литературы. Об этом писали многие русские философы и литераторы XIX — начала XX веков. В частности, Н. А. Бердяев считал, что склонность к «светлым общественным идеалам, дух возвышенного утопизма не просто связаны с бытием, характером русского народа, особенностями его национальной жизни, но является одним из устойчивых свойств русской души» [7, с. 33]. И, видимо, совсем не случайно духовные и социально-политические идеалы, возвышенные утопические мотивы вошли в ткань всей русской литературы.

Каждый из художников слова идет своим путем к выражению идеала жизни как мира истины, любви, справедливости. Рассуждая по данному вопросу, И. Берлин отмечает: «...Некоторые, как Толстой, нашли ответ в мировоззрении... человека, не испорченного цивилизацией... Другие русские мыслители приняли научный рационализм... Некоторые обратились за ответом к учению православной церкви...» [8, с. 52]. Художник слова и мыслитель своего времени Н. В. Гоголь принадлежал к числу последних. В этом есть своя закономерность. Как считает русский философ Н. О. Лосский, поистине великое искусство «всегда стоит в связи, сознательной или подсознательной, с проблемами религии и со всеми абсолютными ценностями, с Богом, с Истиною» [37, с. 301]. Следует особо подчеркнуть, что идеал Живой Души Гоголя явился результатом эволюции идейных и художественных исканий автора и нашел наиболее полное воплощение в произведениях последнего десятилетия его жизни.

1.1.2 Идеал Живой Души как выражение мировоззренческих позиций автора

Не требует доказательств истина: нет настоящего художественного творчества без мастерства, без высокой требовательности к себе и результатам своего труда, без упорства и работоспособности,

без таланта, в основе которого лежит ежедневный труд писателя. Однако все эти отличительные качества творческой личности автора мало значимы без его художественной концепции мира, без мировоззрения, без целостной системы эстетических принципов, раскрывающихся прежде всего в литературных образах. В то же время мировоззрение художника не есть сумма вычитанных им философских истин. Оно рождается в самой жизни — из наблюдений над природой и обществом, из усвоения культуры человечества, из активного отношения к ним. Мировоззрение не только руководит талантом и мастерством художника, но и само формируется под их воздействием в процессе творчества. Своеобразие видения мира, отбор жизненного материала определяются и регулируются мировоззрением писателя. При этом наиболее непосредственно влияет на творчество художника та сторона его мировоззрения, которая выражается в эстетической системе, сознательно или стихийно реализуемой в образах, претендующих на авторский идеал.

По мнению Е. А. Смирновой, «в системе гоголевской мысли категорией, непосредственно связанной с положительным идеалом писателя, выступает душа» [53, с. 7]. При этом важно подчеркнуть, что проблема души является центральной не только в творчестве Гоголя, она актуальна для русского национального самосознания в целом. Об этом свидетельствует повышенный к ней интерес русских писателей и поэтов (А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Цветаевой, Б. Пастернака и др.), а также философов и мыслителей. Так, например, в книге «Душа России» Н. А. Бердяев писал: «В России, в душе народной, есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни... Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни. Есть мятежность, непокорность в русской душе, неутомимость и неудовлетворимость ничем временным, относительным и условным» [7, с. 13].

На наш взгляд, данное определение русской души как нельзя лучше выражает суть гоголевского идеала Живой Души — страстной, неутомимой, ищущей, мятежной, непокорной, которая сгорает искренним желанием найти пути спасения «для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни». Завет Гоголя современной

поэзии — идти «на битву... за... нашу душу» [22, т. 6, с. 363] — стал для самого писателя смыслом существования, что дает нам основание считать Живую Душу средством воплощения авторского идеала. На протяжении всего художественного творчества писателя она неизменно противопоставляется Мертвой Душе — духовно умершей, потерявшей в себе Бога. Поэтому идейно-художественное содержание его произведений, ранних и поздних, можно условно определить как изображение «невидимой брани» за Живую Душу человеческую. В этом видел свое призвание Гоголь — писатель-сатирик и Гоголь — религиозный мыслитель.

Все творчество Гоголя отражает его страстное стремление к идеалу. «Вечера на хуторе близ Диканьки» явились тем произведением, которое утвердило имя Гоголя в русской литературе и стало воплощением эстетического кредо юного писателя. Поэтическая душа русского народа с ее извечным стремлением творить добро и непримиримым отношением ко всяческой фальши, «кривде», с ее наивной доверчивостью, незлобивостью, ее жизнерадостным юмором составила содержание гоголевского эстетического идеала, определила ту нравственную атмосферу, которая царит на страницах гоголевских повестей. Их герои — морально здоровые люди, честные, благородные, любящие жизнь в ее возвышенных, нравственно-целомудренных устоях. Параска и Грицько, Левко и Галя, Федорка и Петрусь, Вакула и Оксана, Данило и Катерина — все они ненавидят сословное и имущественное неравенство, борются с суевериями, косностью «отцов». Они молоды, сильны, красивы, а самое главное — несут в себе любовь, чистое, целомудренное отношение к ней. Все истинно прекрасное, что воплощают в себе герои, возвышает душу человека, становится источником радости, счастья и веселья, о чем писал Пушкин, прочитав повести цикла: «Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! какая чувствительность!» [39, с. 73]. Эта «настоящая веселость», по Гоголю, залог того, что живая Русь существует.

Дух красоты веет над жизнью гоголевских героев, здесь она всесильна, ею движется сюжет. Важно подчеркнуть, что Гоголь как художник высоко ценил красоту и дорожил ею. Вот почему уже в данном цикле воплощением эстетического идеала писателя становится красота. Она достигает высшего своего выражения в образах

славных украинских «дивчин». Все они индивидуальны, неповторимы: простодушная Параска с ее непосредственным чувством любви; сложная и противоречивая Оксана, которая долго скрывает глубокое чувство к Вакуле под внешней холодностью; Катерина с ее самоотверженной любовью к мужу. Не трудно заметить, что любование красотой женщины в «Вечерах...» почти всегда связано с описанием великолепных пейзажей. Гоголевские красавицы изображаются лишь на фоне неповторимой украинской природы и воплощают в себе, по словам писателя, изгибы доброй и прекрасной русской души. Параска воспринимается только на фоне роскошного украинского лета, в единстве с ним. Юная красота Ганны — часть картины ликования весенней природы, майской ночи на Диканьке. А обаяние Оксаны неотделимо от поэзии украинской зимы с ее снегами, народными обычаями, святочными ночами, весельем и любовью. Таким образом, красота природы оттеняет красоту человеческую и является свидетельством духовной полноценности героев, что, по Гоголю, равносильно наличию в них Живой Души. Подлинно прекрасные картины, изображающие нравы и природу Малороссии, закономерно подводят к выводу: перед нами впечатлительная, поэтическая, бьющая через край Живая Душа Гоголя, бесконечно любящая свой народ, свою Родину.

В статье «Об архитектуре нынешнего времени» писатель отмечал: «Истинный эффект заключен в резкой противоположности, красота никогда не бывает так ярка и видна, как в контрасте» [22, т. 6, с. 69]. По принципу контраста построены повести цикла, он является одновременно стержнем всей книги. Вот почему возвышенное и низменное, любовь и ненависть, радость и грусть идут в ней рядом, воплощая в себе, в конечном итоге, красоту и антикрасоту. Так, например, светлая, лирическая атмосфера «Сорочинской ярмарки» обрывается вдруг грустным раздумьем о быстротечности человеческой радости — этой «прекрасной и непостоянной гостыи». Оно как бы раздвигает границы повести и наполняет ее новым смыслом: жизнь оказывается отнюдь не такой уж безоблачно прекрасной, она полна драматизма, в ней действуют страшные, жестокие силы. Их воплощением в повестях является тщеславный пан голова («Майская ночь, или Утопленница»); суетливый, заискивающий, пресмыкающийся Потемкин («Ночь перед Рождеством»); всякая чертовщина — «красная свитка» («Сорочинская ярмарка»),

Басаврюк («Вечер накануне Ивана Купала»), колдун («Страшная месть»), «дьявольская сволочь» («Пропавшая грамота»), «враг человеческого рода» («Ночь перед Рождеством»), «нечистая сила» («Заколдованное место»). Именно они вносят разлад в гармонию Живой Души писателя с окружающим миром и закономерно приводят к мысли: нет совершенства в мире. С помощью этого контраста читатель постигает суть гоголевского представления о зле в целом: оно понимается писателем как отсутствие добра, как жалкая пародия на добро, лишь оттеняющая его достоинства.

«...Стоит реальности презреть хотя бы на мгновение свою связь с Богом... как она на глазах дробится, обесмысливается» [58, с. 55] — так можно объяснить появление в данном цикле повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Она является прямым контрастом к содержанию первой части книги. «...Область абсурда, почти что безо всяких высоких движений, без бога и черта, царство дробления», «разлада духовного и вещественного» [58, с. 55] — вот тот мир, который неожиданно представляет здесь читателю Гоголь. Воплощением его является главный герой повести, так непохожий на предыдущих. «Пошлость», незначительность его фигуры заключена уже в самой фамилии. Она соответствует ничтожному внутреннему миру героя: он закончил несколько классов гадячского поветового училища, и поручичий чин — вполне удовлетворяющее героя «образование». Духовная «мертвенность» Ивана Федоровича выражена одной только фразой: «Книг он, вообще сказать, не любил читать» [22, т. 1, с. 177]. Он не способен ни к какому умственному напряжению. Несколько связанных слов, иногда ненароком слетающих с его языка, вызывают в нем счастливое умиление тем, «что выговорил столь длинную и трудную фразу» [22, т. 1, с. 188].

Под стать Ивану Федоровичу и другие герои повести как из «армейского» света, так и из «домашнего» окружения. Можно до бесконечности перечислять их мелкие, почти незаметные, но отнюдь не маловажные «пошлые» черты. Однако очевидно одно: перед нами та самая «потрясающая тина мелочей», опутавших человеческую жизнь, те самые «холодные, раздробленные, повседневные характеры», которыми «кишит» наша «земная дорога» [21, с. 446], т. е. та самая тема «мертвой души» обыкновенного, «пошлого» человека, которой Гоголь посвятит позднее главное произведение своей жизни — поэму «Мертвые души».

Контраст, на котором строится цикл повестей Гоголя, закономерно ставит перед читателем вопросы: какая красота нужна человеку и в чем ее суть? Следовательно, Гоголь стремится к воплощению своего идеала не только путем утверждения красоты, но и путем отрицания безобразного в мире. В каждой повести «Вечеров...» идет «внешняя» и «внутренняя брань» за Живые Души героев. Именно изображением «невидимой брани» темных сил за душу человека, по мнению И.А. Виноградова, и объединяются все повести книги. Так, например, в повести «Страшная месть» религиозный мотив покаяния является одним из ключевых. «Покаюсь: пойду в пещеры, надену на тело жесткую власяницу, день и ночь буду молиться богу...» [22, т. 1, с. 152], — просит о пощаде страшный колдун свою дочь Катерину.

«...Выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос зеленою краскою с красными цветами» [22, т. 1, с. 135] и герой повести «Ночь перед Рождеством» — кузнец Вакула, вошедший в сношения с чертом ради любимой Оксаны. Истинное удивление вызывает у читателя и решимость деда в повести «Пропавшая грамота», объявившего «напрямик, что скорее даст он отрезать оселедец с собственной головы, чем допустит черта понюхать собачьей мордой своей христианской души» [22, т. 1, с. 83]. Повестью «Заколдованное место», по мнению И.А. Виноградова, «писатель предупреждает о недопустимости самонадеянного, легкомысленного отношения к самой возможности соприкосновения с темными силами» [13, с. 88]. Невозможностью «любого компромисса и любой двусмысленной игры с князем тьмы» [58, с. 56] можно объяснить и трагедию Петруся («Вечер накануне Ивана Купала»), Катерины («Страшная месть»). Однако деятельное участие гоголевских героев в священной битве с чертом позволяет им закалиться духом и выказать свои лучшие качества, делом доказать свое право на вечность.

Из вышесказанного следует, что религиозные мотивы можно найти во всех повестях «Вечеров...». Они незаметны, не претендуют на господствующее положение, однако они есть, за ними чувствуется Живая Душа Гоголя. Они подводят закономерно к выводу: характер ранней гоголевской прозы не может быть понят без соотношения его с последним периодом духовного и творческого развития автора. Основание для такого подхода в осмыслении своего раннего

творчества положил сам Гоголь. В письме к А.О. Смирновой в 1844 году он отмечал: «В них точно есть кое-где хвостики душевного состояния моего тогдашнего, но без моего собственного признания их никто и не заметит и не увидит» [13, с. 9]. В 1848 году, работая над вторым томом «Мертвых душ», в письме к А. М. Вьельгорской писатель признается: «Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочинениях. Их не всякий заметил» [13, с. 9—10]. И, наконец, в «Авторской исповеди» Гоголь скажет: «Причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях моих, показавшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности» [22, т. 6, с. 412]. Эта «душевная потребность», по словам писателя, была связана с «меланхолическим от природы» его характером, «припадками тоски», развеять которую ему удавалось с помощью шутки. Следовательно, назначение «Вечеров...» сам Гоголь видел и в том, чтобы отвращать отчаявшегося человека от пагубного уныния. Тема борьбы с унынием станет одной из центральных в его духовной прозе.

На наш взгляд, внимания заслуживает также и вопрос о жанре произведений, вошедших в цикл «Вечеров...». Традиционно они назывались повестями. Однако Гоголь склонен был определять свои повести «сказками». Как переложение украинских народных сказок были они восприняты и первыми читателями. К тому же сами рассказчики «Вечеров...» называют у Гоголя свои истории «сказками». В «Учебной книге словесности...» смысл этого жанра писатель поясняет так: «Сказка может быть созданием высоким, когда служит аллегорическою одеждою, облекающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ошутительно и видимо даже простолюдину дело, доступное только мудрецу» [22, т. 6, с. 386]. Данное определение, на наш взгляд, вполне применимо и к «сказкам» «Вечеров...». Оно позволяет сделать вывод: для Гоголя «сказка» — возможность заговорить с читателем на языке художественных образов о самой истине, в незамысловатом повествовании преподать серьезный нравственный урок. Мы считаем, что в «Вечерах...» он сводится к призыву писателя хранить чистоту Живой Души своей, что равноценно призыву к борьбе с Мертвыми Душами. В творчестве Гоголя — писателя-христианина и религиозного мыслителя — он прозвучит открыто, станет его «проповедью» и «исповедью».

Однако данного призыва не смогли услышать и понять большинство современников Гоголя, чем и объясняется неудовлетворенность писателя своим произведением, хотя, по его же словам, «Вечера...» понравились всем, «начиная от Государыни».

Сознание, что «добрая мысль», положенная в основу его «сказок», не была замечена читателями, заставляет Гоголя думать о чем-то «увесистом, великом, художническом» [39, с. 76]. Эта задача была реализована писателем в новом цикле — «Миргород». «Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки», — таков подзаголовок «Миргорода». Но эта книга была не просто продолжением «Вечеров...». В ней Гоголь обратился уже к изображению «прозы жизни», что окончательно закрепило за ним имя «поэта жизни действительной».

В «Правиле жития в мире» Гоголь писал: «Душевный сон никак нельзя назвать прекрасным состоянием. Правда, мы не чувствовали тогда тревог; но зато... нам не было поприща показать красоту, величие души, терпение, твердость, жар истинной молитвы, веру истинную в Бога, любовь истинную... Словом, нам не представилось бы подвигов, за которые награды небесные готовятся человеку» [13, с. 152]. Эти слова словно бы адресованы главным героям «Старосветских помещиков» — Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне Товстогубам, жизнь которых представляется нам как «душевный сон». Никакого проблеска духовности нельзя заподозрить в этих людях, так как весь мир кончается для них за частоколом их двора. С первых страниц повести читателю становится ясно, что это близкое к духовной смерти состояние животного покоя никак не может являться идеалом. Тогда естественно возникает вопрос: откуда в этом произведении глубокие, доходящие до щемящей грусти переживания Гоголя? Думаем, ответ можно найти в определении повести, данном Д. И. Чижевским, — «идеологическая идиллия».

Известно, что создание произведения проходило для Гоголя далеко не безболезненно и связано было с поездкой писателя в родную Васильевку, поразившую его тягостной картиной разорения родного края. Несомненно то, что Гоголь не принимает бездуховности своих героев, но и не отрицает их абсолютно. Такую «ясную, спокойную жизнь», которую ведут его герои, вели все «старые национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии, всегда составляющие противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются

из дегтярей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на **о**, слог **въ**» [22, т. 2, с. 9]. Вот почему сердцу писателя милее «доброта», «радушие», «чистосердечие» «малороссийских старинных» фамилий, являющихся абсолютным контрастом жестокости, развращенности современного цивилизованного мира — этого «неспокойного порождения злого духа, возмущающего мир» [22, т. 2, с. 7]. И писателю несложно убедить нас в этом. После смерти Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны вдруг нагрянул в их имение дальний родственник — «страшный реформатор». Судя по его «нововведениям», можно утверждать, что этот герой является прообразом Кошкарева, героя второго тома «Мертвых душ». Следовательно, от «Старосветских помещиков» идет прямая дорога к «Мертвым душам», ее образам, главной идее. В то же время «Старосветские помещики» Гоголя насквозь проникнуты элегическим настроением, искренней грустью об ушедшей гармонии, красоте патриархальной жизни, так глубоко чтимой Живой Душой автора.

«Дремлющая» жизнь гоголевских героев нуждается в пробуждении. Это пробуждение, одухотворение «низменной буколической жизни» своих героев Гоголь изображает в следующей повести — «Тарас Бульба». Именно тоска по идеалу — Живой Душе — влекла писателя к героической запорожской вольнице. И совсем не случайно в самый разгар работы над «Мертвыми душами» Гоголь вновь обращается к этой повести — самому светлому уголку своего художественного мира.

Резкими и выразительными штрихами рисует Гоголь героев Сечи, жизнь которых, в отличие от жизни старосветских помещиков, наполнена высоким смыслом. Это прежде всего Тарас, отдающий себя безраздельно служению товариществу, Отчизне. Это и сын его, Остап, бесстрашно поднимающийся на плаху; Бовдюг, страстно призывающий к товариществу; Шило, преодолевающий неимоверные препятствия, чтобы вернуться в родную Сечь; Кукубенко, высказывающий перед смертью свою заветную мечту: «Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» [22, т. 2, с. 112]. Всех этих героев объединяет одно — русская Живая Душа. Именно о родстве «по душе», а не «по крови» говорит Тарас в пламенной своей речи о товариществе: «Нет уз

святое товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек» [22, т. 2, с. 105].

По мнению И. А. Виноградова, все главные движения запорожского войска в повести определяются исполнением заповеди Спасителя о любви к братьям: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [13, с. 127]. Исполняют ее казаки, отправившиеся в поход на защиту гонимых православных христиан; казаки, оставшиеся под стенами Дубно с целью выручить друзей из польского плена; казаки, преследующие татар, пленивших их товарищей. Все это говорит о главном для Гоголя: узы естественного родства уступают место нетленным узам «небесного братства». В торжестве этих нетленных уз видится писателю залог того, что «у нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднуется Светлое Воскресенье Христово!» [22, т. 6, с. 369].

Теме возвращения человеку утраченного «первообраза» посвящена и последняя повесть цикла — «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Следуя гоголевскому принципу изображения героев (один дополняет другого), можно смело применить авторское определение — «это небольшое подобие человека» — и к Ивану Ивановичу, и к Ивану Никифоровичу. Жизнь их лишена высокого смысла, нет в ней ничего светлого и прекрасного. Пустая ссора, разделившая двух неразлучных друзей, — свидетельство нарушения ими одной из христианских заповедей: «Как Христос простил вас, так и вы» [13, с. 158].

«У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди, — писал Гоголь матери 2 октября 1833 года. — Толкуют о добродетели, о Боге, а между тем не делают ничего» [13, с. 159]. «Ничего не делают» для того, чтобы спасти свои Мертвые Души, Иван Иванович и Иван Никифорович. Долгих двенадцать лет длится тяжба между героями — «двумя единственными друзьями» в Миргороде. И даже Храм Святой не в силах их помирить. Именно в церкви последний раз мы видим гоголевских героев «почтенными стариками с поседевшими волосами» [22, т. 2, с. 219]. Вспыхнувшая перед иконой лампада напоминает им о «должном» облике человека, о заключенном в нем образе и подобии Божию. «Высвеченный» иконой искаженный «образ» Ивана Никифоровича (а также Ивана Ивановича) —

свидетельство искажения всей их жизни, указание на пропасть, отделяющую их от «тех истинно верных, которые присутствовали на Литургии в первые века христиан, которых лики глядят теперь на него с иконостаса» [23, с. 348].

Таким образом, открыв «Миргород» восклицанием: «Я очень люблю...» [22, т. 2, с. 7] (начало «Старосветских помещиков») и завершив его вздохом: «Скучно на этом свете, господа!» [22, т. 2, с. 220] (финал повести о двух Иванах), Гоголь обозначил свое отношение к миру Мертвых Душ, которое можно определить как двойственное: с одной стороны, писатель — восторженный воздыхатель, с другой — иронический аналитик. Гоголь отрицает бездуховность своих героев и в то же время ценит в них стремление к изначальным, не опошленным цивилизацией формам жизни, проповедь которых будет звучать на протяжении всего художественного творчества писателя. В этой проповеди мы слышим голос Живой Души автора — истинного писателя-художника.

Так появляется в произведениях Гоголя тема искусства и художника, которая помогает понять суть гоголевского идеала Живой Души. Подготовленная всем предшествующим творчеством, она впервые наиболее полно выразилась именно в «Арабесках». «... Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина» [22, т. 6, с. 59—60] — вот тот эстетический принцип, который отныне становится центральным в системе гоголевских взглядов на искусство, а образ истинного писателя-художника — воплощением эстетического идеала, голосом самого автора.

Таким образом, сборник «Арабески» явился тем художественным трудом Гоголя, в котором автор излагает впервые более стройную систему эстетических взглядов и программу своего дальнейшего творчества. Большинство критиков как в прошлом, так и в настоящем отрицало в нем единство и смотрело на «Арабески» как на сборник, включающий статьи и произведения, мало связанные между собой. Данное мнение было отчасти созвучно замыслу писателя. По словам Гоголя, сборник должен был представить «смесь всего», «всякую всячину» и показать художника как разностороннего публициста и ученого: критика, историка, мыслителя. В то же время «Арабески» — своеобразное художественно-публицистическое произведение с единой общей идеей, главным героем и целостной композицией. Содержание

сборника выражает мировоззрение и духовный мир Гоголя, являясь поэтическим дневником его души. В «Арабесках» Гоголь воспевает красоту мира и все прекрасное в человеке. Искусство, по его мнению, является вечным источником этого прекрасного и поэтому должно служить человеку, оберегая его от корысти и житейской суеты, обращая его душу к высокому, возбуждая в нем порыв к самосовершенствованию, красоте, идеалу. Вот как, например, в статье «Скульптура, живопись и музыка» Гоголь поясняет влияние на душу человеческую одной из «трех прекрасных цариц мира» — музыки: «...Душа его не созерцает непостижимого явления, но сама живет, живет своею жизнью, живет порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная, она проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов» [22, т. 6, с. 21]. По мысли писателя, не всякая душа в состоянии воспринять так музыку, а лишь та, которая несет в себе любовь к Богу, — Живая Душа. «...Но могущественней и восторженной, — продолжает автор, — под бесконечными, темными сводами катедраля, где тысячи поверженных на колени молельщиков стремится она в одно согласное движение, обнажает до глубины сердечные их помышления, кружит и несется с ними горé, оставляя после себя долгое безмолвие и долго исчезающий звук, трепещущий в углублении остроконечной башни» [22, т. 6, с. 21].

«Одно согласное движение» — это прежде всего ангельское «состоянье душ» «верных», в котором «может прямо говорить человек с Богом» [23, с. 362]. Мысль эта найдет свое воплощение в «Божественной Литургии».

Статьи сборника, а также художественные повести, вошедшие в его состав, позволяют читателю представить образ центрального героя — истинного писателя-художника. Наиболее полное художественное воплощение этот образ получил в повести «Портрет», которая, наряду с «Невским проспектом» и «Записками сумасшедшего», первоначально была помещена в «Арабесках». Мысль о том, что подлинный художник должен служить только истинному искусству и свято соблюдать нравственный долг, обнаруживает себя уже в первой части произведения — в истории Чарткова, способного художника, загубившего свой талант изменой правде и призванию. Уже здесь Гоголь подчеркивает зависимость таланта от «чистой души» художника, гибель которой неизбежно приводит к его падению: «Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою» [22, т. 3, с. 112].

Тема «истинного художника» развивается Гоголем еще глубже в истории Старца, рассказанной его сыном во второй части повести. Читателя удивляет и в то же время восхищает христианский образ жизни этого «художника-самоучки», «увлеченного только одною жаждою усовершенствования и шедшего, по причинам, может быть, неизвестным ему самому, одною только указанною из души дорогою» [22, т. 3, с. 104]. Уже здесь звучит излюбленная гоголевская идея о связи религии и искусства — «талант есть драгоценнейший дар бога» [22, т. 3, с. 111], которая станет одной из основных в «Выбранных местах...» и воплотится в судьбе художника Иванова. Определяя истинную цель творчества своего героя, Гоголь замечает: «И внутреннее чувство, и собственное убеждение обратили кисть его к христианским предметам, высшей и последней ступени высокого» [22, т. 3, с. 104]. Именно тогда, поясняет писатель, когда великий художник отошел в своей жизни от этой христианской заповеди (изобразил на картине ростовщика — истинное воплощение духа тьмы), и начинается его временное «падение». Свою вину перед Богом художник искупил, оставив свет и посвятив себя монашеской жизни, наполненной покаянием, очищением души, молитвами. Это внутренне подготовило героя к созданию им последней картины, в которой он замыслил рассказать людям о высоком идеале и оказать на них сильное нравственное влияние, определив «предметом» ее «рождество Иисуса». Здесь автор произведения незримо сливается с образом Старца и самораскрывается, рассказывая о творческих и нравственных исканиях любимого героя. Рассуждения о недопустимости идеализации в художественном творчестве, о несостоятельности искусства, основанного на натуралистическом копировании природы, наставления старого художника своему сыну-живописцу о том, как следует относиться к своему дарованию, к творчеству вообще, об отсутствии в природе «низкого предмета» — во всем этом отразились заветные раздумья самого Гоголя. Здесь явственнее, чем где либо в произведении, мы слышим голос гоголевского идеала Живой Души.

Чисто авторскими, мы считаем, являются в повести и рассуждения сына старого художника о том, что лишь под эгидой монархической власти, но «не во время безобразных политических явлений и терроризмов республиканских» расцветают «творенья ума, поэзии и художеств» и возникают «истинные гении» [22, т. 3, с. 101]. В них

слышится вновь голос автора «Выбранных мест...», искренне уверенного в том, что монарх есть «посланник Бога» на земле.

Необходимо отметить, что долгое время в литературоведении распространено было мнение о противоречии, идейной и художественной несогласованности между двумя частями повести. Тем не менее повесть о трагедии художника Чарткова, познавшего радость вдохновенного творчества и не сумевшего отстоять свое искусство от растленной власти денег, приводит к той же мысли, которой завершается вторая часть повести: «Спасай чистоту души своей!» [22, т. 3, с. 112]. В этом ракурсе написаны и все остальные повести цикла, который позднее получит название «Петербургские повести».

«Ни один писатель, — отмечал А. А. Григорьев, — не обдает вашей души такую тяжелою грустью, как Гоголь, когда он беспощадно разнимает трупы, обливается желчью и негодованием над утраченным образом Божиим в человеке, образом вечно прекрасного» [50, с. 112].

Именно Мертвыми Душами можно назвать главных героев повестей «Записки сумасшедшего», «Шинель» — Поприщина и Башмачкина. Подобно автору, выразившему чувство глубокого сострадания к своим героям, с грустью следует признать, что гоголевский «маленький человек» превратился в данную сущность не по собственной воле. Он есть порождение и одновременно жертва той страшной действительности, которая вырвала у писателя из глубины души идущий крик: «Боже! пусто и страшно становится в твоём мире!» [22, т. 6, с. 367]. Не клиническая история обезумевшего Поприщина занимала Гоголя в «Записках сумасшедшего». Не трагическое повествование о приобретении и утрате Башмачкиным шинели является главным в повести «Шинель». Предмет художественного исследования писателя — бездуховность современного ему общества как социальная болезнь, жертвами которой были тысячи поприщинных и башмачкиных.

Нищета духа — определяющее качество гоголевских героев, так как они живут в мире, где имя человека забыто за условными понятиями сословия и чина, где социальное положение его определяется содержимым кошелька. «Достатков нет — вот беда» [22, т. 3, с. 158], — с сожалением констатирует Поприщин, желавший быть бы и «генералом». Иначе никак не может осуществиться его безумная сама по себе мечта — жениться на Софи, дочери своего директора,

хотевшего видеть ее непременно «или за генералом, или за камер-юнкером...» [22, т. 3, с. 164].

Мечты героя прерываются «злобно-холодным» юмором автора: «Ведь через то, что камер-юнкер, не прибавится третий глаз на лбу» [22, т. 3, с. 164]. Не прочь стать «порядочным» и Башмачкин, размышлявший о будущей шинели: «...Не положить ли, точно, куницу на воротник?» [22, т. 3, с. 125—126]. Именно такие юзуют высшие чиновники. Мысль прозвучала пока робко, но она прозвучала. Следовательно, добротная шинель для героя — это не только спасение от «сильного врага» — северного мороза, но и своего рода пропуск в тот мир, где он может почувствовать себя человеком, а не «вечным» титулярным советником. Но пока Поприщин всего лишь «совершенная черепаха в мешке» [22, т. 3, с. 163], которую не хотят признавать даже люди лакейского круга. А Башмачкин — «существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естественнонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху» [22, т. 3, с. 138]. Емкое сравнение — «муха» — как нельзя лучше подчеркивает обезличенность героя и звучит в тексте повести дважды: в начале, чтобы определить незначительность события, — появился на свет божий человек без чина, и в конце, чтобы указать на ничтожность прожитой им жизни.

Необходимо отдать должное Поприщину, который, в отличие от Башмачкина, хоть однажды задает себе вопрос: «Мне бы хотелось знать, отчего я титулярный советник?» [22, т. 3, с. 165]. В этом вопросе звучит не только заветное желание героя получить чин выше, но и потребность заявить о своем человеческом достоинстве. Чин нужен Поприщину не для того только, чтобы приобрести всякие господские «экивоки», а чтобы плюнуть в глаза своим угнетателям, так как все они «мать, отца, бога продадут за деньги, честолюбцы, хриstopродавцы!» [22, т. 3, с. 168]. Вот где социальные истоки сумасшествия героя. Вот тот мир, где нормальными людьми являются только психически больные, способные, однако, сделать такие глубокие выводы. В этом, на наш взгляд, видит Гоголь возможность нравственного возрождения своего героя.

Следует отметить, что если Поприщин способен вынести приговор растлевающему миру господ, то Башмачкин пытается найти в нем защиту. «Значительное лицо» в глазах героя — государственный

муж, который должен защитить его права, помочь ему в беде. В то же время грубость и равнодушие этого чиновника окончательно убивают Башмачкина. А обезличенность его — отсутствие имени и фамилии — наводит читателя на мысль: так ведут себя все «значительные лица». И все же умирающий Башмачкин «бунтует» по-своему: в предсмертном бреде он начинает «сквернохульничать», «произнося самые страшные слова», которые «следовали непосредственно за словом «ваше превосходительство» [22, т. 3, с. 137]. Значит, зреет в душе «маленького человека» недовольство тем миром, обрекающим его на нравственную смерть. Предсмертный «бунт» героя, на наш взгляд, единственный признак того, что в душе его осталось еще что-то живое, человеческое. И в этом отношении он заслуживает сострадания и уважения читателя.

Исследователи неоднократно отмечали, что финал повести «Записки сумасшедшего» напоминает народный плач. Можно с уверенностью заявить, что устами Поприщина просят о пощаде миллионы таких же угнетенных, бесправных людей России, своими мольбами напоминая о вечном: «Я брат твой» [22, т. 3, с. 116]. В повести «Шинель» этот крик попытался услышать высокий чиновник — «значительное лицо», почувствовав вдруг «упреки совести» после разноса Башмачкина. Его сердцу, оказывается, «были доступны многие добрые движения» [22, т. 3, с. 139]. Встреча с мертвым Акакием Акакиевичем «сделала на него сильное впечатление» [22, т. 3, с. 141], он по-другому стал относиться к своим посетителям.

Хочется отметить, что это заверение автора звучит немного наивно и странно, если соотносить его с содержанием только повести «Шинель». Однако эта странность воспринимается совершенно по-другому, если рассматривать данное произведение в ракурсе духовной прозы писателя. Тогда крик души Башмачкина — «Я брат твой» — перевоплощается в вечную христианскую заповедь, которой и следовал Гоголь в личной жизни и художественном творчестве: очистить от скверны свою душу и помочь в этом другим. В «Шинели» и «Записках сумасшедшего» она звучит еще неуверенно. В «Выбранных местах...» она станет доминирующей, составит идейное содержание произведения. Повести Гоголя «Записки сумасшедшего» и «Шинель», как и другие, вошедшие в «петербургский» цикл, призывают спасти человека от бездуховности, распада души, возбудить в нем духовное, исцелить. Они — неотъемлемая часть того пути, по которому шел Гоголь в поисках Живой Души.

«Ныла душа моя, когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных подвижным холодом души своей и бесплодной пустыней сердца...» [22, т. 4, с. 246] — эти слова автора пьесы в «Театральном разезде» одновременно и продолжают «Петербургские повести» Гоголя, и в то же время начинают новый разговор о дальнейших путях поиска художником своего эстетического идеала, который он попытался воплотить в образах, идеях, мотивах драматургических произведений. По признанию С.Т. Аксакова, «русская комедия его сильно занимала» и у Гоголя был «свой оригинальный взгляд на нее» [58, с. 87].

Обращение Гоголя к комедии было закономерным, так как ее жанровое содержание позволяло писателю подходить к предмету изображения с точки зрения идеала. Известно замечание Сервантеса в «Дон Кихоте»: «...Никто так ясно не покажет нам различия между тем, каковы мы суть, и тем, каковыми нам быть надлежит, как комедия и комедианты» [58, с. 86]. Здесь необходимо указать и на особый интерес Гоголя к современности, сильной стороной которого было резко критическое к ней отношение, исходящее из установлений и требований авторского идеала.

«Правит пьесою идея, мысль, — говорит один из персонажей «Театрального разезда». — Без нее нет в ней единства. А завязать может все: самый ужас, страх ожидания, гроза идущего вдали закона» [22, т. 4, с. 221]. В «Ревизоре» именно стихия страха является главным побудителем действий всех героев. Ужас, сковывающий персонажей, вызван мыслью об ответственности за содеянное, мыслью об идеале. Подлинному преобразению в страхе Божьем предшествует в пьесе мнимое преобразование в страхе перед лже-ревизором. Идея ревизора истолковывается Гоголем как олицетворение высшей, загробной, вечной совести. Она заключена в финале комедии, представляющем собой момент наивысшего ее напряжения. Немая сцена длится полторы минуты и является мерой того ужаса, который охватил всех персонажей пьесы. Это своеобразное обращение их в единство, во всеобщее окаменелое молчание при мысли о Страшном суде. Грешны все, виновны все, каяться нужно всем — таков содержащийся здесь подтекст. И такой выход подсказывает своим героям истинно христианская Живая Душа автора. Ее воплощением в пьесе является смех — «честное, благородное лицо» [22, т. 4, с. 245] — единственный положительный герой произведения. Будучи уверенным в том, что

он «дан нам на то, чтобы поражать им все, позорящее высокую красоту человека» [22, т. 4, с. 356], Гоголь стремится «поступить христиански»: напомнить русскому человеку о том, что «лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце ее» [22, т. 4, с. 351].

Современники писателя восприняли «Ревизора» как произведение, которое потрясло основы самодержавно-крепостнической России, увидели в нем социально-сатирическую комедию. Однако Гоголь, выступая против традиционного мнения о пьесе как политической сатире, писал: «Разве всяк из нас приступает к произведению писателя, как пчела к цветку, затем, чтоб извлечь из него нужное себе? Нет, мы ищем во всем нравоченья для других, а не для себя» [13, с. 277]. Вот почему в «Театральном разъезде» устами одного из своих героев писатель утверждал, что видеть в его комедии только «злую сатиру», направленную на то, чтобы поколебать основные «законы правленья», есть близорукость. На этом Гоголь будет настаивать неоднократно в продолжение всей своей жизни. Очевидно, что писатель изначально рассчитывал вовсе не на политическое, но на нравственное воздействие комедии, так как вера в исправление русского человека, воскрешение его души никогда не покидала Гоголя.

«Ключ» к своей пьесе писатель дает в «Развязке «Ревизора», написанной в 1846 году. По замыслу автора, произведение должно было стать своего рода эпилогом к комедии, позволяющим расширить ее толкование. Писатель по-прежнему выражает уверенность, что комедия должна быть «общественным, народным созданием» [22, т. 4, с. 221], «картиной и зеркалом общественной нашей жизни» [22, т. 4, с. 237]. Однако, по мнению Гоголя, сатира должна быть обращена не только на общественные язвы, но и вовнутрь души человеческой, чтобы поразить то, «что порочит красоту собственной души каждого из нас» [22, т. 4, с. 356]. По этой причине, считает писатель, нет нужды искать на географической карте России город, в котором правит Антон Антонович Сквозник-Дмухановский. Первый комический актер так прямо и заявляет: «...Этакого города нет во всей России» [22, т. 4, с. 350]. «Ну, а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас?» [22, т. 4, с. 350] — задает вопрос тот же персонаж. Значит, «ключ» к «Ревизору», по мнению Гоголя, сводится к следующему: провинциальный город, изображенный в комедии, — это «душевный город» человека, который сидит у всякого; под видом чиновников

«бесчинствуют наши страсти», воруя казну собственной души нашей»; Хлестаков — это «ветренная светская совесть»; «лицемерны наши страсти»; комедия имеет своим назначением пробудить в душе читателя и зрителя боязнь подлинного ревизора, то есть «нашей проснувшейся совести» [22, т. 4, с. 351]. Следовательно, считает Гоголь, смех, возбуждаемый комедией, должен быть обращен вовнутрь человека, на изгнание «наших душевных лихоимств».

Позицию автора комедии выражает в «Театральном разезде» Очень скромно одетый человек. В «пестрой куче толков», которую слышит автор пьесы после ее представления, дороже и ближе ему именно мнение этого персонажа. «И как я могу сказать теперь, что во мне нет сию же минуту тех самых наклонностей, которым только что посмеялись назад тому десять минут все и над которыми я сам посмеялся» [22, т. 4, с. 225], — делится впечатлением герой и заверяет автора: «...Теперь, именно после этого представления, я чувствую свежесть и вместе с тем новую силу продолжать свое поприще» [22, т. 4, с. 226]. Однако среди зрителей комедии много еще и таких, что не имеют духу посмеяться над «своей кривою душой», «освежиться». Заветной мечтой звучат слова писателя о том, что комедия должна «все потрясти снизу доверху, превратясь в одно чувство, в один миг, в одного человека», и тогда только «люди встретятся, как братья, в одном душевном движении» [22, т. 4, с. 247].

Искренним желанием писателя правильно истолковать суть своей комедии можно объяснить и появление в печати «Отрывка из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору» (опубликовано в 1841 г.), и «Предупреждения для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора» (опубликовано в 1856 г.), и «Второй редакции окончания «Развязки Ревизора» (опубликовано в 1856 г.). Так, например, в «Отрывке из письма...» Гоголь отмечал: «Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто вовсе не мое» [22, т. 4, с. 329]. Мы считаем, что к мнению писателя нужно прислушаться, так как при создании «Ревизора» пером его водила не просто рука великого русского писателя, а рука писателя-христианина. «Думают, что преобразованиями и реформами... можно поправить мир... Брожение внутри не исправить никаким конституциям... Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не

будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство» [22, т. 7, с. 358—359] — в этом абсолютно уверен Гоголь. Эта мысль станет также одной из главнейших в его «Выбранных местах...».

По утверждению Гоголя, «смысл внутренний всегда постигается после» [22, т. 4, с. 238]. Современному читателю трудно согласиться с тем, что писатель своей комедией «Ревизор» больше заботился о «гражданстве небесном», чем о земном. Однако никто не станет отрицать, что без таких произведений «мир задремал бы... обмелела бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души» [22, т. 4, с. 247]. Написав комедию «Ревизор», Гоголь искренне исполнил свой христианский долг: напомнил каждому о необходимости «нравственной ревизии» перед лицом своей совести. В этом видел писатель залог возрождения Мертвых Душ многих своих современников.

Комедия «Ревизор» давно признана главным стержнем всей комедииографии Гоголя, так как другие его драматические произведения развивают и дополняют темы и мотивы, намеченные в ней. Их можно определить с помощью героя «Театрального разъезда» — Второго: «Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?» [22, т. 4, с. 220]. В «Женитьбе» «правит пьесой идея» [22, т. 4, с. 221] «выгодной женитьбы», в «Игроках» — идея «денежного капитала». Комедии «Женитьба» и «Игроки», наряду с «Ревизором», являются наиболее значительными драматическими произведениями писателя.

Исследователи обратили внимание на то, что ситуация «Женитьбы» занимала Гоголя еще задолго до этой пьесы. В «Майской ночи...», в «Ночи перед Рождеством», в «Иване Федоровиче Шпоньке» можно найти мотивы, так или иначе связанные с подобной ситуацией. Однако в комедии «Женитьба» они наполнились новым содержанием.

«Дело христианское, необходимое даже для отечества» [22, т. 4, с. 99] — так торжественно звучит определение «перемены» — женитьбы — в жизни одного из героев пьесы Подколесина. В самом начале произведения Гоголь нарочито подчеркивает, что Иван Кузьмич — дворянин, «надворный советник». Именно по этой причине герой становится главным претендентом на руку Агафьи Тихоновны — дочери «купца третьей гильдии», пожелавшей связать свою судьбу именно с дворянином. Для нее дворянство Подколесина предстает знаком какого-то избранничества, символом высокого

благородного начала жизни, к которому она инстинктивно тянется. Однако в пьесе высокий смысл, вкладываемый автором в дворянство как сословие, никак нельзя соотносить с человеческой сутью героя, что и является источником гоголевского смеха. Здесь так и просится вопрос Господина Б. из «Театрального разъезда»: «Разве не попадаете гусь и между действительными статскими советниками?» [22, т. 4, с. 228]. По определению Кочкарева, «неженатый» Подколесин — «просто бревно» [22, т. 4, с. 101], «насмешка над человеком, сатира на человека» [22, т. 4, с. 141]. В истинности его слов убеждает читателя и сам жених: «В самом деле, что я был до сих пор? Понимал ли значение жизни?.. Жил, жил, служил, ходил в департамент, обедал, спал...» [22, т. 4, с. 143]. В этой жизни не было даже и намека на какую-то духовность. Именно данное обстоятельство роднит героя с известным уже нам Иваном Федоровичем Шпонькой, сравнение с которым отнюдь не является случайным. Как и в повести «Вечеров...», так и в комедии Гоголь использует в качестве главного один и тот же прием раскрытия духовного мира своего героя — разговор с невестой. Правда, интеллект жениха раскрывается здесь уже в нескольких вопросах и восклицаниях: «... Любите кататься?», «...Какой цветок больше любите?» [22, т. 4, с. 135]. «Какой это смелый русский народ!» [22, т. 4, с. 136] — реплика героя, прозвучавшая после долгого молчания как продолжение разговора, звучит не просто иронически, а издевательски, если соотносить ее с финалом комедии.

«Уж такие дворяне...» [22, т. 4, с. 105] и другие претенденты на руку Агафьи Тихоновны. «Езекухтора» Ивана Павловича Яичницу интересует в невесте лишь то, «сколько за ней движимого и недвижимого» [22, т. 4, с. 105]. «Субтильный» Никонор Иванович Анучкин желает, «чтобы невеста была хороша собой... и по-французскому умела говорить» [22, т. 4, с. 106]. У Жевакина свои виды на невесту, поскольку он аттестует себя как «аматера со стороны женской полноты» [22, т. 4, с. 130].

Таким образом, обратившись к той сфере человеческих отношений, которую называют интимной, лирической, автор убеждает, что ничего лирического в ней нет. Все уступило место корысти, практическому расчету. Целая галерея женихов проходит перед читателем, но ни один из них не может быть даже заподозрен в живом человеческом чувстве. Можно предположить, как ведут себя эти «дворяне» в другой жизненной ситуации, выполняют свой долг

перед обществом, государством, являясь, по определению Гоголя, «цветом своего народа» [22, т. 6, с. 312], «сосудом, в котором заключено... нравственное благородство» [22, т. 6, с. 313]. В комедии же звучит прямо противоположный вывод: «А еще и дворянин! Видно, только на пошлости да на мошенничество у вас хватает дворянства!» [22, т. 4, с. 146]. Данная фраза является характеристикой не только Подколесина, но и других представителей этого сословия. И констатируется она автором с грустью, так как выведенные им типы далеки от авторского идеала Живой Души. Не случайно Ф. М. Достоевский ставил комедию Гоголя рядом с «Мертвыми душами», видел в ней «самое глубочайшее произведение, самое богатое внутренним содержанием именно по выводимым в ней художественным типам» [58, с. 96].

«Что ж? разве мало мест и поприщ в России?» [22, т. 6, с. 256] — этот вопрос автора «Выбранных мест...» словно бы специально сформулирован для главных героев пьесы «Игроки» и подчеркивает их бездуховность, мертвенность. «Шулер первой степени» [22, т. 4, с. 155] — слова, сказанные в адрес Ихарева, являются исчерпывающей характеристикой и для Утешительного с его компанией. Прожженные мошенники, они то и дело произносят высокие слова о долге перед обществом, семьей, ближним, за которыми кроются низменные побуждения. «А что, господа, покамест спор о священных обязанностях, не засесть ли нам в банчик?» [22, т. 4, с. 154] — предлагает Ихарев, «настоящая задача и цель» которого — «прожить с тонкостью, искусством, обмануть всех и не быть обмануту самому» [22, т. 4, с. 181]. Подобную же философию — «Обчистить!» — проповедуют и его новоявленные друзья, для которых деньги стали главным смыслом существования. Закон, справедливость, дружба — все утратило для них изначальный смысл, оказалось фикцией. «В игре нет лицепрятия. Игра не смотрит ни на что. Пусть отец сядет со мной в карты — я обыграю отца. Не садись! здесь все равны» [22, т. 4, с. 159] — так может рассуждать лишь тот, кто утратил облик человеческий, чья душа безвозвратно «омертвела». Но самое страшное, по мнению Гоголя, то, что изначально эти люди не какие-нибудь отбросы общества, а, напротив, почтенные дворяне. Ихарев — помещик, имеющий в двух своих имениях сто восемьдесят крепостных душ. «Каков ход приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесят тысяч, а к вечеру уже двести. А?

Ведь это для иного век службы, трудов, цена вечных сидений, лишений, здоровья. А тут в несколько часов, в несколько минут — владетельный принц!.. Воображаю, хорош бы я был, если бы сидел в деревне да возился со старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегодного дохода» [22, т. 4, с. 190], — рассуждает герой, еще не зная о том, что уже проведен такими же пройдохами, как и сам. Как далек он от гоголевского идеала русского помещика, который должен «взглянуть глазом христианина на свою обязанность» [22, т. 6, с. 281] и связать себя с крестьянами «связями во Христе, которых уже ничего не может быть сильнее» [22, т. 6, с. 281].

Так закономерно Гоголь подводит читателя к выводу: карточная игра — один из способов замораживать, убивать душу. Молодой Глов признается, что он «поневоле стал плутом» [22, т. 4, с. 182]; его обыграли, не оставив на нем и рубашки. Это и стало началом «омертвения» героя. «Все на свете начинается грошовым делом, а смотришь, маленькая игра как раз кончилась большой» [22, т. 4, с. 163] — вот перспектива героя и многих, подобных ему. Нравственное падение человека, убежден Гоголь, начинается с малого, незначительного и заканчивается трагедией, имя которой — Мертвая Душа. Явление это страшное по своей сути, так как, по словам автора, в России «всякий или проигрался, или намерен проиграться» [22, т. 4, с. 173].

Главную идею «Игроков» и «Женитьбы» очень удачно определяет персонаж «Театрального разезда» — Второй: «... Произвести в зрителе яркое, благородное отвращение от многого... низкого» [22, т. 4, с. 237]. Дело это, в понимании Гоголя, не требует отлагательства, потому что бездуховность как социальная болезнь «может взорваться и обнаружиться такими симптомами, когда уже всякое лечение поздно» [22, т. 4, с. 229]. Путь к спасению, искренне уверен писатель, в «глубокой сердечной исповеди», в «христианском сознании грехов своих» [22, т. 4, с. 229], без чего невозможно и «возвыситься... взлететь душой превыше презренного в жизни» [22, т. 4, с. 229].

«Нет, засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко добрая душа» [22, т. 4, с. 246], — заявляет Гоголь в «Театральном разезде». На наш взгляд, данное суждение в равной степени относится ко всем драматическим произведениям писателя. За каждым из них стоит именно Живая Душа автора, искренне желающая нравственного возрождения своих героев.

Великим подвигом во имя любви к братьям является и поэма «Мертвые души» Гоголя — главное дело всей его жизни, объясняющее, по мысли писателя, «загадку» всего его «существования». В центре внимания художника Мертвые Души — страшное порождение российской действительности, которым на страницах произведения противостоит Живая Душа истинного писателя-художника. Без него не только не может быть верно понят замысел произведения, но и не было бы его поэмы в целом. Через него выражается все положительное содержание произведения. Ему принадлежит сатирический взгляд на самодержавно-крепостническую Россию и патетические монологи о красоте и величии человека. Весь его облик противоположен мертвенности, бездуховности, косности, неподвижности, безделью и пассивному отношению к жизни. Он выполняет высшую цель Гоголя: показать, как можно победить страшную болезнь века — «отчуждение» — и разбудить человеческую душу, сделать ее Живой. Богатство духовного мира гоголевского героя раскрывается во вдохновенных «лирических отступлениях» — форме авторской речи, которая помогает писателю незримой нитью связать свою душу с душой читателя. По определению самого Гоголя, лиризм — это «чистая молитва души» [23, с. 517]. «Лирические отступления непосредственно вводят в мир авторского идеала и помогают строить образ автора как живого собеседника читателя» [36, с. 186] — такое определение понятия находим в «Литературном энциклопедическом словаре».

По Гоголю, наличие Живой Души у человека — свидетельство его полноценности. Пассивное же подчинение силе внешних обстоятельств и, прежде всего, антигуманной морали современного писателю общества рассматривается им как духовная смерть личности или души. По этой причине «совсем не было души» у Собакевича, Ноздрева и других помещиков, а также у городских чиновников, воплощением бездуховности которых является прокурор.

Лирическое отступление Гоголя о месте Коробочки (и других помещиков) «на бесконечной лестнице человеческого совершенствования» [21, с. 386] появляется сразу же после того, как автору и читателю становится ясно, что души-то как раз у нее и не было. Не может быть и речи о наличии Живой Души у Плюшкина, который не просто завершает в поэме галерею помещичьих «мертвых душ», но является пределом распада человеческой личности вообще, «прорехой

на человечестве» [21, с. 435]. Не случайно этот образ извлекает из глубин души писателя такое искреннее удивление — восклицание: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек!» [21, с. 441]. Гоголь глубоко уверен, что человек не должен так низко опускаться, обезличиваться, так как это подобно преступлению. «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» [21, с. 441] — так высоко поэтически завершает свое откровение автор, бесконечно веря в великие возможности человека, в то, что на Руси каждый может сделаться «богатырем». Иначе не родились бы на страницах поэмы такие душевные его строки о Руси, о птице-тройке, проникнутые искренним желанием видеть свою Родину счастливой. Кроме того, страстные лирические монологи о России в поэме — это выражение поэтической гражданской мечты Гоголя, это оценка настоящего с позиций авторского идеала Живой Души. И пускай не до конца известны художнику пути его воплощения, но главное, что он есть, он выражен в поэме. Он завершает ее не только композиционно, он дает ей идейно-художественное обоснование. Лирический монолог Гоголя — «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...» [21, с. 516] — и есть философско-художественное зерно поэмы.

Вера в великие творческие силы России сочеталась у писателя с горестным осознанием несовершенства современной действительности и ощущением того, что эти силы сейчас стреножены. «Дремлет наша удаль, дремлет решимость и отвага на дело...» [22, т. 6 с. 235], — с горечью констатирует писатель в пятнадцатом письме «Выбранных мест...». История второго тома «Мертвых душ», на наш взгляд, и явилась своеобразной историей поисков и ответов на вопрос о будущем и настоящем России. В этом убеждает следующее рассуждение героя Гоголя: «Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, брося все то, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве душевного имущества, не установится благоустройство и земного имущества... Что ни говорите, ведь от души зависит тело... Подумайте не о мертвых душах, а о своей живой душе, да и с богом на другую дорогу!» [21, с. 640]. Это не просто наставления Муразова Чичикову, это часть положительной программы самого писателя, изложенной им в «Переписке», которая в целом,

по мнению Н. А. Булгакова, является «еще одним лирическим его монологом» [9, с. 183]. Значит, по Гоголю, чтобы навести порядок в «земном имуществе», надо прежде всего позаботиться об «имуществе душевном». Счастливого будущего могут построить лишь люди с Живыми, а не Мертвыми Душами. Так закономерно мы приходим к выводу, сделанному современником Гоголя Ф. Бухаревым: назначение гоголевских лирических отступлений — оживить Мертвые Души и подвигнуть на подвиг Живые Души во имя этого. Следовательно, главная цель художника во втором томе «Мертвых душ» заключалась в попытке изображения «живых душ», то есть в создании положительных героев, с помощью которых утверждался эстетический идеал Гоголя.

Герой второго тома поэмы Кошкарев предупреждает Чичикова (и читателя) о том, что «мертвых душ» не бывает, так как «душа бессмертна» [21, с. 591], и вводит в истинное понимание значения этого слова: существуют души «ревижские», «пришлые», «прибылые», «убылые». Это предупреждение естественно приводит к мысли: «мертвые души» Гоголя — духовно умершие, потерявшие в себе Бога. Авторский замысел в поэме, таким образом, созвучен христианскому нравственному закону, сформулированному святым апостолом Павлом: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» [16, с. 24]. С этим законом связана и главная идея произведения — идея духовного воскресения павшего человека, «мертвой души», которая является одновременно и стержнем его положительной программы переустройства России. Эта идея находится в центре всего творчества писателя, однако именно во втором томе «Мертвых душ» Гоголь сделал попытку ее художественного воплощения в образах своих героев.

Идея духовного воскресения человека в поэме связана прежде всего с главным героем произведения — Чичиковым, хотя, по воспоминаниям архимандрита Бухарева, такую возможность писатель предполагал для каждого своего героя: «Если захотят» [16, с. 25]. Есть основание полагать, что намек на предстоящее нравственное перерождение героя содержится уже в самом его имени. Как известно, апостол Павел был одним из гонителей Христа, а потом стал распространителем христианства по всему миру. Судя по содержанию оставшихся глав второго тома, можно утверждать, что Гоголь хотел провести своего героя через горнило испытаний и страданий, в результате которых он должен был бы осознать несправедливость своего пути. Этим внутренним переворотом, из которого Чичиков вышел

бы другим человеком, и должны были завершиться «Мертвые души». А. М. Бухарев выдвигает мысль о необходимости столкнуть его с «хорошими людьми». Такие герои есть в поэме. Прежде всего, это Костанжогло, который представляется Чичикову образцом «хозяина» и после разговора с которым он не мог долго уснуть, все «обдумывал, как сделаться помещиком, подобным Скудронжогло... Это был первый человек во всей России, к которому почувствовал он уважение личное» [21, с. 599—600]. «Потрясение», произведенное истинным хозяином, выливается в желание Чичикова, «проект — купить имение Хлобуева» [21, с. 600]. Но как только эта выгодная сделка состоялась, мы невольно становимся свидетелями не совсем «чистоплотных» мыслей героя: «Можно было поступить и так, чтобы заложить имение в ломбард... Можно было распорядиться и так, чтобы заняться самому хозяйством и сделаться помещиком, по образцу Скудронжогло... Можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплачивать Скудронжогле денег, взятых у него взаймы» [21, с. 609—610]. Значит, вопрос личной выгоды и обогащения Чичиков ставит на первое место, противореча тем самым гоголевской идее «праведного хозяйствования» и не оправдывая его надежд на нравственное возрождение.

«Хорошим» человеком для Чичикова оказался и встретившийся ему на пути жизненных приключений Муразов. Попав в тюрьму за очередную махинацию, Чичиков слезно просит его о спасении. И опять читатель начинает ощущать какие-то проблески его «возрождения». Чичиков чувствует, что «не так» идет, и признается Муразову, что «далеко отклонился от прямого пути». «...Какие-то неведомые дотол,е, незнаемые чувства, — объясняет состояние своего героя Гоголь, — ему необъяснимые, пришли к нему: как будто хотело в нем что-то пробудиться» [21, с. 633]. Муразов подталкивает Чичикова на «другую дорогу», причем житейско-практический смысл его наставлений (выехать из Тьфуславля) переплетается с более возвышенным и переливается в него как в доминирующий. «Подумайте не о мертвых душах, а о своей живой душе, да и с богом на другую дорогу» [21, с. 640], — напутствует Муразов, заботясь о благоустроении «душевного имущества» Чичикова. Он, как и Гоголь, уверен, что без этого не произойдет благоустроения «земного имущества», и никак не наоборот, потому что от души зависит тело. Чичиков, как и в первом случае, соглашается. Критический пункт — переходное состояние души его — сравнивается с разобраным

строением, которое «разобрано с тем, чтобы строить из него же новое; а новое еще не начиналось» [21, с. 641]. Значит, следуя мысли Гоголя, богатырь духа должен явиться не откуда-то, а возникнуть из того же мира моральных уродов, в котором живет герой и который является его порождением. «Плохой» Чичиков должен вдруг стать «хорошим».

Гоголь уверен, что пробуждение и возрождение души — нравственно необходимый процесс, но не фатальный, потому что человек свободен выбирать. Во власти героя решать, быть ли ему Чичиковым первого тома поэмы или сказать себе: «Пора в самом деле сделаться порядочным» [21, с. 634]. Великое пробуждение души, по Гоголю, может произойти только из великого ее падения и должно начаться «из глубины ничтожества», с малого, на первых порах не похожего на то, к чему направлен процесс. Но важен именно этот поворот в падшем и первый шаг на «другую дорогу». Он соответствует очерченному Муразовым плану — гоголевскому плану. Чичиков словно бы подслушал у Гоголя и принял в душу заповедь — исполняй долг на «своем месте». «Что ж в самом деле, будто я уже совсем негодный? У меня есть способности к хозяйству; я имею качества и бережливости, и расторопности, благоразумия, даже постоянства. Стоит только решиться... Теперь только истинно и ясно чувствую, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле, не отрываясь от того места и угла, на котором он поставлен» [21, с. 634] — такого рода рассуждения мы находим и на страницах «Переписки». Однако полного перерождения Чичикова читателю так и не суждено было увидеть. В то же время идея «поприща», службы нашла яркое воплощение в образе «положительного героя» Костанжогло и конкретно вылилась в идею «праведного хозяйствования», которая представляет собой второй главный компонент гоголевской положительной программы. Она — неотъемлемая часть идеала Живой Души Гоголя — истинного патриота, неравнодушного к судьбам своей Родины.

Необходимо отметить, что названная проблема раскрытия основ и религиозных путей в организации хозяйственной активности является основной и в то же время труднейшей в богословии культуры. Причиной для ее постановки послужил вопрос: возможно ли религиозное преобразование современности, до последних глубин связавшей себя материальными ценностями? По Гоголю, «праведное хозяйствование» — то, в котором все служат Богу, как Его «поденщики».

«Праведность» означает, что помещик должен трудиться не для себя, не для собственной выгоды, а чтобы жить по закону Божию — «возделывать землю в поте лица своего» [21, с. 593]. Найти пути «праведного хозяйствования» означает изнутри переработать психологию наживы — «неправедного хозяйствования», т. е. хозяйства, которое имеет в виду интересы только того, кто ведет это хозяйство.

Суть данной идеи писатель раскрывает в разговоре Костанжогло с Чичиковым. Она включает следующие основные положения: надо полюбить хозяйство. «Тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всему, что совершается в творенье» [21, с. 596], — рассуждает Костанжогло. Поэтому ему не скучно, не тоскливо в деревне — «в жизни его нет пустоты — все полнота» [21, с. 596]. Отсюда вытекает и другая идея хорошего хозяина, касающаяся уже отношений помещика и подвластных ему крестьян: «У тебя крестьяне затем, чтобы ты им покровительствовал в их крестьянском быту» [21, с. 593]. Костанжогло принципиально защищает хлебопашество, но у него «само собой» заводятся фабрики. «...Накопилось шерсти, сбыть некуда, и я начал ткать сукна» [21, с. 592], — делится своим опытом помещик. Следовательно, богатство растет «естественно» у того, кто работает. Это третья основная идея «праведного хозяйствования». Согласно ей, у Костанжогло «обильно и хлебно» было повсюду, мужики все были также богаты.

Однако, слушая рассказ Костанжогло о разумной трудовой жизни помещиков и крестьян, невольно задаешь себе вопрос: как в пределах «неправедного» социального строя можно создать Христово братство среди людей? О том, что «простой народ» вовсе не должен оставаться в своем тяжком, подневольном положении в условиях крепостного права, Гоголь и не думает. Он считает «иерархию» сельских отношений (помещик — «патриарх», крестьяне — подневольные) как что-то неподвижное, неизменное. Значит, в отношении социального строя Гоголь думал прежде всего о преобразении внутренних в нем отношений, а не о преобразовании самого социального строя. Для писателя социальный строй не есть продукт истории, а «священное постановление». В этом кроется причина наивных выводов Гоголя и «непонимания» его многими современниками.

Рядом с Костанжогло Гоголь рисует образы других помещиков (Кошкарева, Хлобуева, Петуха, Платонова, Тентетникова, Самосвислова), которые в карикатурной форме показывают, как не надо вести

хозяйство. «Одеть всех до одного в России, как ходят в Германии. Ничего больше, как только это, и я вам ручаюсь, что все пойдет как по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой век настанет в России» [21, с. 588] — эта программа Кошкарева звучит абсурдно и вполне соответствует оценке помещика Чичиковым: «Дурак ты, глупая скотина!» [21, с. 591]. Ни о каком хлебопашестве здесь и речи никто не ведет, так как главная забота Кошкарева — «строить новую комиссию, которая будет называться комиссией наблюдения за комиссиею построения» [21, с. 591]. Говоря словами Костанжогло, «бесчестит божий дар» [21, с. 603] и Хлобуев. «Иногда по целым дням не бывало крохи в доме, иногда же задавали в нем такой обед, который удовлетворил бы вкусу утонченнейшего гастронома» [21, с. 609] — в этой фразе вместились вся «беспутная жизнь» Хлобуева. Как в зеркале, отразилась она на благосостоянии крестьян. «Дыра на дыре и заплата на заплате!» [21, с. 605] — такой вывод делает Чичиков, приобретя его имение. В этой галерее помещиков совсем не лишним является портрет Петра Петровича Петуха, набивающего свои кулебяки и свиные сычуги в долг, ибо имения его все заложены в ломбард, а на вырученные деньги он, как пишет Гоголь, закупил провизии на десять лет вперед; портрет Тентетникова — «опоры» России, облекшейся в халат и губящей свои дни сидением у окна и наблюдением за ссорами приказчика и ключницы; портрет Платонова, этого «подвыцветшего Онегина», который навсегда, кажется, удалился из столиц, так как ему там нет места. «Только на одной Руси можно было существовать таким образом» [21, с. 608] — это горькое признание Гоголя в равной степени относится к каждому из названных героев и рисует страшную картину запустения и одичания всего русского, русской исполинской скуки. Эта картина не однажды возникала на страницах гоголевских произведений как грозное предупреждение о том, что забыли русские люди свой святой «долг, который на всяком месте предстоит человеку» [21, с. 644]. Страстный призыв выполнить его звучит в знаменитой речи генерал-губернатора чиновникам подведомственной ему губернии, которую И. П. Золотусский расценил как «художественную попытку Гоголя представить христианский идеал во плоти» [31, с. 221].

Несмотря на «порочность» идеи «праведного хозяйствования», она по достоинству была оценена философом В. В. Зеньковским: «Значение всей хозяйственной утопии Гоголя заключается в том,

что он на ней поставил ударение в вопросе христианизации жизни» [29, с. 230]. Автор называет и тех мыслителей, которые пошли дальше Гоголя в этом вопросе: Н. Ф. Федоров с его защитой «общего дела», Вл. Соловьев с идеей «христианской общественности», С. Булгаков с темой «религиозной центральности» в решении проблемы хозяйственной активности [29, с. 230—231]. Факт дальнейшей разработки гоголевской идеи говорит лишь о том, что она имела жизненную основу, являлась частью идейных и эстетических исканий не только писателя, но и современной ему эпохи. В. В. Зеньковский верно также отмечает, что неразрешимость проблемы, которую поставил перед собой Гоголь, можно объяснить лишь невозможностью совместить «чистоту» религиозного идеала с полнотой жизненного его содержания. Вот почему ни Костанжогло, ни Муразов, которым Гоголь отдал свои заветные мысли и которые составили содержание его положительной программы, не стали теми «живыми образами», «которые, как полные хозяева, входят в души людей, — и двери сердец растворяются сами навстречу к принятию их» [21, т. 6, с. 429]. Вот почему потерпели «неудачу» «Выбранные места...», вышедшие, по замыслу Гоголя, раньше второго тома «Мертвых душ» и явившиеся своеобразным «крылечком» к нему, эскизом тех идей, которые писатель стремился художественно воплотить в образах положительных героев — Костанжогло и Муразова. Из всего вышесказанного следует, что «Выбранные места...» были закономерным этапом в творческой эволюции писателя, результатом его идейных и художественных исканий, лебединой «песней души автора».

Гоголь, поставив в «Мертвых душах» важнейшие вопросы русской жизни, с еще большим воодушевлением принялся за поиски новых художественных образов и средств, способных вместить в себя новые идеи и в конечном итоге исполнить высокое предназначение искусства — служить «незримой ступенью к христианству» [22, т. 6, с. 224]. Писатель по-прежнему утверждает, что художественная литература должна выполнять задачу нравственного совершенствования человека. Вера в слово в его высоком евангельском значении и великая надежда на высокое предназначение русского человека руководили им при создании духовной прозы и опять закономерно вылились в образ положительного героя — истинного писателя-художника, который либо «подъемлет повсюду падшего и воздвигает дух в человеке»; либо отдает всего себя на служение

Богу тем, что подвизается на мирском поприще не для своего счастья, а для счастья других, «ради Христа, представшего перед него в виде страждущих несчастливцев»; либо, «оторвавшись вдруг от разврата и от подлой пресмыкающейся жизни», пробуждается в великую минуту ее, объявляет брань самому себе, становится, таким образом, возвышеннее даже того, кто всю жизнь провел в честности; либо тот, кто уже загорелся «небесной любовью» к людям и, позабывши о собственном спасении, помышляет только о их спасении».

Как видно из данного рассуждения, Гоголя привлекает теперь не красота вообще, а Красота Небесная, не нравственность вообще, а Высшая Нравственность. «Нужно в пример себе брать прекрасный, святой образец, высшую натуру человека, а не обыкновенных людей» [35, с. 86], — заявляет писатель. Поиск и усилия Гоголя по созданию положительного образа привели к тому, что был найден прообраз литературному положительному герою — Иисус Христос. В «Авторской исповеди» Гоголь скажет об этом так: «...В мыслях моих чем далее, тем яснее представлялся идеал прекрасного человека, тот благодатный образ, каким должен быть на земле человек» [22, т. 6, с. 418]. Так естественно, закономерно Гоголь подходит к идее о необходимости религиозного идеала в жизни. На его особенность указывал В.Е. Давидович: «Первое в религиозном идеале — это крепость веры, нерассуждающая беззаветность, святость, готовность к искупительной жертвенности, самоотрешению, принятию страданий... «Отказ от мира», следование аскезе, подвижничество и самоистязание, апология мученичества и самоунижения — образуют элементы лика святых. Все это характеризует облик церковно-религиозного идеала» [26, с. 86].

Важно отметить, что Гоголь настойчиво пытался воплотить христианский идеал в своей личной жизни, что нашло выражение в общении писателя с духовными лицами, в чтении специальной литературы, в посещении святых мест. По мнению С. А. Шульца, «Гоголь заново «открыл» Христа для своего времени. Он напомнил, что христианская религия — не только догматика и обрядность, но и живое, непосредственное общение с Богом, окликнутость на его зов, постоянная работа души. Выдвигая в качестве своего идеала жизни человека (житие святого и фигуру Христа как абсолютной личности), Гоголь говорит, что «вера начинается со всякого обращения человека в глубь собственной души» [58, с. 124].

В художественном творчестве Гоголя проблема воплощения христианского идеала оказалась намного сложнее. В одной из статей «Выбранных мест...», посвященных русскому художнику А. А. Иванову, который «давно умер для всего в мире, кроме своей работы» [22, т. 6, с. 282], посвятив ей — картине «Явление Христа народу» — восемь лет своей жизни, Гоголь объясняет причину его творческой неудачи таким образом: «Художник может изобразить только то, что он почувствовал и о чем в голове его составила уже полная идея» [22, т. 6, с. 283]. «Но как изобразить то, — продолжает писатель, — чему еще не нашел художник образца?» [22, т. 6, с. 284]. Перед такой дилеммой оказался Гоголь и в своем духовном творчестве. Выдвинув в качестве своего идеала христианский идеал, писатель не смог до конца художественно реализовать его по той причине, что не сумел найти ему образца в земной реальной жизни. Вот почему после смерти Гоголя в некрологе И. С. Аксаков назвал его «мучеником возвышенного идеала и нерешенной задачи» [54, с. 26]. Несомненно, в этом кроется причина трагедии художника, которую Д. У. Тредголд объясняет так: Гоголь «не оставил литературу ради религии, а объединил их; а точнее, он показал, как, по его мнению, искусство, подобно морали, зависит от религии» [54, с. 26].

Идеал Живой Души Гоголь пытался воплотить не только в художественных образах, идеях, темах и мотивах, но и в пафосе всего творческого наследия. Пафос Гоголя можно определить как сатирический, поэтический, художнический, эстетический, пафос «поэта жизни действительной», который не только раскрывал пороки русской жизни, но видел и ее поэзию, красоту. Его пафос можно назвать также гуманистическим, так как все произведения писателя проникнуты большой любовью к человеку, его душе и красоте как уникальному явлению мира и в то же время тревогой за человека, потому что писатель рано почувствовал, что человек и его душа гибнут, разрушаются и появляется странное, болезненное и уродливое явление — Мертвая Душа.

Таким образом, всем своим творчеством Гоголь, с одной стороны, воспевал величие человека, а с другой — стремился спасти его от бездуховности, распада души, возбудить в нем духовное, исцелить. Все это стало содержанием гоголевского идеала Живой Души, этим он близок нашему времени, актуален.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте научное определение понятия «идеал».
2. Раскройте содержание проблемы идеала в научных трудах:
 - формы исторического бытия и проявления в разных сферах духовной жизни человека;
 - различные классификации понятия «идеал»;
 - соотношение идеала и действительности, идеала и утопии;
 - специфика эстетического идеала.
3. Определите соотношение идеала писателя с его художественной концепцией мира — мировоззрением. Порассуждайте.
4. Какова связь между гоголевским идеалом души и русским национальным самосознанием первой половины XIX в.?
5. В чем видел свое призвание Н. В. Гоголь — писатель-сатирик и религиозный мыслитель?
6. Сформулируйте главную мысль гоголевского признания: «Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любил задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочинениях. Их не всякий заметил» [13, с. 9—10].
7. О каких «хвостиках душевного состояния» рассуждает Н. В. Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», «Миргороде», «Арабесках» и «Петербургских повестях»?
8. Почему «не всякий» современник Н. В. Гоголя их заметил?
9. Что означает «душевный сон» героев Н. В. Гоголя в «Старосветских помещиках»?
10. Почему повесть «Тарас Бульба» является самым светлым уголком художественного мира писателя? Что в ней Н. В. Гоголь противопоставляет «дремлющей» жизни старосветских помещиков?
11. Как нужно понимать гоголевскую мысль о зависимости таланта от «чистоты души» художника слова?
12. Объясните, почему тема «истинного художника» является центральной в творчестве Н. В. Гоголя 40-х годов XIX в.?
13. Можно ли согласиться с идеей Н. В. Гоголя о связи религии и искусства? Порассуждайте.
14. Что имел в виду исследователь А. А. Григорьев, когда писал: «Ни один писатель не обладает вашей души такую тяжелою грустью, как Гоголь, когда он беспощадно разнимает трупы, обливается желчью и негодованием над утраченным образом Божиим в человеке, образом вечно прекрасного» [50, с. 112].
15. Нарисуйте портрет «маленького человека» Н. В. Гоголя, опираясь на его художественные произведения. Что нового внес Н. В. Гоголь в разработку пушкинской темы?
16. Наполните содержанием христианскую заповедь, звучащую в произведениях Н. В. Гоголя: «Я брат твой!»
17. Почему критика определяет пьесу «Ревизор» как главный стержень всей комедиографии писателя? Приведите доказательства.
18. Какую мировоззренческую позицию Н. В. Гоголя выражает в пьесе идея ревизора?
19. Объясните, почему Н. В. Гоголь не был доволен общественным истолкованием пьесы «Ревизор». Изложите суть авторского понимания произведения, опираясь

на цитату: «Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто вовсе не мое» [22, т. 4, с. 329].

20. Установите соотношение (общее, различие) между пьесами «Ревизор», «Игроки», «Женитьба». Какой вывод позволяет сделать это соотношение?

21. Как нужно понимать гоголевское утверждение о том, что «Мертвые души» — главное дело всей его жизни, объясняющее «загадку» всего его «существования»?

22. Сформулируйте авторское определение понятия «мертвая душа», данного в тексте поэмы. Каково его философское содержание? Порассуждайте, отталкиваясь от главных образов произведения.

23. Определите соотношение между первым и вторым томами «Мертвых душ». Как можно сформулировать главную тему, идею второй части поэмы?

24. В чем смысл положительной программы переустройства современного общества, данной Н. В. Гоголем во втором томе «Мертвых душ»? Какие герои помогают ее выразить?

25. Сформулируйте суть гоголевских идей «поприща», «праведного хозяйствования». Приведите примеры из художественного текста.

26. Кто из современников Н. В. Гоголя поддержал эти идеи? Почему? В чем их «порочность»?

27. Каково назначение в произведении образов Кошкарева, Хлобуева, Петуха, Платонова, Тентетникова?

28. Сделайте вывод: какие важнейшие вопросы русской жизни поставил и пытался решить Н. В. Гоголь в поэме «Мертвые души»?

29. Почему второй том «Мертвых душ» был сожжен накануне смерти писателя? Попробуйте выразить свое понимание данного вопроса.

30. Сформулируйте суть авторского эстетического идеала Живой Души.

31. Чем близок гоголевский идеал Живой Души нашему времени?

32. Определите пафос всего наследия Н. В. Гоголя.

Раздел 2
**ПОИСКИ ИДЕАЛА ЖИВОЙ ДУШИ
Н. В. ГОГОЛЯ В «ВЫБРАННЫХ МЕСТАХ
ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»**

Тема 2.1 О проблеме «двух Гоголей»

«Будьте не мертвые, а живые души!» [23, с. 392] — это не просто одна из предсмертных записок писателя, отразившая его заветную мечту. Это центральное положение гоголевского мирозерцания, своеобразное авторское определение идеала Живой Души, к художественному воплощению и практической реализации которого он стремился всю свою сознательную жизнь.

Русское общество первой половины XIX века не готово было принять «правду» Гоголя, выражением которой явилась его книга «Выбранные места...». Поэтому «Переписка» Гоголя стала своеобразным рубежом, поделившим его на «раннего» и «позднего». У истоков проблемы «двух Гоголей» стоял В. Г. Белинский, отозвавшийся резко отрицательно на гоголевскую «Переписку», имея в виду «апологетическое» отношение писателя к самодержавно-крепостнической России. Критика поддержали А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Т. Н. Грановский, В. П. Боткин, П. В. Анненков, С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков. Так, вслед за В. Г. Белинским А. И. Герцен утверждал, что своим юмором Гоголь служил «всему высокому и прекрасному» путем отрицания существующей действительности. Однако политические взгляды Герцена не помешали ему прозорливо увидеть в писателе главное — наличие в его душе «двух течений» — сатирического и пророческого, тесно связанных в произведениях Гоголя. Расценив все творчество художника как «крик ужаса и стыда», Герцен приходит к выводу: «Чтобы подобный крик мог вырваться из груди, надобно, чтоб в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения. Гоголь чувствовал — и многие другие чувствовали вместе с ним, — что за мертвыми душами есть души живые» [21, с. 663].

Наряду с указанным мнением формируется и другая точка зрения. Положительный отклик на гоголевскую книгу дали те современники писателя, которые в духовном плане были наиболее близки ему:

А. А. Григорьев, А. М. Бухарев, В. А. Жуковский, П. А. Плетнев, П. А. Вяземский и др. А. С. Григорьев, выступая против деления Гоголя на гениального художника («юмориста») и несостоявшегося мыслителя, на «хорошего» раннего и «плохого» позднего, в своей статье о «Выбранных местах...» попытался показать книгу Гоголя как закономерный итог всего предшествующего развития писателя, утверждая, что «поэт даже и не думал изменять своей прежней деятельности, что последняя книга его только поясняет эту же самую действительность [50, с. 111]. А. М. Бухарев, углубляя взгляд своего современника, посвятил указанной проблеме книгу «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году», где конкретно звучит вопрос к писателю: «... В каком отношении последнее ваше сочинение стоит к прежним?» [10, с. 70]. Духовный писатель с уверенностью заявляет: «... Не было и нет противоречий между прежнею его деятельностью и новым духовным сознанием: в первой уже глубоко завито было последнее, — последнее, вполне раскрывшись, только венчало первую» [10, с. 4]. На основе анализа всего художественного наследия Гоголя современник писателя также утверждал, что «Переписка» уходит своими корнями в особенности личности автора и обстоятельства всей его жизни, что она есть закономерный этап его творчества, «последний, самый естественный плод или последнее звено, до которого дошло ... стройное, поэтическое и духовное развитие» художника [10, с. 70].

Н. Г. Чернышевский был также в числе тех критиков, кто сделал попытку установить единство «раннего» и «позднего» Гоголя, ставя в заслугу писателя его неизменное стремление исправлять «общественные недостатки». Вот почему, утверждал Н. Г. Чернышевский, «Гоголь 1850 г. заслуживал такого же уважения, как и Гоголь 1835 г.» [39, с. 381]. В своем исследовании «Очерки гоголевского периода» критик смело называл писателя «отцом русской прозаической литературы» [21, с. 664], видя истинную его заслугу в том, что он «пробудил в нас сознание о нас самих» [21, с. 664]. Выступая с критикой «избитой фразы» — Гоголь «был художник, а не мыслитель», — Н. Г. Чернышевский утверждал: «... Недалеко уйдет тот художник, который не получил от природы ума, достаточного для того, чтобы сделаться и мыслителем» [21, с. 666]. Предметом исследования критика становятся особенности творчества Гоголя в целом. Писатель, по его мнению, художественный и нравственный критерий в оценке самых различных

явлений искусства и жизни. Вот почему Н. Г. Чернышевский категорически отвергал выдвигавшиеся против автора «Выбранных мест...» обвинения в «двуличности, притворстве, ханжестве». Эту книгу он считал результатом «странных заблуждений» Гоголя, которые, в свою очередь, объясняются различными жизненными обстоятельствами. На основе анализа уцелевших глав второго тома «Мертвых душ» писатель приходит к выводу: автор «Переписки» «вовсе не убивал в себе прежнего великого писателя. Высокое благородство сердца, страстная любовь к правде и благу всегда горели в душе его... Страстную ненавистью ко всему низкому и злему до конца жизни кипел он» [39, с. 535].

Критика советского периода в большинстве своем в оценке духовной прозы Гоголя исходила из мнения В. Г. Белинского и рассматривала ее как своего рода «предательство» по отношению к раннему творчеству художника. Такая точка зрения четко прослеживается в работах М. Б. Храпченко, С. И. Машинского, Н. Миндлина и др. В частности, М. Б. Храпченко отмечал: «Идеи, выраженные в «Выбранных местах...», отнюдь не явились последовательным, логическим развитием взглядов, которые писатель защищал в пору создания «Ревизора», «Шинели», «Мертвых душ» [56, с. 484]. Такого рода выводы принадлежат и Н. Миндлину. Рассуждая о трагедии Гоголя, автор утверждает, что Гоголь «предал в своей «Переписке» самого себя, написал «Божественную Литургию», в которой провозгласил осанну православию» [41, с. 89]. С. И. Машинский определяет место «Выбранных мест...» в творчестве Гоголя, исходя из значения писателя для передовой общественной мысли и отечественной литературы XIX века. Появление гоголевской «Переписки» исследователь расценивает как «духовную драму» художника: «Гениальный художник, произведения которого потрясли основы крепостнического строя, предстал теперь в роли защитника самодержавия и религии» [39, с. 342].

Современное литературоведение исследует творчество Гоголя, опираясь на точку зрения Н. Г. Чернышевского. В трудах Е. А. Смирновой, И. М. Губарева, Е. И. Анненковой, Ю. Я. Барабаша, И. П. Золотуского, И. А. Виноградова, В. А. Воропаева, Н. Булгакова, Т. Г. Черняевой, Ю. Н. Ковалевой, И. Ефимова, С. А. Шульца, С. А. Павлинова и др. Гоголь не раздваивается, не делится на художника и мыслителя, что является условием для правильного понимания эстетического идеала писателя.

Учитывая мнения исследователей различных эпох, нужно отметить, что в основе их разногласий лежит определенный угол зрения, через призму которого они рассматривают проблему «двух Гоголей». Работы Е. А. Смирновой, И. П. Золотусского, А. Н. Лазаревой, Д. У. Тредголда и др. посвящены изучению духовной прозы Гоголя с учетом целостного охвата его мировоззрения. Характер гоголевской религиозности в контексте русской религиозной мысли исследовали Н. А. Бердяев, А. Н. Лазарева. Христианские основы мирозерцания Гоголя оказались в центре внимания И. А. Виноградова. Творческую и религиозно-философскую эволюцию писателя прослеживает М. Я. Вайскопф, рассматривая ее как единый, закономерный процесс. С. А. Павлинов устанавливает единство второго тома «Мертвых душ», «Авторской исповеди», «Божественной Литургии», «Выбранных мест...», определяя в них множество художественных параллелей с учетом влияния на духовное творчество Гоголя немецкой философии в лице Г. В. Гегеля, Ф. Шеллинга. Литературно-эстетическая концепция Гоголя 40-50-х годов XIX века легла в основу исследований И. М. Губарева, Б. В. Рождественского, Е. А. Смирновой, Т. Г. Черняевой. «Выбранные места...» как «феномен языка» представлены в трудах В. В. Набокова, А. Белого.

Н. В. Набоков, в частности, видел «несчастье» автора «Переписки» в том, что он переступил сферу красоты и изящества словесного творчества, «ударившись» в религиозные и моральные проблемы, в область общественной мысли, тогда как литература — «это феномен языка, а не идеи» [44, с. 226]. Поэтому «Выбранные места...», считает В. В. Набоков, уже не творение художника, а «надутая и неопрятная шумиха слов и фраз» [44, с. 218]. Падение Гоголя начинается, по В. В. Набокову, с отступления от «чистого» художничества: «Писатель погиб, когда его начинали занимать такие вопросы, как «что такое искусство?» и «в чем долг писателя?». Гоголь решил, что цель литературы — врачевать больные души» [44, с. 220]. Последнее утверждение представляется нам спорным, так как оно распространяется не на одно имя — Гоголь, но и на творчество тех писателей русской литературы, которые продолжили его традиции. Мы считаем, что именно по этой причине она и не может быть принята. Подтверждение высказанной мысли находим у А. Белого, считавшего, что язык Гоголя «зажег жизнь в лучших наших прозаиках-классиках» [21, с. 675]. Все художественное

творчество писателя расценивалось им как «революция нашей словесности» [21, с. 674].

Гоголь — религиозный мыслитель, создатель духовной прозы — стал предметом специального изучения исследователей русского Зарубежья. Так, на связь искусства и религии в творчестве писателя 40-50-х годов XIX века указывали такие его представители, как В. В. Набоков, В. В. Зеньковский, К. В. Мочульский, Д. С. Мережковский. К. В. Мочульский пытался создать целостный взгляд на Гоголя — художника, мыслителя, человека. С точки зрения исследователя, Гоголь был не только великим художником, но и учителем нравственности, христианским подвижником и мистиком. Особое значение для такого понимания Гоголя имеют «Выбранные места...» — книга, в которой автор, по мнению К. В. Мочульского, создает стройную и полную систему религиозного мировоззрения. Исторический смысл всей творческой деятельности Гоголя исследователь усматривал в том, что писатель круто повернул всю русскую литературу «от эстетики к религии».

Близок к К. В. Мочульскому, хотя и претендует на оригинальность своей концепции, В. В. Зеньковский, посвятивший свои исследования развитию Гоголя как мыслителя, уяснению связей между эстетическим и религиозным периодами в духовной эволюции художника. Суть его концепции заключается в утверждении, что религиозность никогда не была чужда писателю, со временем усиливалась и становилась центром всего его мировоззрения. В. В. Зеньковский придает исключительно важное значение «Выбранным местам...», так как, по мнению исследователя, в них подняты центральные темы русских идейных исканий. В этом отношении он оспаривает К. В. Мочульского относительно «стройной и полной системы» религиозно-нравственного мировоззрения Гоголя, утверждая, что гениальны лишь темы его книги. По мнению В. В. Зеньковского, Гоголь был художником, но с самого начала творчества он был и мыслителем.

Однако, несмотря на высокое достоинство этих работ, в современной литературоведческой науке взгляд на творчество Гоголя как единое художественное целое не утвержден окончательно, что объясняется отсутствием в исследованиях системного анализа многочисленных переключек между художественными и публицистическими произведениями писателя, между его «ранним» и «поздним» творчеством. В предлагаемом пособии делается попытка решить данную проблему.

Тема 2.2 От Души Мертвой — к Душе Живой

2.2.1 «Выбранные места из переписки с друзьями» — закономерный этап в творческой эволюции писателя

Определение места «Переписки» в творческом наследии писателя является одним из главных вопросов современного гоголеведения. «Надо иметь терпимость к другим мнениям. Нельзя заставить всех думать одно. Опровергайте чужие мнения, не согласные с вашими, но не преследуйте их с ожесточением только потому, что они противны вам...» [20, с. 25] — данное рассуждение Гоголя помогает ответить на этот вопрос и служит прямым опровержением официальной оценки «Выбранных мест...», соотносимой с точкой зрения В. Г. Белинского. Именно с подачи великого критика за произведением писателя предвзято утвердилась характеристика «реакционной» книги, поделившей Гоголя на непримиримого обличителя самодержавия в раннем периоде творчества и Гоголя как монархически настроенного мистика в конце жизни. Мы же считаем, что «Выбранные места...» являются принципиально важным произведением для понимания творческой эволюции писателя, формирования авторского идеала Живой Души.

На наш взгляд, перенос социально-классового принципа осмысления и объяснения действительности на культуру мешал непредубежденному прочтению произведения, о необходимости которого неоднократно писал сам Гоголь: «Мне досадно, что друзья придали мне политическое значение. Я хотел показать «Перепискою», что я не то...» [13, с. 358]. Следовательно, издание книги было во многом обусловлено именно стремлением Гоголя открыть читателю свой настоящий писательский облик, существенно искаженный в интерпретациях В.Г. Белинского. Об этом свидетельствуют многочисленные признания самого писателя: «Но внутренно я не изменялся никогда в главных моих положениях. С двенадцатилетнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнениях главных» [13, с. 386]. В «Авторской исповеди», написанной после выхода «Переписки» и служащей «оправданием», «объяснением» ее и себя, находим такое утверждение Гоголя о цельности своего художественного творчества: «Я не совращался с своего пути. Я шел тою же дорогою» [22, т. 6, с. 418].

Именно как закономерный этап творческой эволюции писателя рассматривали «Переписку» многие современники Гоголя. Однако в советском литературоведении долгие годы господствовало мнение В. Г. Белинского, идущее в разрез с первым суждением. Современное гоголеведение оценивает «Выбранные места...» писателя, опираясь на мнение Н. Г. Чернышевского. Оно сводится к следующему: «Переписка» не была ни «переломом», ни «изменой», а явилась результатом творческой эволюции художника. В своих рассуждениях мы будем придерживаться последней точки зрения и на основе анализа произведений Гоголя постараемся найти «внутреннюю» между ними связь.

Примем во внимание суждение А. А. Звозникова, который считает, что «Мертвые души» Гоголя — «центр художественного мира писателя» [28, с. 76], а все созданное ранее — «эскизы» к этому произведению. Учитывая данное мнение, можно утверждать, что «Выбранные места...» — главный «эскиз» ко второму тому «Мертвых душ». Об этом Гоголь прямо говорит в письме С. П. Шевыреву от 5 октября 1846 года: «Что книга выйдет несколько позже, это ничего; ей даже и не следует выходить раньше некоторого другого предисловия, не сделавши которого мне нельзя и в дорогу». Это «другое предисловие», поясняет далее Гоголь адресату, представляет собой «выбор из некоторых моих писем к друзьям» [22, т. 7, с. 273]. Ю. Я. Барабаш, исследовав идейно-художественную структуру «Выбранных мест...», назвал ее не просто «предисловием», но «предвестником второго тома, предварительным его наброском и одновременно «прелюдией» к «Мертвым душам» в целом» [5, с. 259]. Вслед за Ю. Я. Барабашем С. А. Шульц [58, с. 121] определяет «Выбранные места...» как «пробный шар» второго тома, в котором он предлагает русскому обществу свой социальный идеал. В. А. Воропаев рассматривает «Переписку» как «лирико-философский эквивалент» [17, с. 19] второго тома «Мертвых душ», делая упор на то, что отдельные письма-статьи книги звучат как наброски глав поэмы. Е. И. Анненкова видит в самой структуре этих книг некие «внутренние переключки».

На наш взгляд, данные суждения помогают положительно решить вопрос о создании второго тома «Мертвых душ», который представляет собой одну из гоголевских «загадок». Суждения современников и позднейших биографов по этому вопросу разноречивы: в ночь с 11 на 12 февраля 1852 года погибла беловая редакция второго

тома «Мертвых душ»; были уничтожены «Размышления о Божественной Литургии»; Гоголь сжег политически опасные бумаги — и так вплоть до версии о том, что писатель вовсе ничего не сжигал, а рукописи были спрятаны графом Толстым. Все эти гипотезы не имеют документального подтверждения. Последним, кто видел рукопись второго тома «Мертвых душ», был о. Матвей, читавший ее в виде разрозненных тетрадей по настоятельной просьбе писателя. Поэтому, мы считаем, некорректно говорить о неудаче Гоголя-художника, и все же считаем необходимым подчеркнуть, что слушавшие главы произведения в чтении самого писателя (по седьмую главу включительно) в подавляющем большинстве отзывались о них очень высоко. Приведенные выше суждения Ю. Я. Барабаша, С. А. Шульца, В. А. Воропаева, Е. И. Анненковой являются веским доказательством истинности создания Гоголем второго тома «Мертвых душ».

Следует отметить, что «внутренние переклички» объединяют все произведения Гоголя, созданные им в последнее десятилетие жизни. Так, в тридцатом письме «Выбранных мест...» — «Напутствие» — Гоголь высказывает одну из заветных своих мыслей: «...Призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований. На битву мы сюда призваны...» [22, т. 6, с. 320], на решительную «битву» с самими собой, со своими душевными «мерзостями». Прямое продолжение этой мысли находим в сочувствии автора письма своему другу с «нежной душою», поселившемуся в «пошлом городке» среди «грубых, неуклюжих людей» [22, т. 6, с. 319], «бесстыднейших людей, для которых ничего нет святого» [22, т. 6, с. 320], могущих уничтожить «лучшую драгоценность сердечную» ударом «медвежьей лапы» [22, т. 6, с. 320]. Образ «пошлых» людей, «безответных, мертвых обитателей, страшных недвижимым холодом души своей и бесплодной пустыней сердца» [22, т. 4, с. 246] мы встречаем и в «Театральном разезде» в заключительной речи автора пьесы. «Но, боже! сколько проходит ежедневно людей, для которых нет вовсе высокого в мире!» [22, т. 4, с. 246] — данное восклицание Гоголя можно в равной степени отнести к обоим произведениям. И монолог автора пьесы в «Театральном разезде», и статья «Напутствие» заканчиваются страстным призывом писателя броситься туда, «где жарче битва» [22, т. 6, с. 320], во имя «святой любви к человечеству» [22, т. 4, с. 247]. При этом необходимо подчеркнуть, что «Театральный разезд», являясь полным и талантливым изложением эстетической и этической программы Гоголя, «содержит в

зародыше почти все те идеи, которые позже были развиты в «Выбранных местах...» [27, с. 119]. Так, например, в «Театральном разъезде» в уста Второго любителя искусства Гоголь вкладывает одну из заветных своих мыслей: комедия должна быть «общественным, народным созданием» [22, т. 4, с. 221]. Эту же идею излагает он и в пятнадцатом письме «Выбранных мест...» — «Предметы для лирического поэта». Обращаясь к своему другу-поэту Н.М. Языкову, писатель так разъясняет ему поэтические задачи: «... В стихе твоём есть сила, и упрекающая и подъёмлющая. То и другое теперь именно нужно. Одних нужно поднять, других попрекнуть: поднять тех, которые смутились от страхов и бесчинств, их окружающих; попрекнуть тех, которые в святые минуты небесного гнева и страданий повсюдных дерзают предаваться буйству всяких скаканий и позорного ликованья...» [22, т. 6, с. 233]. В данном письме можно найти «внутреннюю переключку» и со 2 т. «Мертвых душ». Призыв Гоголя к поэту «возвеличить в торжественном гимне незаметного труженика, какие, к чести высокой породы русской, находятся посреди отважнейших взяточников» [22, т. 6, с. 235], несомненно, относится к образу Костанжогло и связан с замыслом произведения в целом.

Трактат «О тех душевных расположениях и недостатках наших...» непосредственно предшествовал созданию «Выбранных мест...» и стал основой для многих размышлений автора, связывающих два произведения. Так, в двадцать шестом письме — «Страхи и ужасы России», адресованном семье Вельгорских (как и названное выше произведение), читаем такое напутствие: «Прежде чем приходиться в смущенье от окружающих беспорядков, недурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу» [22, т. 6, с. 298], где может быть место и «растрепанному, неопрятному гневу», и «жалкой дочери безверья в бога» — «унынию», и «гордости», «способной превратить в ничто все добро» [22, т. 6, с. 298]. Гоголь считает, что «лучше в несколько раз больше смутиться от того, что внутри нас самих, нежели от того, что вне и вокруг нас» [22, т. 6, с. 298]. Толкование указанных «мерзостей» душевных мы находим и в трактате «О тех душевных расположениях и недостатках наших...», названия разделов которого говорят за себя: «О гневе», «О боязни, мнительности и неуверенности к себе», «Об унынии».

Убеждая читателя в том, что «жизнь человека — учиться и учить других» [24, с. 19], Гоголь, автор трактата «О любви к Богу и самовоспи-

тании», советует сторониться «гнева», ибо «истина, сказанная в гневе, раздражает, а не преклоняет»; «опасаться духа уныния, который есть чистое искушение духа тьмы» [24, с. 19]; не впадать в «отчаяние, которое есть душевное убийство, страшнейшее всех злодеяний, совершаемых человеком» [24, с. 19]. Знаменательно, что данные рассуждения автора заканчиваются выводом, прозвучавшим в одном из писем «Выбранных мест...» и раскрывающим глубокую внутреннюю связь произведений: «Жизнь не может быть ни на минуту покойна... Мы призваны в мир на битву, а не на праздник» [24, с. 19].

Своеобразным итогом всего сказанного могут быть строки из «Божественной Литургии», посвященные объяснению Молитвы Господней: «Словом: не введи нас во искушение, мы просим об избавлении нас от всего смущающего дух наш и отъемлющего у нас душевное спокойствие. Словом: но избави нас от лукавого, мы просим о небесной радости: ибо как только отступает от нас лукавый, радость уже вдруг входит в нашу душу, и мы уже на земле, как на небесах» [23, с. 362].

Сближение и сопоставление «Переписки» и «Божественной Литургии» не случайно. По признанию самого Гоголя, «Божественная Литургия» представляет собою своего рода «выбранные места» из литургических исследований отцов и учителей Церкви. Есть общее и в структуре обоих произведений. Немаловажен и тот факт, что создавались они одновременно и при издании неизменно помещались рядом.

В последнее десятилетие жизни Гоголем была создана и «Учебная книга словесности для русского юношества», имеющая духовно-нравственное содержание, заключенное в самом названии произведения. Она является своеобразным эквивалентом гоголевских идей о развитии русской литературы, представленных в письмах-статьях «Выбранных мест...». О наличии «внутренних переключек» двух произведений Гоголя можно говорить в связи с главным выводом писателя, сделанным в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «Уделы поэтов не равны» [22, т. 6, с. 341]. Основанием для такого вывода Гоголю послужил анализ поэзии Ломоносова, Державина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Языкова, Вяземского, Крылова, драматургии Грибоедова, Фонвизина, прозы Пушкина. Их имена Гоголь включает в практическое приложение к «Учебной книге словесности для русского юношества», представляющем собой список произведений названных авторов для обязательного чтения «русскому юношеству». О «внутреннем единстве» двух

произведений свидетельствует также и деление поэзии на «лирическую», «повествовательную», «драматическую». Трех поэтическим родам, выделяемым в «Учебной книге словесности для русского юношества», соответствуют указываемые в «Выбранных местах...» «три источника» русской поэзии, питавшие ее в то время, «как самое имя» ее «еще не было ни на чьих устах» [22, т. 6, с. 321]. Согласно этому, источником «лирического» рода поэзии выступает в гоголевской поэтике народная песня и «церковные песни и каноны». Род «повествовательно-драматический» соотносим с народной пословицей. Третий род поэзии, «так называемый описательный, или дидактический», берет свое начало в «слове церковных пастырей» [22, т. 6, с. 321].

Как видим, «внутренние переключки» «Выбранных мест...» с другими произведениями автора сводятся не только к простому повторению, но углублению и развитию одних и тех же идей, тем, мыслей, а также находят свое выражение в подобии художественной структуры. Эти «переключки» позволяют также сделать вывод: «Выбранные места...» нельзя рассматривать как «поражение» писателя. Это книга, которая, словно в фокусе, сосредоточила главные жизненные и художественные идеи Гоголя, нашедшие отражение во всем его творчестве. И в то же время «Выбранные места...» — огромный шаг вперед не только Гоголя, но и всей русской литературы XIX века. На это указывал в 1846 году издатель «Выбранных мест...» П. А. Плетнев в письме к Я.К. Гроту: «Начнем-ка, помолясь Богу... литературу новую, — живую, насущно-необходимую, истинную, по образу и подобию той, что я усматриваю в письмах Гоголя». По мнению автора письма, с этого произведения начинается в Европе «летосчисление появления в мире русской литературы» [13, с. 380].

«Я не могу понять, — писал Гоголь С. П. Шевыреву, — отчего поселилась эта нелепая мысль об отречении моем от своего таланта и от искусства, тогда как из моей же книги можно бы, кажется, видеть было... какие страдания я должен был выносить из любви к искусству... Что ж делать, если душа стала предметом моего искусства, виноват ли я в этом? Что же делать, если заставлен я многими особенными событиями моей жизни взглянуть строже на искусство? Кто ж тут виноват? Виноват Тот, без воли Которого не совершается ни одно событие» [5, с. 185]. Вот тот путь, который окончательно оформился в творчестве Гоголя с выходом его «Выбранных мест...» и определил основную линию его развития как писателя.

2.2.2 «Переписка» Н. В. Гоголя — целостная идейная система

40-50-е годы XIX века в жизни России отмечены серьезным обострением идейной, политической борьбы, что нашло выражение в противостоянии молодой революционной демократии либералам-западникам, сторонникам «официальной народности» и славянофилам. В истории русской культуры это был период глубокой идейно-психологической ломки, перестройки сознания, кризиса и разрушения ряда прежних мировоззренческих принципов, напряженной, драматически сложной выработки новых позиций — жизненных, общественно-политических, философских, творческих. Отражением названных процессов явилась и гоголевская «Переписка», в которой писатель открыто излагает свои взгляды на жизнь современного ему общества и таким образом активно включается в идейно-художественные искания эпохи. Следовательно, мучительные душевные процессы писателя 40-50-х годов XIX века есть выражение духовной атмосферы эпохи в целом.

В «Предисловии» к «Выбранным местам...» Гоголь, объясняя причины выхода своей книги, подчеркивает, что ее содержанием стало «все, что более относится к вопросам, занимающим ныне общество» [22, т. 6, с. 169], тем самым утверждая, что между написанием книги и важнейшими общественными процессами существует теснейшая связь. Об этом говорит и тот факт, что гоголевская «Переписка» рассматривается в научной литературе как сочинение публицистическое, «образец русского эссе для обсуждения как общественных, так и нравственных вопросов» [24, с. 11].

Взгляд на «Выбранные места...» как на многосложную целостную систему, философскую, этико-религиозную, впервые был выдвинут и обоснован А.М. Бухаревым, который явился одним из немногих современников Гоголя, кто сумел понять и по достоинству оценить произведение писателя. Архимандрит Феодор писал, что мысли Гоголя, «как они по внешнему виду ни разбросаны и ни рассеяны в письмах, имеют строгую внутреннюю связь и последовательность, а потому представляют стройное целое» [10, с. 11].

Духовный писатель выделяет в книге Гоголя три проблемно-тематических уровня, три «отдела». «Первый составляют, — пишет он, — общие и основные мысли — о бытии и нравственности, о судьбах

рода человеческого, о Церкви, о России, о современном состоянии мира». Второй «отдел» состоит из мыслей, касающихся «искусства и, в собственности, поэзии». Третий составляют «некоторые личные объяснения» автора о себе, о сочинениях своих и об отношении его к публике [10, с. 10]. Три указанных «отдела», мы считаем, можно условно назвать следующим образом: философский, литературно-эстетический, субъективно-критический. Необходимо отметить также, что схема А. М. Бухарева носит подвижный характер: эти «отделы» легко можно перераспределить или выделить другие. Например, письма об обязанностях различных сословий и о призвании каждого отдельного человека («Что такое губернаторша», «Русской помещик», «Занимающему важное место»), о «страхах» и «ужасах» России («Страхи и ужасы России», «Светлое воскресенье»), о любви к Богу («Несколько слов о нашей церкви и духовенстве», «Нужно любить Россию») и т.д. Но главное, в чем А.М. Бухарев, несомненно, прав, — это то, что мысли Гоголя имеют определенную внутреннюю связь и подчинены выражению основной идеи произведения. Эта идея просматривается уже в самом содержании книги, названия глав которой поражают обилием акцентов на национальном моменте: «Чтения русских поэтов перед публикою», «Несколько слов о нашей церкви и духовенстве», «О лиризме наших поэтов», «Нужно любить Россию», «Нужно проездиться по России», «Страхи и ужасы России». Речь о России идет и в тех главах, где имя ее отсутствует в заглавии. Поэтому можно утверждать, что главным содержанием «Выбранных мест...» являются раздумья автора о Родине, ее духовной будущности.

Важно подчеркнуть, что расположение писем книги имеет продуманную композицию, воплощая в себе отчетливо христианскую идею о нравственном возрождении души человека и включает в себя три основных компонента: «Завещание», «Просвещение», «Светлое воскресенье». Центральное место в книге занимает глава «Просвещение». «Просветить, — пишет Гоголь, — не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь» [22, т. 6, с. 240]. Без духовного просвещения, по Гоголю, не может быть никакого света. При этом писателя волнует, в первую очередь, то, «как просветить прежде грамотных, чем безграмотных» [22, т. 7, с. 361], то есть тех, у кого в руках перья и бумага (чиновников, местные

власти), которые, в свою очередь, могли бы «просвещать» народ, а не умножать зло.

На внутреннее единство глав книги указывал С.А. Шульц, рассуждая о сюжете произведения: «Книга лишена внешнего сюжета, в ней нарушена строгая последовательность изложения... Зато... соблюдена и культивирована внутренняя, «душевная» сюжетность. В силу этого мелькание разнообразных тем, отраженных заголовками глав, выглядит оправданным и продуманным» [58, с. 120]. О «душевной сюжетности» рассуждает и А. М. Бухарев, указывая на иерархическую взаимосвязь основных уровней книги: «Отзывы ваши лично о себе объясняются из ваших мыслей об искусстве и поэзии, — а эти последние имеют основание свое в вашем взгляде вообще на бытие и жизнь» [10, с. 34].

«Слаженность и взаимосвязь» составных частей идейной системы «Выбранных мест...» ни в коей мере не противоречит ее гибкости, не исключает возможности того, что иные элементы ее, находясь в сфере притяжения системы, в то же время как бы «выпадают» из нее, сохраняют известную автономию. Это относится, прежде всего, к главам «Завещание», «Предисловие», «Светлое воскресенье», которые по выходу книги оказались под самым острым критическим огнем. Гоголя обвинили в «саморекламе», «нескромности», «гордости». Тем не менее в данном случае мы имеем дело с продуманным композиционным замыслом: во взаимосвязи с «Предисловием», «Завещанием» глава «Светлое воскресенье» составляет «рамку» произведения, его смысловую опору. Начальные разделы книги вводят читателя в ее проблематику, последняя глава завершает развитие мысли. Нравственный максимализм, до болезненности острое ощущение собственного несовершенства и необходимости духовного самоочищения, пафос христианского смирения и любви к ближнему, мучительный страх перед неведомым, неутолимая жажда служения своими сочинениями общественной пользе — эти идеи и мотивы, получившие отражение в «Завещании» и «Предисловии», будут развиты писателем в последующих главах и достигнут своего апогея в главе «Светлое воскресенье».

О целостности «Выбранных мест...» как идейной системы говорит и тот факт, что Гоголь в своей книге предпринял попытку выявить глубинную связь между духовной, хозяйственной и религиозно-нравственной сферами жизни. Причем не просто выявить, но возвести

в принцип, осознать как важнейшее условие гармонизации человеческих отношений, всей общественной жизни. Именно по этому пути пойдет в своем развитии русская литература XIX века. «Все черты, характеризующие «великую русскую литературу», ставшую мировой, — утверждает К. В. Мочульский, — были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее пророческий пафос и мессианство. С Гоголя начинается широкая дорога, мировые просторы» [42, с. 37].

И, наконец, сам Гоголь неоднократно указывал на «Переписку» как сложную идейную систему, хотя термином этим не пользовался. Так, например, в «Авторской исповеди», объясняя замысел своей «дельной книги», писатель заявляет, что старался «дать ей какой-то порядок и последовательность» [22, т. 6, с. 427]. Сожалел о том, что цензура не пропустила в печать пяти важнейших для внутренней связи глав «Выбранных мест...» («Нужно любить Россию», «Нужно проездиться по России», «Занимающему важное место», «Просвещение»), Гоголь писал: «В этой книге все было мною рассчитано и письма размещены в строгой последовательности... Связь разорвана» [28, с. 79].

Кроме этого, необходимо отметить, что читатель имеет дело не вообще с письмами Гоголя, а с «выбранными местами» из его переписки с определенным кругом лиц, духовно ему близких. В «Переписку» автор включает также и специально написанные статьи, что объясняется стремлением писателя сделать книгу более завершенной. Следовательно, «Выбранные места...» явились результатом «перечистки», «переделки» житейского, бытового материала. Перед нами не «литературная мистификация», не мнимая переписка как формальный прием. В то же время это и не беспорядочное собрание сырых, неотделанных писем, а определенным образом организованное идейное единство, целостное произведение.

Нельзя обойти вниманием и того факта, что рассуждения Гоголя в книге на самые злободневные вопросы жизни полны противоречий: утверждение сменяется отрицанием, глубокие критические замечания сопрягаются с искренней наивностью писателя. По этой причине гоголевскую «Переписку» можно принимать или отвергать, но нельзя отрицать ее значительности. Она была «дитятей его сердца», плодом долголетней нравственной рефлексии, большого духовного опыта.

Тема 2.3 **Ключевые идеи «Выбранных мест из переписки с друзьями» как форма выражения авторского идеала Живой Души**

2.3.1 Проблема христианского спасения души

В 40-50-е годы XIX века христианство было наиболее типичной идеологической формой, воплощавшей в себе принцип духовного развития человека. Поэтому закономерно главнейшей темой русской литературы стала тема грехопадения и восстания человека, его просветление через обращение к Богу, зачинателем которой по праву считается Гоголь. И. П. Золотуский в своей работе «Душа и дело жизни», рассматривая эту проблему на материале второго тома «Мертвых душ», писал: «Как предвестники всей последующей русской литературы встают с этих страниц и грядущий Обломов (Тентетников), и Штольц (Костанжогло), и старец Зосима (схимник), и Улинька, давшая начало женщинам Тургенева и Толстого, и кающийся грешник (который станет центральной фигурой романов Достоевского), и прекрасный идеальный и незащитный русский Дон Кихот, чье единственное оружие — слово, тот же Тентетников (которому Гоголь отдал много своего), и князь» [31, с. 25]. Однако главным подтверждением сказанного может служить предсмертное слово Гоголя своим друзьям: «...Не смущайтесь никакими событиями, какие ни случаются вокруг вас. Делайте каждый свое дело, молясь в тишине. Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы, законные всему. И человечество двинется вперед» [17, с. 143]. Следовательно, фундаментальная мысль христианства о спасении всего рода человеческого полностью применима к писателю и выражает главную цель и смысл его жизни.

Спасти «живые» души и нравственно возродить «мертвые» — вот о чем прежде всего думал Гоголь, создавая свою «Переписку», так как величайшую опасность для России он видел в абсолютной бездуховности, жестокости и бессердечии мира. Вот почему принцип

нравственного совершенствования человека, идея развития души становится основой общественно-эстетической программы писателя в последние годы его жизни и творчества.

Мысли о душе, о нравственной чистоте человека занимают центральное место в «Выбранных местах...». «... Душа человека дороже всего на свете» [22, т. 6, с. 276], — утверждает Гоголь в статье «Русской помещик» и тут же дает совет последнему: «О главном только позаботься, прочее все приползет само собою» [22, т. 6, с. 277]. Будучи уверенным в том, что в душе — «ключ всего», писатель с таким же советом обращается и к «занимающему важное место»: «Душу и душу нужно знать теперь, а без того не сделать ничего» [22, т. 6, с. 304]. «Устроить дороги, мосты», по Гоголю, — «дело истинно нужное», «но уладить многие внутренние дороги» «есть дело еще нужнейшее» [22, т. 6, с. 305]. Чтобы убедить читателя в правоте сказанного, писатель ссылается на высший авторитет — Бога, который всегда с ним и в нем. «О сем помыслите прежде, — сказал спаситель, — а сия вся вам приложится» [22, т. 6, с. 305] — такого рода рассуждения, взятые Гоголем из духовных книг, мы находим на каждой странице «Переписки».

Задачу по спасению душ человеческих Гоголь берет на себя, искренне веря в то, что «уладить внутренние дороги» может один только тот, «кто начал уже работать над собственной душой своей» [22, т. 6, с. 304], кто имеет сам «благоустроенную душу». Писатель имел на это полное моральное право, так как он «внес Христа во все дела и во все действия своей жизни» [22, т. 6, с. 302] и тем самым обрел особое «состоянье душевное». Только при этом условии, по мнению автора, можно сделать «пользу России».

Гоголь говорит не только о злободневности выдвинутой задачи, но и утверждает ответственность всех и каждого за нравственные пороки людей. Главное — не быть равнодушным к тому, кто рядом, чья душа потеряла свой девственный облик и страдает возрождения. «Может быть, одной капли любви к нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь» [22, т. 6, с. 364], — искренне верит писатель, ибо даже «и зверь помнит ласкавшую его руку» [22, т. 6, с. 364]. Эта вера основывается на глубоком убеждении Гоголя в том, что душа человеческая способна возродиться.

Таким образом, духовное возрождение человека писатель осознает как глубокую общественную потребность, утверждает право

его на нравственную свободу и вместе с тем его ответственность за самостоятельно избранный путь. В письме «Страхи и ужасы России» автор убедительно просит адресата спасать не «презренное земное имущество», но спасать «свою душу, не выходя вон из государства», «спасать себя самого в самом сердце государства» [22, т. 6, с. 297]. В этом видится Гоголю выход, первоочередная задача каждого на пути спасения страны от общественных язв и пороков.

Рассуждая о проблеме нравственного возрождения человека, Гоголь употребляет выражение, ставшее впоследствии его любимым, — «внутреннее хозяйство». Этим он подчеркивает практический, житейский характер своего дела. Это не взлеты в потусторонние миры, не мистические созерцания, а ежедневная, прозаическая, «черная» работа. Нужно «устроить» свою душу, навести порядок во «внутреннем хозяйстве», а потом уже стараться, «чтобы другие были чище» [22, т. 6, с. 237]. Следовательно, Гоголь не хочет индивидуального спасения души. Спасаться можно только всем миром, со всеми братьями. В духовной области нет для него частной собственности: все Божие, все дары посылаются для всех. «Страданиями и горем определено нам добывать крупичицы мудрости, не приобретаемой в книгах. Но кто уже приобрел одну из этих крупич, тот уже не имеет права скрывать ее от других» [22, т. 6, с. 236] — в этом заключается суть программы «самостроения» писателя. В этом видится нам настоящая нравственная высота Гоголя — человека и художника.

Важным компонентом этой программы, на наш взгляд, представляется мысль об особом предназначении женщины в деле нравственного совершенствования всех и каждого. Данное убеждение писателя основывается на том, что «женщина скорей способна очнуться и двинуться» [22, т. 6, с. 290]. Этот вывод имеет глубокие жизненные корни: общение с женщинами (А. О. Смирновой, С. Соллогуб, урожденной Вьельгорской, занимавших одно из видных мест в русском обществе) было необычайно важным фактором его духовного развития и душевной жизни. «Целое жемчужное ожерелье их» [22, т. 6, с. 298] хранит память писателя не случайно. Ведь, в представлении Гоголя, женщина — «помощница мужа», «хранительный талисман», оберегающий его душу от «нравственной заразы» [22, т. 6, с. 181], «истинный возбудитель на все прекрасное» [22, т. 6, с. 293], «прямое, благородное и честное» [22, т. 6, с. 272]. Она в состоянии говорить «языком самой души» [22, т. 6, с. 272], следовательно,

главная ее задача — снять «нравственную усталость» с жизни нашего общества.

Таким образом, новым для эпохи Гоголя в решении «женской темы» явилось то, что писатель, раскрывая ее на страницах «Переписки», говорит не о проблеме социального неравенства, а о нравственном долге женщины. Писатель утверждает, что главное оружие женщины — красота. Гоголевская формула: «Красота женщины есть тайна» — равноценна словам Ф.М. Достоевского: «Мир спасет красота». Она дает понять, что речь идет не о бездушной привлекательности, а о таящейся в красоте великой умиротворяющей силе, преобразующей человека, несущей ему добро и очищение. Значит, женский вопрос существует для Гоголя не изолированно, не замкнуто. По мнению автора «Выбранных мест...», женский вопрос связан с глубинными общественными процессами, с самыми коренными и злободневными проблемами русской жизни. В этом неповторимость Гоголя-художника, в этом его «правда».

Не трудно заметить, что в нравственном сознании автора «Выбранных мест...» категории добра и зла главные. «Я люблю добро, я ищу его и сгораю им» [22, т. 6, с. 250], — заявляет Гоголь. Отсюда идет мучительное осознание писателем зла в самом себе, в людях и напряженное переживание своей ответственности за это зло. Вруженный верой в конечное торжество добра, Гоголь борется за него. Программа борьбы простая, практическая: служить своему Отечеству, приносить реальную и непосредственную пользу людям, быть добрым гражданином и усердным работником. Свою задачу писателя Гоголь видит в том, чтобы не «истреблять и разрушать, но, подобно самому богу, все направлять к добру» [22, т. 6, с. 232].

Наметив, таким образом, программу «дела жизни» каждого, Гоголь определяет и свой путь, который поможет выполнить ему эту программу. Путь этот — поучение и нравственное влияние. Других способов, кроме проповеди и личного примера, Гоголь не допускал. Вера писателя в плодотворность нравственного воздействия связана с его взглядом на душевное зло. По мнению автора «Выбранных мест...», в душе человека зло не имеет сущности. Оно случайно, эмпирично и поэтому вполне преодолимо. Работа проповедника сводится не к уничтожению зла, а к исправлению испорченного, искаженного добра в душе грешника. Именно это убеждение Гоголя породило его наивные крайности о моральном воздействии губернатора

и губернаторши на общество, помещика на крестьян и бюрократа на чиновников. В нем нам видится и причина того, что художник не смог создать ни одного героя с «живой» душой. Психологическая теория зла как искажение добра, изложенная в «Переписке», оказалась несостоятельной. Художественная практика доказала Гоголю, что «добродетельных» героев не выдумаешь, «пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить... — мертвечина будет все, что ни напишет перо твое» [22, т. 6, с. 251].

В то же время хочется подчеркнуть, что есть в произведении автора поистине прекрасная душа — Живая Душа великого гуманиста Гоголя. «Как лекарь глядит на лазарет» [22, т. 6, с. 263], так смотрит писатель на всю нынешнюю Россию. Приглашая друзей к соразмышлениям о собственных душевных недугах, изъянах и пороках, Гоголь исходит из того, что они присущи не ему одному, но времени, обществу, людям вообще. Поэтому, в представлении писателя, «самостроение» каждого есть необходимая предпосылка «ожизнестроения», создания лучшего порядка вещей, достижения общего блага, чему, в конечном итоге, и посвящена книга. Гоголь говорит о душе, чтобы высказать все накопившее, наболевшее о России.

«Переписка» Гоголя — это своеобразный экзамен на духовную зрелость писателя. Объясняя причину выхода книги, автор утверждал: «Книга моих писем выпущена в свет затем, чтобы ... узнать, на какой степени душевного состояния стою теперь я сам, потому что себя трудно видеть» [12, с. 404]. Эту «степень душевного состояния» можно определить так: Гоголь сказал то слово о «строении» человеком самого себя, которое до него в полный голос прозвучало лишь у соотечественника писателя — Сковороды, а после него было подхвачено и углублено Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Своей идеей христианского спасения души писатель произвел целую эпоху в русской литературе XIX века и определил дальнейшие пути ее развития.

2.3.2 Гоголевская программа нравственного переустройства России

«Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами?..» [21, с. 516] — одно из лучших лирических откровений Гоголя в поэме «Мертвые души». Ответ на поставленный

в нем вопрос мы находим в гоголевской «Переписке». Писатель не просто рассуждает о «страхах» и «ужасах» России, он строит перспективы для своей Родины. Они составляют суть гоголевской программы нравственного переустройства, которую большинство исследователей определили как «социально-нравственную утопию». Мы думаем, что в целом с данным мнением согласиться нельзя, так как на протяжении всей «Переписки» читателя не покидает чувство ощущения зыбкости, непрочности настоящего, глубокой неудовлетворенности настоящим, неизбежности каких-то перемен, устремленности к переменам.

Настоящее, в представлении Гоголя, «темно», «запутанно»: «Богатырски задремал нынешний век» [22, т. 6, с. 233]; «все у нас теперь расплылось и расшнуровалось» [22, т. 6, с. 294]; «нынешнее время» — «время трудных обстоятельств, расслабленья и развращенья общего, повсеместной ничтожности общества» [22, т. 6, с. 299]; «образовался другой незаконный ход действий мимо законов государства» [22, т. 6, с. 303]. Если мысленно собрать воедино всю эту мозаику — апокалипсические прозрения, критические наброски, горестные заметы, перед нами предстанет целая система признаков глубокого кризиса, надвигающейся катастрофы, картина разорванности мира и общества и на этой почве — расколотости души человеческой. Именно это обстоятельство позволило Ю. Я. Барабашу назвать гоголевскую «Переписку» «одной из первых русских антиутопий» [5, с. 119]. Поэтому, на наш взгляд, наиболее объективной и правильной будет следующая точка зрения: книга Гоголя органично сочетает в себе элементы утопии и антиутопии, беспощадную критику настоящего и светлую мечту о будущем, связующим компонентом которых является Живая Душа автора, глубоко не равнодушная к судьбе своей Родины.

На страницах своего произведения Гоголь настоятельно утверждает мысль о том, что между «светлым будущим» и «темным и запутанным настоящим» существует теснейшая связь. В письме «Что такое губернаторша» писатель по этому поводу говорит следующее: «Оттого и вся беда наша, что мы не глядим в настоящее, а глядим в будущее... Позабыли все, что пути и дороги к этому светлому будущему сокрыты именно в этом темном и запутанном настоящем» [22, т. 6, с. 273—274]. Писатель уверен, что сейчас наступило такое «время», «когда нельзя иначе устремить общество

или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости» [22, т. 6, с. 252].

Как известно, с первой задачей писатель справился блестяще. Теперь главным для Гоголя становится определение «исходов», «средств» и «путей», ведущих к прекрасному будущему. У автора «Выбранных мест...» есть по-своему четкие представления о некоторых существенных чертах этого желанного будущего, есть планы их воплощения. На многих страницах своей книги он излагает эти планы, касаясь всех вопросов политического устройства России. К ним относятся такие письма Гоголя, как «Нужно проездиться по России», «Русской помещик», «Несколько слов о нашей церкви и духовенстве», «О том же», «Страхи и ужасы России», «Занимающему важное место».

Гоголевское представление об инструментах преобразования, совершенствования реальной действительности дает ключ к постижению философско-эстетической природы «Переписки». «Настоящее — реформы — будущее» — это триединство берет на себя функцию действительно опорного структурирующего принципа, на котором строится это представление.

Важно подчеркнуть, что гоголевская программа нравственного переустройства русского государства складывалась постепенно, вырастая из присущей писателю еще смолоду тяге к изначальным, «бытийным» вопросам и крепким устоям жизни, из его веры в вечные истины и богодухновенные заповеди, в непреходящие ценности духа и бессмертие души. Это — главная особенность мироощущения Гоголя как человека, художника и как мыслителя, много объясняющая в его творческом наследии. Многолетние скитания по Европе, насыщенной предгрозовой революционной атмосферой, не изменили умонастроения Гоголя, а, напротив, укрепили его. Душе писателя ближе те уголки Европы, где живы пока патриархальные (изначальные) нравы, сохранилась подлинная суть человеческой природы. Вот почему не принимает Гоголь революции как глубоко качественного изменения, коренного поворота в развитии природы, общества, познания. По этой причине и не понятен Гоголю тот «другой незаконный ход действий», который образовался «мимо законов государства» [22, т. 6, с. 303]. Автор «Выбранных мест...» ищет альтернативу революционным «страхам» и «ужасам». Имя ей — реформы, что, по Гоголю, означает: не тотальная ломка государственных структур, а их совершенствование;

не отбрасывание веками складывавшихся и веками служивших людям патриархальных общественных форм, а бережное их возрождение и обновление, освобождение от чуждых напластований; не разрушение, не насильственная переделка общества, а разумное его реформирование, нравственное переустройство.

Нужно заметить, что гоголевские реформы носят универсальный характер, так как предусматривают совершенствование различных сторон современной писателю русской жизни: от государственных установлений до человеческой души, от церкви до литературы, от сельского хозяйства до театра. Как и в сфере нравственной, так и в вопросах государственного переустройства Гоголь на первое место ставит законы высокой морали. Проект реформы общественных отношений, выдвигаемый писателем, носит не социальный, а религиозно-нравственный характер. По мнению Е. А. Смирновой, Гоголь «как бы растворяет политику в морали» [53, с. 17], подчиняя все проблемы, связанные с внешней регламентацией жизни, внутренней проблематике души.

Из всего сказанного следует, что главным цементирующим началом программы Гоголя является идея прочности, «твердых основ», «простоты» как отличительного признака естественной, органичной жизни, текущей по испытанному руслу, не подверженной сомнительным новациям и переворотам. Отсюда и вопросы недоумения писателя: «Что значат эти странные власти, образовавшиеся мимо законных?.. Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а божи помазанники остались в стороне?» [22, т. 6, с. 366]. Рассуждая о генерал-губернаторе как «божем помазаннике», Гоголь так определяет один из главных его подвигов: «...Чтобы ускорить биение государственного пульса внутри губернии... дать толчок всему... не внося никаких новых элементов и ничего не заводя от себя, все заставить обращаться быстрее в законах и границах, уже указанных и определенных» [22, т. 6, с. 304]. По мнению автора, подвиг генерал-губернатора и в том, чтобы «простым образом обращения со всеми... вывести вон моду с ее простыми этикетами и укрепить те русские обычаи, которые в самом деле хороши и могут быть применены с пользой к нынешнему быту» [22, т. 6, с. 316], так как «простой обычай сильнее всякого письменного закона» [22, т. 6, с. 317]. Из этих рассуждений вытекает гоголевский совет держать себя в «нравственных рукавицах» и требовать того же от

своих подчиненных, что неизбежно должно привести к искоренению злоупотреблений. В целом наивный, данный вывод все же содержит крупицу истины: нравственность определяет поступки любого из нас. Но Гоголь не учитывал, что нравственность, в свою очередь, зависит от общественных законов, что человек не только «помазанник божий», но еще и существо социальное.

Нельзя утверждать также, что гоголевская программа нравственного переустройства России нечто последовательное и строгое, где все распределено по пунктам. Тем не менее можно вычлениить основные ее компоненты. Первым таким компонентом и в то же время необходимой предпосылкой, условием ее осуществления выступает идея «поприща» — деятельности человека на отведенном ему месте в жизни, его служба и служение, должность и долг. О «поприще», хотя и в других эмоционально окрашенных тонах, писатель говорил на протяжении всего своего художественного творчества, будучи абсолютно уверенным в том, что каждому оно предопределено свыше. Окружающая же действительность убеждала автора в обратном: многие забыли о своем «поприще», долге перед Родиной, и это является главной причиной «омертвения» их душ. Поэтому идея «поприща» выражает прежде всего убеждение Гоголя в необходимости пробуждения во всех и каждом чувства нравственного долга, который можно определить как гражданско-патриотический. Напомнить читателям об этом долге и наметить круг деятельности, «поприще» для каждого: писателя, помещика, чиновника, светской женщины, губернатора, царя — было важнейшей задачей «Выбранных мест...».

Особое значение тема «поприща» приобретает в письмах к тем друзьям, которые занимают видное место в служебной иерархии России. Среди них Гоголь особо выделяет графа А. П. Толстого, крупного государственного деятеля, которого писатель прекрасно знал и сохранил с ним близкие отношения до самой смерти. В представлении автора, это «замечательный» человек, который способен сделать много у нас добра «при нынешних именно обстоятельствах» России. Не случайно письмо «Занимающему важное место», адресованное графу А. П. Толстому, писатель начинает с острой характеристики разъедающих Россию социальных язв, искоренение которых потребует от «занимающего важное место» совершения «подвигов», ибо «всякое званье и место требует богатырства» [22, т. 6, с. 246].

«Всяк должен служить богу на своем месте» [22, т. 6, с. 275], — заявляет писатель и утверждает главную мысль: жизнь человека любого звания и сословия должна строиться по законам высокой морали. Нравственным ориентиром каждого, кто обладает реальной властью, должны стать «три неизбежных вопроса: в чем состоит его должность, сколько на ней можно сделать добра и сколько зла» [22, т. 6, с. 273]. Первейшей задачей наделенного властью лица Гоголь считает проникновение в «душу человека». Моральным основанием для этого, по мнению писателя, является наличие в нем самом Живой Души. Предостерегая своего корреспондента от увлечения на новой должности «хлопотливыми обязанностями управителя», он ставит во главу его правления заботу о нравственном здоровье общества, об отношении человека к Богу, к закону, к ближнему своему, к самому себе, то есть заботу о его Живой Душе. Современный «моральный кодекс», «человеческий фактор» означает у Гоголя «дело внутреннее» и выступает у него как неперемнная предпосылка осуществления программы реформ общества и человека. Однако, на наш взгляд, в азарте морального проповедничества писатель немного упрощенно трактует зависимость между «делом внутренним» и торжеством порядка, законности. Это приводит Гоголя к наивным выводам и рекомендациям: достаточно хорошо узнать душевные силы плута, «данные ему на добро», и «попрекнуть его им же самим», как раскаявшийся плут буквально «не найдет себе места», ибо «благородна наша русская порода, даже и в плуте» [22, т. 6, с. 304]. Следовательно, все зло исходит из того, что разучились люди правильно понимать и исполнять свое «поприще». «Половина грехов его от неведения, а не от разврата», — подтверждает автор, а «все наши должности в их первообразе прекрасны и прямо созданы для земли нашей» [22, т. 6, с. 307].

С идеей «поприща» в «Выбранных местах...» теснейшим образом связана и вытекает из нее идея монарха. Она есть венец рисуемой в «Переписке» модели нравственного переустройства, ее важнейший компонент, характерный, по мнению Гоголя, исключительно для России, так как только в России это не просто «высший чиновник в государстве» [22, т. 6, с. 211], а посланник Бога.

«Что такое монарх вообще?» [22, т. 6, с. 209] — конкретно ставит вопрос писатель в статье «О лиризме наших поэтов» и излагает свое понимание этого вопроса, пользуясь при этом нравственными

категориями. Слышны «вопли страданий душевных всего человечества» [22, т. 6, с. 211], поэтому главная задача монарха — быть душой государства: «Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера» [22, т. 6, с. 208]. «Обратить в стройный оркестр государство», полюбив «всех, как одного человека», сделавшись «весь одна любовь» [22, т. 6, с. 211] — духовный подвиг монарха, без совершения которого он не сможет выполнить роли «высшего чиновника в государстве».

С. И. Машинский объясняет эту идею автора присущим писателю интересом и внутренним тяготением к средневековью. Ю. Я. Барабаш в этом вопросе идет еще дальше. Истоки гоголевской концепции, по его мнению, «лежат глубже, в византийских представлениях об императорской власти, и античный компонент... не замещает здесь средневековье, он включен в более сложный исторический контекст» [4, с. 151]. Мы думаем, с данной точкой зрения стоит согласиться, так как многие компоненты этих представлений являются неотъемлемой частью гоголевской идеи. Так, например, византийское учение о монархе предполагает сложное сочетание «полномочной» власти, богоизбранности самодержца с его ответственностью перед Богом за вверенную ему власть, а в известной мере и перед людьми, включает в себя представление об императоре как о верховном властителе и одновременно как о рабе Божьем, смертном человеке.

Однако, обладая исторической зоркостью, Гоголь смещает акценты: мотив «полномочной» власти незаметно заслоняется у него двумя другими мотивами — любви и долга. По мнению Гоголя, любовь к России — основа любви ко всему. Любовь к России — это любовь к «братьям» своим, равная любви к Богу. В этом видится автору «Выбранных мест...» путь к спасению, ибо «уже крики на бесчинства, неправды и взятки» — «воплъ всей земли» [22, т. 6, с. 254]. Гоголь говорит о христианской любви к ближнему своему как объединяющем всех и все начале. Она, словно факел, «должна быть передаваема по начальству, и всякий начальник, как только заметит ее устремление к себе, должен в ту же минуту обращать ее к постановленному над ним высшему начальнику, чтобы таким образом добралась она до своего законного источника, и передал бы ее торжественно в виду всех всеми любимый царь самому богу» [22, т. 6, с. 318]. Вывод напрашивается сам собой: «Словом — все

полно, и везде слышна законодательная мудрость, как в установлении самих властей, так и в соприкосновеньях их между собою» [22, т. 6, с. 309].

Таким образом, схему гоголевского социального строя можно представить себе в виде иерархической лестницы, на которой расположены должности и сословия: стоящие на одной ступени отцы по отношению к низшей и дети по отношению к высшей. Снизу вверх из рук в руки передается пламя любви, достигающее наконец престола. На нем сидит Монарх, возносящий любовь детей своих к Богу. Со всех ступеней общественной лестницы волны любви устремляются в одну точку — к трону, и навстречу им стремится столь же сильный поток монаршей любви. В этой встрече двух любовных потоков, в концентрации и объединении всего народа в любви и заключается, по Гоголю, смысл монархии.

Думаем, соотечественникам писателя, да и нашим современникам также, трудно понять эти представления художника лишь по одной причине: слишком уж подлѣ, несправедлива, а потому и несовершенна была общественная система России первой половины XIX века, изображенная самим же автором в его произведениях. Но если взять во внимание тот факт, что там, где у Гоголя речь идет о высочайших достоинствах государя — осознании им собственного долга и его любви к людям, все дается в будущем времени, звучит утверждение не столько сущего, сколько должного, то апология утрачивает строгие очертания. «Да образуется в России эта власть в ее полном и совершенном виде» [22, т. 6, с. 212], — так выражает свою мечту писатель. Поэтому можно утверждать, что перед нами не сам конкретный идеал нравственного переустройства России, а мир возможного идеала писателя. Вот почему в каждом письме так тесно переплетены критическое и утверждающее начала, все проекты художник излагает от имени будущего. И над всем этим царит Живая Душа автора. Через ее призму смотрит Гоголь на все проблемы и решает все наблевшие вопросы. Святым законом для него остается убеждение: самостроение, нравственное очищение каждого должно предшествовать государственному строению. Этого не учли современники автора «Переписки» и по этой причине не поняли душевного порыва писателя. Хотя нужно заметить, что были в этом отношении и некоторые исключения. Так, например, Б. Зайцев в своем очерке «Гоголь на Пречистенском...» с горечью

восклидал: «Гордыню заметили все, а вот какую душу раскрыл человек, этого почти никто не оценил»¹.

Итак, в гоголевской системе нравственного переустройства России явно проступают две основные особенности мироощущения писателя: 1) изначальное неприятие любой революционной ломки общественных структур и ориентация на совершенствование в рамках этих структур отношений между людьми, «строение» человека; 2) убежденность в высшей, Богом данной предопределенности — каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит. Эти особенности мировоззрения автора очень сложно соотнести с главной идеей эпохи — уничтожением крепостного права, реализацию которой, по словам В. Г. Белинского, «чувствует даже само правительство», но, к несчастью, не чувствует «великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России» [39, с. 346]. Отрицать правомерность этого упрека автору «Выбранных мест...» невозможно. Проведенная сверху через полтора десятка лет после «Переписки» отмена крепостного права гоголевской программой переустройства России не предусматривалась. Здесь самое уязвимое место этой программы. Именно данное обстоятельство вызвало взрыв «негодования» со стороны В. Г. Белинского, который в открытом письме к писателю от 15 июля 1847 года подвергает беспощадной критике политические, нравственные, философские идеи книги Гоголя и излагает свои взгляды на важнейшие вопросы современности: крепостное право и самодержавие, церковь и религию, исторические судьбы русского народа и его культуру. Критик рисует картину трагического положения дел в России, представляющей собою «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек» [39, с. 347]. Он дает беспощадную характеристику господствующему режиму, который, по мнению критика, представляет собой не что иное, как «корпорации разных служебных воров и грабителей» [39, с. 347]. Вот почему, пишет В. Г. Белинский, «самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного

¹ Зайцев Б. Гоголь на Пречистенском ; Жизнь с Гоголем : (публ. очерков рус. критики). Лит. учеба. 1988. № 3. С. 126—155.

наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» [39, с. 347]. Решение этих первоочередных задач должно, по мысли критика, содействовать борьбе за успешное осуществление программы революционно-демократического преобразования России.

Причина разногласий великого художника и В. Г. Белинского, думаем, заключается в том, что на один и тот же предмет они посмотрели каждый по-своему: Гоголь — как моралист, Белинский — как политик. В противовес В.Г. Белинскому, мысль о какой бы то ни было ломке существующих отношений между помещиком и его крепостными для Гоголя неприемлема, что связано с его представлениями о ходе и направленности общественного развития в целом. В то же время очевидна и ощущаемая писателем смутная тревога по поводу того, в чем ему видится несовершенство этих отношений. Проект реформ, предлагаемый Гоголем, носит не социальный, а религиозно-нравственный характер. «... Если только помещик взглянул глазом христианина на свою обязанность, то не только он может укрепить старые связи... но связать их новыми, еще сильнейшими связями — связями во Христе, которых уже ничего не может быть сильнее» [22, т. 6, с. 281], — так заканчивает свои рассуждения об отношении помещиков и крестьян писатель в статье «Русской помещик». Думаем, что данное рассуждение Гоголя касается отношений и других сословий русского государства, которые, по мысли писателя, должны быть истинно христианскими.

Сегодня ясно одно: предреформенное общественное сознание не было в состоянии воспринять данную концепцию Гоголя. В тексте писем современниками писателя прочитывалось прежде всего то, что лежало на поверхности, — апология крепостнических отношений, и осуждение, негодование, протест рождались неизбежно. Гоголь не мог быть понят своими соотечественниками по причинам, казалось, взаимоисключающим: потому, что «отстал» от своего времени, и потому, что ушел вперед. Пройдет несколько десятилетий, и в новой социально-исторической ситуации гоголевская идея о неразрывности двух сфер — хозяйственной и нравственной — станет одной из ключевых в художественных и религиозно-этических исканиях русской общественной мысли.

Д. И. Чижевский, рассматривая «Переписку» Гоголя в широком историческом контексте литературы, посвященной религиозно-

этической проблематике, находит подтверждение гоголевским идеям в книге Фомы Кемпийского «О подражании Христу», которую очень высоко ценит Гоголь; в произведении итальянского писателя-моралиста Сильвио Пеллино «Об обязанностях человека»; в собрании писем известного масона С. Гагалеи, земляка Гоголя; в «Философических письмах» П. Чаадаева, положительно отзывавшегося о «Выбранных местах...». В этих книгах нет прямых ссылок на Гоголя, но они говорят о том, что мотивы «Переписки» не стоят одиноко в истории мировой литературы.

Как видим, в гоголевской нравственной альтернативе есть и свои крайности, причем часто консервативного характера, и свои тяжкие заблуждения, что, собственно, и не позволило ей выйти на стрезень исторического процесса. Но была в ней и своя правда, которую в пылу борьбы не разглядели, да, возможно, и не могли тогда разглядеть современники писателя. В этом убеждает нас весь ход исторического развития России, кричащие противоречия современности.

2.3.3 Душа писателя и нравственное «поприще» художника

Спустя сорок лет после появления «Выбранных мест...» Л. Н. Толстой поражался верности гоголевских суждений о назначении литературы: «Сказано, и прекрасно сказано, то, чем должна быть литература... значение писателя вообще определено... так, что лучше нельзя сказать» [20, с. 13].

На материале различных статей «Переписки» Гоголь разрабатывает «сквозные» эстетические проблемы, наиболее важные для писателя и русской литературы в целом. Они конкретно звучат в письме «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «... Что такое наша поэзия вообще, зачем она была, к чему служила и что сделала для всей русской земли нашей. Имела ли она влияние на дух современного ей общества?...» [22, т. 6, с. 354]. Названная выше статья, а также письмо «О том, что такое слово» носят программный характер, наиболее четко выражают взгляды писателя на литературный процесс и, в чем-то перекликаясь между собой, находятся в отношениях взаимодополняемости. Письма — «О лиризме наших поэтов», «Предметы для лирического поэта

в нынешнее время», «Об Одиссее, переводимой Жуковским», «Карамзин», «О театре», «Об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», «Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ», «Исторический живописец Иванов» — представляют собой своего рода «спутники», варьирующие, конкретизирующие основные авторские мысли. Они отличаются необыкновенной глубиной и ясностью и вошли в сокровищницу русской эстетической мысли, стали предметом внимания не только Толстого, но и других замечательных художников слова.

Ответом на главный гоголевский вопрос: «Что такое наша поэзия вообще?» — могут служить, на наш взгляд, следующие рассуждения писателя: «...Наша поэзия совершала так быстро своеобразный ход свой, воспитываясь поэтами всех веков и наций, обвеваясь звуками всех поэтических стран, пробуя все тоны и аккорды» [22, т. 6, с. 343]. К числу лучших свойств русской поэзии Гоголь относит «истинно русский ум», «молодую удаль и отвагу», «свойство чуткости» [22, т. 6, с. 357], «торжествующее выражение», «стремление к свету» [22, т. 6, с. 322]. «Все эти свойства, обнаруженные нашими поэтами», по мнению Гоголя, «есть наши народные свойства, в них только видней развившиеся» [22, т. 6, с. 358]. Пушкин, Крылов, Державин, Ломоносов, Жуковский, Языков — «отцы нашей поэзии», в представлении Гоголя. Их творчество в целом, отдельные произведения писатель подвергает глубокому анализу, при этом указывая конкретное место каждого поэта в русской и мировой литературе. Это место определяется их неповторимостью: непреклонность и твердость Гоголь ценит у Державина, чуткость и живость природы — у Пушкина, свободу и естественность ума — у Крылова, молодую удаль и отвагу — у Языкова. По мнению Гоголя, эти черты не случайные, они рождены в глубинах народного характера и почерпнуты оттуда, ибо «поэты... исходят из своего народа» [22, т. 6, с. 358]. Взятые вместе, данные рассуждения представляют собой своеобразный историко-литературный обзор, так как литература рассматривается Гоголем в широком историческом контексте.

В литературный анализ писателя впадают также размышления автора о европейской литературе — французской, немецкой... Но и здесь Гоголь-критик не проминает случая, чтобы не заговорить о преимуществе русской литературы и нации в целом. Так, например, рассуждая об источниках «лиризма наших поэтов», Гоголь

видит их в любви к Богу и России, что, по его мнению, является отличительной чертой именно русских поэтов: «Оттого и звуки становятся библейскими у наших поэтов. И этого не может быть у поэтов других наций, как бы ни сильно они любили свою отчизну и как бы ни жарко умели выражать такую любовь свою» [22, т. 6, с. 206].

Образцом поэта и поэтического творчества Гоголь считает Пушкина. Его личность и художественное творчество, по мнению писателя, есть ответ на вопрос: «Что такое в существе своем поэт?» [22, т. 6, с. 333]. Предметом анализа для критика становятся все грани таланта поэта: лирические откровения, драматические пробы, открытия в прозе. Не случайно пушкинская тема является лейтмотивом в литературных статьях «Выбранных мест...». Ю. Я. Барабаш отмечал, что «эта тема словно веером развернется по другим главам, предстанет разными своими гранями, в том числе и неожиданными, становясь одной из доминант гоголевской эссеистики, причем отнюдь не только применительно к литературным вопросам» [5, с. 297].

Отношение Гоголя к поэту, его поэзии — искреннее восхищение: «Какая точность во всяком слове! Какая значительность всякого выраженья! Как все округлено, окончено и замкнуто! Все они точно перлы; трудно и решить, которая лучше» [22, т. 6, с. 335]. В рассуждениях автора о поэте доминирует осознание величия Пушкина, его судьбоносной роли для собственной писательской биографии и русской литературы в целом, так как, по мнению Гоголя, с появлением на литературном небосклоне пушкинской звезды «сделались поэтами даже те, которые не рождены были поэтами» [22, т. 6, с. 338]. Чем был Пушкин для Гоголя, говорят письма последнего после смерти поэта. В марте 1837 года Гоголь сообщает П. А. Плетневу из Рима: «Все наслаждение моей жизни... исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою» [22, т. 7, с. 155].

В «Выбранных местах...» подлинно новаторскими, обращенными в будущее становятся мысли Гоголя о всемирной отзывчивости, «чуткости» Пушкина, о всеохватности, универсальности его поэзии: «Все стало ее предметом, и ничто в особенности. Немеет мысль перед бесчисленностью его предметов» [22, т. 6, с. 332]. В то же время суждения Гоголя о Пушкине не лишены противоречий. С одной

стороны, Пушкин — сияющий впереди идеал: «...Он был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечки, зажглись другие самоцветные поэты» [22, т. 6, с. 337]. С другой стороны, поэт — лишь приготовление литературы к служению более значительному. На наш взгляд, истоки этой противоречивости — в объективном противоречии литературного процесса, в котором сложно сочетаются преемственность и отталкивание. Сам писатель, не зная того, был связующим звеном между пушкинской и послепушкинской литературными эпохами. Пушкин, таким образом, есть одновременно завершение и начало, подведение итогов и предвещание будущего, его органическая составная часть.

Важно подчеркнуть, что задачи современной поэзии и литературы в целом Гоголь формулирует, отталкиваясь от мысли о судьбоносной роли пушкинского гения. «Другие дела наступают для поэзии. Как во время младенчества народов служила она к тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая в них браннолюбивый дух, так придется ей теперь вызывать на другую, высшую битву человека — на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за нашу душу» [22, т. 6, с. 359]. Таким образом, категория «душа» как понятие нравственное используется Гоголем и для определения писательского «поприща»: «...писатель есть что-то высшее...», он должен быть «красавец душой», а «духовное благородство есть уже свойственность почти всех наших писателей» [22, т. 6, с. 216]. Размышляя о писательском долге как нравственном «поприще», Гоголь предупреждает «себя и каждого»: «Опасно шутить писателю со словом» [22, т. 6, с. 188]. Поэтому, считает автор, нельзя и помышлять о художественном творчестве, если душа поэта не пришла в «стройность», не приняла Бога в себя, не стала «живой». Исходя из этого принципа, Гоголь формулирует нравственный критерий для оценки творчества любого поэта: наличие в нем того, что «шевелит русскую душу» [22, т. 6, с. 340], т. е. того, что воспитывает в каждом Живую Душу. В этом отношении особого внимания заслуживают мысли писателя об «Одиссее», переводимой В. А. Жуковским. Гоголь считает, что она окажет благотворное влияние на всех и каждого, и причина этого в том, что «изгибы души человеческой» [22, т. 6, с. 19] познаны Гомером изумительно. Вот почему автор «Выбранных мест...» называет «Одиссею» одним из «нравственнейших произведений», которое в

состоянии снять с общества «охлаждение», «благоухающими устами» навевая «на души то, чего не внесешь в них никакими законами и никакой властью!» [22, т. 6, с. 200]. А причину неудач последних стихов Языкова Гоголь видит в том, что «тяжелая болезнь посетила поэта и отразилась на его духе» [22, т. 6, с. 340], «свет любви погаснул в душе его — вот почему примеркнул и свет поэзии» [22, т. 6, с. 341]. Все это дает основание сделать вывод: нравственное «поприще» писателя неразрывно связано с делом его души.

Важно отметить, что Гоголь, относясь к своему писательскому долгу как к служению, «устройство» русской литературы начинает с «самостроения», к себе самому прилагая прежде всего свои этические максимы. Назначение себя как писателя он видит не в том, чтобы «произвести эпоху в области литературной» [22, т. 6, с. 252]. Его «дело» — «душа и прочное дело жизни» [22, т. 6, с. 253]. Абсолютным откровением звучат гоголевские слова: «Мои сочиненья тоже связались чудным образом с моей душой и моим внутренним воспитаньем» [22, т. 6, с. 286]. Не случайным кажется нам и его литературный выбор — «поэзия сатирическая». Писатель уверен, что это наиболее важная сторона русской поэзии, так как она проявляется прежде всего там, «где видимо страдает душа» [22, т. 6, с. 347]. Главное качество своего творчества Гоголь мыслит как типичное, истинно русское, потому что «трудно найти русского человека, в котором бы не соединялось вместе с умением пред чем-нибудь истинно возблагодарить — свойство над чем-нибудь истинно посмеяться» [22, т. 6, с. 347].

Важно подчеркнуть, что смех Гоголя — смех великого гуманиста. Главная цель его — не разрушить, не уничтожить, а сотворить. Классической стала гоголевская фраза: театр — «это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра» [22, т. 6, с. 223]. Поэтому высоко драматическими писатель считает лишь те произведения, «где обращено внимание на природу и душу человека» [22, т. 6, с. 223]. Именно такие произведения способны оказать на публику «нравственное благотворное влияние» [22, т. 6, с. 223]. Все это в конечном итоге должно выполнять главную заповедь писателя: «Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще» [22, т. 6, с. 186]. Каждый художник слова, и Гоголь в том числе, несет нравственную ответственность за свое творчество, поэтому и душа его должна быть «живой». Отсюда вытекает искреннее

убеждение писателя в божественном происхождении слова. По мысли Гоголя, оно должно участвовать в сотворении мира и человека, делать его душу совершеннее и прекраснее. Только такая поэзия способна вернуть обществу то, «что есть истинно прекрасного и что изгнано из него нынешней бессмысленной жизнью». Путь к этому Гоголю видится в одном — в сближении поэзии с учением Христа, с Церковью, в «христианском, высшем» самовоспитании каждого поэта и литературы в целом.

Как было отмечено, к идее неразрывности искусства и религии, красоты и веры Гоголь пришел задолго до «Выбранных мест...». Еще в статьях сборника «Арабески», относящихся к началу 30-х годов XIX века, живопись, музыка, готическая архитектура оценивались писателем как уникальная и совершеннейшая форма воплощения христианского бытия, выражение порыва человека к небу, к высотам бессмертного духа. Описание внутренности готического храма, которое дает Гоголь в статье «Об архитектуре нынешнего времени», менее всего похоже на научную характеристику предмета. Главное в нем — передача впечатлений и чувств от увиденного. Данное обстоятельство позволяет говорить об особенном характере гоголевского единства искусства и религии. Оно подвижно, и часто в этом единстве явно заметен крен в сторону эстетического начала. Именно оно получает у Гоголя главную роль, становясь первотолчком, импульсом для религиозного переживания писателя и его героев. Мы считаем, что это единство не случайно в творчестве Гоголя. Достаточно вспомнить пребывание его в Риме, где «присутствие святыни» властно покоряет восприимчивую душу писателя. Из писем к близким и друзьям узнаем, что Гоголь посещает «прекрасные» римские церкви. Туда влечет его прежде всего не желание испытать религиозный экстаз. Для него (и для его героев) главное — услышать хрупкую, таинственную тишину Божьего дома, проникнуться духом строгого совершенства, звучанием «небесной музыки». Именно красота помогает писателю и его героям приобщиться к святыне, так как, по мнению Гоголя, душа ни о чем так не страдает, не плачет, как о красоте.

Идея неразрывности души и нравственного «поприща» писателя, красоты и веры в «Выбранных местах...» получила наиболее яркое воплощение в письме «Исторический живописец Иванов». Поводом для его написания послужила труднейшая судьба русского художника А. А. Иванова и его картина «Явление Христа народу».

Известно, что знакомство Гоголя с художником произошло в 1839 году в Риме и тянулось многие годы. Письмо о живописце, созданное в 1846 году и включенное им в «Выбранные места...», без сомнения, продиктовано искренним желанием помочь А. А. Иванову, привлечь внимание к его картине, добиться назначения художнику денежного содержания, чтобы тот «не умер над ней с голоду» [22, т. 6, с. 281]. Думаем, что именно духовными устремлениями писателя можно объяснить и «личный» вклад Гоголя в создание произведения художника: писатель помогал А. А. Иванову разрабатывать композицию картины, о чем свидетельствуют его малоизвестные рисунки к ней. Письмо адресовано графу М. Ю. Вельгорскому, человеку влиятельному в свете. Однако для Гоголя важна не только собственно практическая сторона дела. Он хочет, чтобы русское общество, власти и сами художники осознали суть феномена, который можно назвать «уроком Иванова» — уроком самоотверженной и безраздельной преданности искусству, подвижнического, доходящего до самоотречения, до аскетизма служения ему.

Думаем, Гоголь, как никто, понимал А. А. Иванова, так как, подобно художнику, он сам «испробовал почти то же состояние, испробовал его на собственном теле» [22, т. 6, с. 288]. Ему ведомы и добровольная каторга творчества, и «недуги нервные», и горечь одиночества. Его, как и А. А. Иванова, удостоил Бог познать «сладость» нищенства и понять, что «кто уже возлюбил истинно свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира» [22, т. 6, с. 290].

Для Гоголя наивысшая ценность работы А. А. Иванова заключается в оплодотворении художественного начала религиозным: «Нет, пока в самом художнике не произошло истинное обращение ко Христу, не изобразить ему того на полотне» [22, т. 6, с. 284]. «Душевное дело художника» как дар божий, предназначенье свыше. Поэтому живописец может изобразить только то, что он почувствовал и о чем в голове его составила уже полная идея. С этих позиций картина А. А. Иванова — «колоссальное дело», так как ему предстоит решить труднейшую задачу: «...изобразить то, чему еще не нашел художник образца» [22, т. 6, с. 284]. Поэтому правомерно звучит совет писателя: «...Отдались своему делу, как монахи монастырю» [22, т. 6, с. 289].

В своей книге Гоголь говорит и об «обратной связи» — о воздействии искусства, эстетических впечатлений на религиозное мироощущение.

В письме «О театре, об одностороннем взгляде на театр...» он называет театр «незримой ступенью к христианству». Этим писатель подчеркивает его соборность, способность заставить разнородную толпу «потрястись одним потрясеньем, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом» [22, т. 6, с. 223]. И все же это качество, в понимании писателя, лишь слагаемое главной задачи: театр — это высшее место, откуда «видней весь необъятный кругозор христианства» [22, т. 6, с. 224].

Среди писем на литературную тему обращает на себя внимание глава «Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ». Будучи органически включенной в общую ткань книги, она и по замыслу, и по содержанию выходит за пределы книги: глава существует и функционирует как бы одновременно на двух уровнях — на уровне «Выбранных мест...» и на уровне «Мертвых душ». В данной статье мы знакомимся с авторскими рассуждениями по поводу истории создания «Мертвых душ», а также о причинах сожжения книги. Мы приходим к выводу, что мысли Гоголя о косности бюрократической системы России, о губительной нашей привычке хвастаться не в меру «русскими доблестями», об осознании своего нравственного «назначенья», откровенная самокритика автора — все это связано с главными лейтмотивами «Выбранных мест...» — преобразование, переустройство России и «самостроение» человека.

Необходимо отметить, что гоголевские письма, излагающие его эстетические взгляды, не только знакомят читателя с современным состоянием литературы, но и предлагают чертеж ее будущего развития. Это и народные песни с их безграничным, «необъяснимым» разгулом; это и «многоочитые пословицы», это и «необыкновенный лиризм». Три источника — и три тайны, ибо, по мнению Гоголя, еще не пробился, а только в будущем должен пробиться из них «самородный ключ» нашей поэзии. Залогом этого, утверждает писатель, — «необыкновенный язык наш», «язык, который сам по себе уже поэт» [22, т. 6, с. 360].

«Поэтический язык наш», по определению Гоголя, — это и «металлический бронзовый стих Державина»; это и «густой, как смола или струя столетнего тока», стих Пушкина; это и «сияющий, праздничный стих Языкова, влегающий, как луч, в душу, весь сотканный из света»; это и «легкий воздушный стих Жуковского, порхающий, как неясный звук эоловой арфы» [22, т. 6, 358]. Именно такой язык, по мнению

Гоголя, «пройдет... насквозь всю душу и не упадет на бесплодную землю» [22, т. 6, 360]. В этом видит Гоголь основу успеха любого художника слова, для которого настоящее «поприще» — душа человеческая. Работая в этом направлении, он может, по мнению писателя, приблизить день Светлого Воскресенья — заповедную мечту его об истинно прекрасном обществе, гражданами которого будут не «мертвые», а «живые» души.

2.3.4 Душа и Вера

«Господи, благослови на сей грядущий год! Обрати его весь в плод и в труд многотворный и благотворный, весь на служенье Тебе, весь на спасенье душ. Буди милостив и разреши руки и разум, осенев его светом высшим Твоим и прозреньем пророческим великих чудес Твоих. Да Святы́й Дух снидет на меня и двинет устами моими и да освятит во мне все, испепелив и уничтожив греховность и нечистоту и гнусность мою и обратив меня в святы́й и чистый храм, достойный, Господи, Твоего пребывания. Боже! Боже! не отлучайся от меня! Боже! Боже! вспомни древнюю любовь. Боже! благослови и дай могущество возлюбить Тебя, воспеть и восхвалить тебя, и возвести всем к хвалению святого имени Твоего» [23, с. 387] — этот текст собственной молитвы Гоголя «На 1846 <год>», думаем, является лучшим доказательством искренности и глубины религиозной веры писателя. Интересным в этом отношении является и свидетельство о Гоголе Н. М. Языкова: «... С молитвой приступал к составлению своих произведений наш глубоко верующий писатель; молитвой поддерживал в себе дух писателя и молитвой благодарственной оканчивал свои писательские труды» [13, с. 383—384].

Однако и сегодня вопрос о глубине гоголевской веры остается сложным, так как в современном литературоведении практически нет пока работ, рассматривающих его всесторонне и полно, в контексте гоголевского наследия в целом. В этом отношении, на наш взгляд, особого внимания заслуживает книга А. Н. Лазаревой «Духовный опыт Гоголя». Выделяя три основные ступени в развитии гоголевского художественного сознания (эстетическую, этическую, религиозную), исследователь устанавливает логическую связь между ними. «В детстве Гоголь воспринял от набожной матери веру в Бога,

сотворившего мир и управляющего им, — рассуждает А. Н. Лазарева.— В молодости во всех своих действиях, неудачах, болезнях и т. д. он видел проявление воли Божьей. И все же в 30-е годы писатель был традиционно верующим человеком, религиозность которого не играла определенной роли в его мироотношении» [35, с. 100]. Лишь только в первой половине 40-х годов, считает автор, можно говорить о религиозном, в тесном смысле слова, периоде жизни Гоголя. Мы считаем, что с данным мнением можно согласиться. Именно глубокая вера в Бога, предопределенная семейным воспитанием Гоголя и закрепленная в Нежинской гимназии (христианское учение лежало в основе обучения лицеистов), стала той основой, которая постоянно питала его художественное творчество и способствовала формированию его как духовного писателя. По мнению Ю. Я. Барабаша, свидетельством этого может быть и «наивная мифология и демонология «Вечеров», и окрашенная в отчетливо религиозные тона героика «Тараса Бульбы», и «трансцендентальная» скука унылого миргородского быта, и «мистические» мотивы «Старосветских помещиков», и «вселенская» горечь «Ревизора». Однако ярче всего религиозные взгляды писателя отразились в его «Переписке». Подтверждение высказанной мысли находим у Д. С. Мережковского: «В «Переписке» он шел тем же путем, которым шел всегда. Мысль религиозная, главная, можно сказать, единственная мысль всей жизни его выразилась здесь яснее, чем в других произведениях» [40, с. 266].

Однако было бы неправильным утверждать, что свои религиозные взгляды писатель излагает в определенных письмах «Переписки» как стройную систему, хотя, судя по названиям, такие статьи можно было бы выделить, а именно: «Несколько слов о нашей церкви и духовенстве», «Христианин идет вперед», «Светлое воскресенье». Не трудно заметить, что религиозные взгляды Гоголя предстают в книге не в оголенном виде, они «вплетены» в художественно-публицистическую ткань произведения, составляя основу, сердцевину его веры в Бога. Она словно бы «растворена» в тексте «Переписки» в зарисовках провинциальной жизни («Что такое губернаторша»), в деталях повседневного быта и деятельности священнослужителя («О том же»), помещика («Русской помещик»), крестьянина («Просвещение»), женщин из различных слоев общества («Женщина в свете»), в социально-психологических характеристиках общественных типов («Занимающему важное место»), в раскрытии механизма бюрократической власти,

в авторских суждениях о коренных вопросах развития России, ее исторического прошлого и несовершенного настоящего, о монархическом правлении и революционных «страхах» и «ужасах». И в этом особенность писателя, которую подчеркивал Д. С. Мережковский: «Он первый заговорил о Боге не отвлеченно, не созерцательно, не догматически, а жизненно, действенно — так, как еще никто, никогда не говорил в русском светском обществе» [40, с. 268]. Это означает, что высшие христианские начала Гоголь находит не столь далеко стоящими от земных: «Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть церковь наша и нами же должны возвестить ее правду» [22, т. 6, с. 201]. А. Н. Лазарева считает, что здесь у Гоголя звучат протестантские настроения, так как именно в протестантизме писателя привлекало стремление претворять высшие религиозные и нравственные начала в земной жизни.

Религиозные взгляды писателя — автора «Выбранных мест...» — проявились, таким образом, прежде всего в определении роли церкви как общественного института: она «примиритель всего внутри самой земли нашей»; «всему настрой, всему направленье, всему законная и верная дорога»; в ней «кормило и руль наступающему новому порядку вещей» [22, т. 6, с. 238—239]. Исходя из данных позиций, Гоголь поднимает и пытается решить в своей «Переписке» вопросы политической, социальной, нравственной жизни России. Последнее обстоятельство дало возможность Ю. Я. Барабашу увидеть в «Выбранных местах...» книгу, предметом которой есть «жизнь, увиденная и понятая через религиозно-нравственную призму» [5, с. 201].

Тема церкви в гоголевской книге логически продолжает и развивает тему духовенства и дополняет наше представление о религиозных взглядах писателя. Из разбросанных по разным главам штрихов вырисовывается собирательный образ русского священника, который, в понимании Гоголя, является посредником между Богом и человеком. «Нужно, чтобы ... они носили себе вечное напоминание о том, чей образ они должны представлять нам» [22, т. 6, с. 203], — пишет Гоголь в статье «О том же». Миссия священника есть, по Гоголю, миссия духовная: это Миротворец, которому у нас «поприще повсюду»; проповедник и обличитель, чье слово может потрясти «заскорюзлую грешную душу»; смиренный служитель Бога.

Не однажды в гоголеведении звучала мысль о том, что сильнейшее воздействие на Гоголя в плане его религиозного верования

оказывал отец Матвей, ржевский протоиерей, с которым писатель познакомился в доме графа А. П. Толстого. Можно предположить, что собирательный образ русского священника, который встает со страниц «Выбранных мест...», воплотил в себе черты личности отца Матвея, так как, по мнению Гоголя, это «умнейший человек» из всех, каких он встречал когда-либо. А в письме, написанном за две недели до смерти, Гоголь подписался: «Обязанный вам вечно благодарностью и здесь и за гробом ваш весь Николай» [38, с. 29].

Необходимо отметить, что религиозность Гоголя была второй важнейшей причиной (после вопроса об отношении писателя к самодержавно-крепостнической России, ее государственному строю), по которой В. Г. Белинский не принял гоголевской «Переписки». Книга писателя была расценена критиком как льстивый панегирик русской церкви, русскому духовенству. В связи с этим, на наш взгляд, немного странно, но в то же время и убедительно звучат гоголевские строки, где русский священник предстает на страницах книги не в самом выгодном свете. Так, например, в статье «Что такое губернаторша», наставляя адресата в отношениях с городскими священниками, Гоголь советует: «Не пренебрегайте никем из них, несмотря на простоту и невежество многих» [22, т. 6, с. 270]. А причину зла, творимого в государстве, писатель усматривает и в том, «что священники стали нерадиво исполнять свои должности» [22, т. 6, с. 271]. Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что даже в самом сокровенном Гоголь оставался самим собой: ничего не пропускал мимо себя, обо всем проявлял истинно христианскую заботу. На это обстоятельство обратили внимание и современники Гоголя. В «Авторской исповеди», подводя своеобразный итог спорам вокруг «Выбранных мест...», писатель называет «три разных мнения» русской публики о книге, среди которых мы находим следующее: «...Книга есть произведение христианина» [22, т. 6, с. 406].

Следует подчеркнуть, что религиозный взгляд Гоголя устремлен к миру, а мирской — к религии. На этом основании Гоголя считают автором идеи оцерковления жизни, которую он излагает в своей «Переписке» и которая является свидетельством глубокой религиозной веры писателя. В письмах, посвященных, казалось бы, узкоцерковным проблемам, Гоголь говорит не столько о делах церковных, сколько о взаимоотношениях церкви с обществом и человеком. И

там, где на страницах произведения вроде бы просто комментируются канонические религиозные тексты, на самом деле возникает тема смысла человеческой жизни, его высокой нравственности. Так, например, евангельская притча о том, что некто дал трем рабам разное количество серебряных талантов и как по-разному распорядился каждый своим богатством (письмо «Чей удел на земле выше»), рождает мысли о тщете земной суеты, жажде известности, что далеко выходит за рамки евангельского текста и в то же время помогает определить «степень стояния» Гоголя перед Богом. Там, в загробном мире, он согласен занять любую обитель отца своего, «но лишь бы она была в доме твоём!» [22, т. 6, с. 319]. «Кажется, ничего бы не желалось больше, — продолжает Гоголь, — как только служить тем избранным, которые уже удостоились созерцать во всем величии его славу. Лежать бы только у ног их и целовать святые их ноги!» [22, т. 6, с. 319].

Однако нельзя представить гоголевскую идею христианизации жизни как желание писателя уместить всю церковную жизнь в светской или светскую жизнь загнать в церковь. Здесь надо, по мнению Гоголя, соблюдать «меру». «Духовенству нашему, — отмечает писатель, — указаны законные и точные границы в его соприкосновениях со светом и людьми» [22, т. 6, с. 202]. По этой же причине православному человеку нет надобности искать истинной жизни непременно в монастыре. Братство в его наиболее духовной форме, считает Гоголь, должно осуществиться сначала в церкви и через церковь — в миру. Следовательно, пафос гоголевской веры состоит в любви к Богу, без которой «никому не спастись». «Один Христос принес и возвестил нам тайну, — читаем в письме «Нужно любить Россию», — что в любви к братьям получаем любовь к богу. Стоит только полюбить их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге любовь к богу самому. Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям» [22, т. 6, с. 253]. Гоголь убеждает нас, что настоящий путь к этому «есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь сам бог» [22, т. 6, с. 254]. Следовательно, любовь к России, любовь к братьям, любовь к Богу — равноценные, взаимодополняющие понятия, вытекающие друг из друга и воплощающие в себе путь спасения души для каждого. «А не полюбивши России, не полюбите вы своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам

любовью к богу, а не возгоревшись любовью к богу, не спастись вам» [22, т. 6, с. 254, 255], — предупреждает писатель своих соотечественников.

Это предупреждение звучит искренним убеждением Гоголя в последнем письме книги — «Светлое воскресенье». Суть великого праздника писатель видит в том, «чтобы в самом деле взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, — так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата... День этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него ни одного человека» [22, т. 6, с. 362]. Гоголя не пугает, что «непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста» [22, т. 6, с. 367]. Русский народ, в понимании писателя, «еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму» [22, т. 6, с. 368], и «есть уже начало братства Христова в самой нашей славянской природе» [22, т. 6, 368]. Вот почему, пишет Гоголь, «у нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднуется Светлое Воскресенье Христово!» [22, т. 6, 369]. И надежды свои он связывает с православной церковью не вообще, а грядущей, сверхисторической, так как, по мнению Д.С. Мережковского, настоящая церковь не ответила ему на главный вопрос: как сделать так, чтобы «жизнь была во Христе и Христос в жизни» [40, с. 311]. Но сегодня «времена и сроки» уже исполнились. Наша современная жизнь дает положительный ответ на гоголевский вопрос, так как сегодня, говоря словами писателя, и «камни готовы завопить о Боге» [5, с. 180].

Главной задачей современности, отмечал еще в начале XX века П. И. Новгородцев, является «восстановление святынь», которое означает не «воскрешение каких-либо внешних форм жизни или быта, а возрождение душ», «религиозно-нравственное возрождение» [45, с. 576]. Философ совершенно в духе Гоголя объясняет причину, побуждающую искать опоры в религиозно-нравственном просветлении духа. «Не мы одни, — пишет он, — весь мир переживает в наши дни величайший кризис правосознания. И самое важное и основное в этом кризисе есть то, что это — кризис неверия, кризис культуры, оторвавшейся от религии, кризис государства, отринувшего связь с церковью, кризис закона человеческого,

отказавшегося от родства с законом Божеским» [45, с. 577]. Об этом предупреждал нас Гоголь около двух столетий назад. Ядро его религиозной веры (и в то же время высшая христианская забота для истинно верующего) — спасение своей души, борьба за Живые Души своих соотечественников. Мир сегодня принял эту идею как абсолютную истину и гоголевскую правду одновременно.

Тема 2.4 **Н. В. Гоголь — духовный писатель.**

**Идея нравственного возрождения
через любовь к Богу —
основа единства его духовной прозы**

В 1902 году во время чествования памяти Гоголя в Киевской 3-й гимназии законоучитель — священник К. М. Агеев — в своей речи отмечал: «Теперь никто, хотя поверхностно ознакомившийся с произведениями Гоголя в связи с его многочисленными письмами, не станет серьезно утверждать о душевном кризисе, разделившем жизнь его на два отличных периода. Теперь, наоборот, утверждают, что в развитии его мирозерцания и настроения видна строгая последовательность» [13, с. 347].

Немного странным кажется нам тот факт, что лишь к концу XX века это было услышано нашими современниками, и на страницах исследований, хотя и очень немногих, прозвучал глубокий вывод: Гоголь — «религиозный мыслитель, духовный писатель, продолживший святоотеческие традиции в русской литературе» [40, с. 76]. В таком облике он был не понят большинством своих соотечественников, хотя в трудах самых прозорливых из них (К. В. Мочульского, В. В. Зеньковского, А. М. Бухарева, Д. С. Мережковского, И. С. Аксакова) и был назван «монахом-художником», «христианином-сатириком», «писателем-христианином», «православным поэтом». Таким не знают Гоголя и современные читатели по той причине, что духовная проза писателя была издана только в канун нового тысячелетия. Все сбылось по Гоголю: «Много еще протечет времени, пока узнают меня совершенно» [22, т. 7, с. 213]. Эти слова писателя, сказанные им более полутора столетия назад, оказались пророческими и относятся прежде всего к последнему десятилетию его жизни и творчества. Мы

считаем, что религиозно-нравственные произведения Гоголя этого периода важны для понимания творческой эволюции писателя, обогащают наше представление о его художественном мире.

В. В. Зеньковский назвал Гоголя «пророком православной культуры» [29, с. 152], так как, по его мнению, писатель был одним из первых, кто «пошел в сторону нового соединения христианства, словесности и всей культуры» [9, с. 186]. Однако необходимо отметить, что поворот от «эстетики к религии» в творческой судьбе Гоголя совершился не просто и не сразу. В этом отношении можно говорить об эволюции мировоззрения и художественного метода писателя. Она была результатом духовной работы, происходившей в самом Гоголе, его веры в Бога. Об этом свидетельствуют и многие современники писателя. Так, по мнению С. Т. Аксакова, именно с 40-х годов XIX века «начинается постоянное стремление Гоголя к улучшению в себе духовного человека и преобладание религиозного направления» [18, с. 124] в его художественном творчестве. В правильности данного мнения убеждает нас сам Гоголь. В «Авторской исповеди», объясняя творческую историю создания и издания «Выбранных мест...» и таким образом прослеживая путь своего духовного становления, писатель отмечал: «С этих пор человек и душа человека сделались, больше чем когда-либо, предметом наблюдений... и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в нем ключ к душе человека» [22, т. 6, с. 416].

Событием, послужившим непосредственным толчком к «повороту» 1845 года, стал, по признанию Гоголя, род болезни, которую он пережил летом 1840 года и которая носила не телесный, а скорее душевный характер. Испытывая тяжелые приступы «нервического расстройства», «болезненной тоски» и не надеясь на выздоровление, Гоголь даже написал духовное завещание. С. Т. Аксаков вспоминал, что Гоголю были «видения», о которых писатель рассказывал ухаживавшему за ним в ту пору Н. П. Боткину. Затем следовало «воскресение», «чудное исцеленье», и Гоголь уверовал, что жизнь его «нужна и не будет бесполезной» [23, с. 5—6], так как, по словам самого писателя, «много чудного совершилось в... мыслях и жизни» его. Именно с этого времени и начинается серьезный путь обретения Гоголем Бога в самом себе и в художественном творчестве. Средства и пути «богообретения» писателя убеждают нас в том, насколько глубоки и искренни были его устремления.

Бесспорно, что всякой вере предшествуют глубокие знания. «Мысль об ученье» возникает и у Гоголя: писатель тщательно изучает богословские труды, святоотеческую литературу. Результатом этого явилось создание Гоголем целого ряда сборников религиозно-нравственного содержания, один из которых получил название «Выбранные места из творений святых отцов и учителей Церкви» (1843—1844 гг.). Название сборника нам кажется значительным, так как его материалы стали для Гоголя предметом художественного осмысления в «Переписке».

В это время у Гоголя появляется и потребность глубже войти в молитвенный опыт Церкви, следствием чего стало создание «Размышлений о Божественной Литургии». Книга посвящена главнейшему из христианских богослужений — литургии, связанной с таинством Евхаристии и установленной еще самим Иисусом на Тайной вечере. Гоголь, без сомнения, широко пользовался в работе над «Размышлениями...» трудами многих авторитетов в области литургики. Среди них можно назвать «Месяцеслов Православно-Кафолической Восточной Церкви» настоятеля русской посольской церкви отца Дмитрия Вершинского — один из первых научных трудов по литургики; «Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на Литургию...» Ивана Дмитриевского; сочинения святых патриархов Константинопольских Германа (645—740) и Иеремии (XVI век), блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского, святого Николая Кавасилы, митрополита Солунского (около 1320—1390), а также Старую и Новую Скрижаль. Известно также, что Гоголь принимается за изучение греческого языка, чтобы читать в подлиннике чинопоследования Литургии святого Василия Великого и Литургии святого Иоанна Златоуста. Гоголь не скрывает факта использования названных источников и в «Предисловии» «Размышлений...» прямо предупреждает: «Из множества объяснений, сделанных Отцами и Учителями, выбраны здесь только те, которые доступны всем своей простотой...» [5, с. 228]. Однако все названные выше сочинения по литургики служили Гоголю лишь в качестве пособий. «Размышления...» представляют собой совершенно оригинальное произведение, так как в нем богословская и художественная стороны органично сочетаются и взаимно уравновешивают друг друга. Главное в книге — писательские комментарии к канону, те его публицистические отступления религиозно-

философского характера, для которых литургическая тема служит исходным материалом.

Ощувив участие Божественного промысла в своей жизни, Гоголь делает молитву неотъемлемой частью всего своего существования, предваряя ею все дела и поступки, а также ежедневно посещает церковные службы, что создает в нем высокое духовное настроение. И все это естественно выливается для писателя в потребность создания собственных молитвенных произведений. Известны следующие молитвы и молитвенные воззвания Гоголя: «Влеку меня к себе, Боже мой...» (написана и послана Гоголем художнику А. А. Иванову в конце 1847 года); «Боже, благослови!..» (молитвенное воззвание создано в связи с написанием «Мертвых душ»); «Господи, дай мне помнить вечно... мое неведение...»; «Боже, содейлай безопасным путь его...» (написано по случаю паломничества в Иерусалим); «Господи! спаси и помилуй бедных людей...» (была создана под впечатлением прокатившейся по Европе волны революций в конце 1840 года); «Молось о друзьях моих...». Имея в своей основе различные мотивы создания, названные произведения преследовали собой цель исполнения писателем главного христианского закона: очисти свою душу от скверны и помоги другим сделаться лучше. Данные произведения Гоголя являются также веским доказательством того, что писатель искренне стремился к «улучшению в себе духовного человека».

Кульминацией душевного «кризиса» Гоголя в исследовательской литературе названа весна — начало лета 1845 года, когда писатель, находясь в тяжелом физическом состоянии, сжигает второй том «Мертвых душ», пишет «Завещание» и делает попытку оставить литературное «поприще» и уйти в монастырь. Об этом факте из жизни Гоголя свидетельствует дочь веймарского православного священника М. С. Сабинаина. Поводом для такого утверждения послужила гоголевская фраза — «Кажется, был когда-то Гоголем», написанная в альбоме ее матери под подаренной хромолитографией, а также личные впечатления от встречи с писателем. О серьезности намерений Гоголя уйти в монастырь говорит и письмо В. А. Жуковского к П. А. Плетневу, в котором монашество он называет настоящим призванием писателя. Именно в монастыре, считает В. А. Жуковский, «душа его дышала бы легко и свободно» [18, с. 123].

Попыткой приблизиться к монастырю можно расценивать и желание Гоголя поселиться на Афонской горе, а также несколько его поездок

в Оптину Пустынь. Объехав полмира, именно здесь, под тихим старинным Козельском, Гоголь находил особое душевное успокоение, смог приблизиться к своему жизненному идеалу — жить на земле с небесной правдой, быть истинным христианином.

В. А. Воропаев, назвав Гоголя «одной из самых аскетических фигур нашей литературы» [18, с. 124], утверждает, что последнее десятилетие жизни писателя «проходит под знаком все усиливающейся тяги к земному претворению христианского идеала. Не давая важнейших обетов монашества — целомудрия и нестяжания, он воплощал их в своем образе жизни» [18, с. 124]. Думаем, не случайно П. Гиляров-Платонов в письме к протоиерею А. В. Горскому называет Гоголя «оптинским христианином», поясняя, что «это люди, глубоко уважающие духовную жизнь, желающие видеть в духовенстве руководителей к духовной высоте жизни» [18, с. 128]. Духовный отец писателя Матвей определил судьбу Гоголя как типичную для нашей русской жизни, причислив писателя к «сильным натурам», которые, «наскучивши суетой мирской, или находят себя неспособными к прежней широкой деятельности, покидали все и уходили в монастырь искать внутреннего умиротворенья» [18, с. 133]. Однако необходимо отметить, что данную мечту свою Гоголь не смог осуществить. И, скорее всего, по той причине, что истинным «монастырем» ему была Россия, которой он искренне и горячо служил своей духовной прозой, всем художественным творчеством.

Став на путь духовного писателя, Гоголь определяет новую задачу для своего творчества — служить «незримой ступенью к христианству» [22, т. 6, с. 224]. Все его произведения (особенно последнего десятилетия жизни) носят глубокий нравоучительный характер. Ю. Я. Барабаш, сопоставляя гоголевские произведения начального периода творчества и последнего десятилетия жизни, отмечал, что нравоучительная сторона раннего творчества Гоголя имела одну характерную черту — намерение вести людей к Богу путем исправления их недостатков, то есть «путем внешним». Вторая половина жизни и творчества Гоголя, по мнению исследователя, ознаменована направленностью к искоренению недостатков в самом себе, т. е. «путем внутренним». В то же время эти периоды объединяет главная особенность всей духовной прозы Гоголя: человек в ней является не столько объектом изображения, сколько объектом нравственного воздействия. Об этом свидетельствует заглавие одного из поздних

произведений Гоголя — «Правило жития в мире». Сочинение написано специально для семьи Вьельгорских и содержит ряд духовно-нравственных наставлений, или «правил», которыми они должны были руководствоваться в повседневной жизни. Гоголь требует исполнения этих правил, объясняя это тем, что «они все истекли из душевного опыта, подтверждены святыми примерами» [23, с. 397]. В этом произведении нашло отражение и стремление Гоголя выработать в себе христианское чувство смирения, понимание которого он почерпнул из писаний святых отцов. «От споров, как от огня, должно остерегаться, — советует он своим друзьям, — как бы ни сильно нам противуречили, какое бы неправое мнение нам ни излагали, не следует никак раздражаться или доказывать напротив, но лучше, удаляясь к себе наперед, взвесить все сказанное, обсудить хладнокровно... Истина, сказанная в гневе, раздражает, а не преклоняет» [24, с. 19].

Результатом попытки употребить дарованный талант по-новому — открыто поставить его на служение Богу и спасение людей — явились и заметки, наброски Гоголя духовно-нравственного содержания, сделанные его рукой на отдельных листах, а также составившие ряд записных книжек: «Богатые, прежде всего помните...», «Всегда почти выходит, что тот совет или упрек...» (записная книга 1841—1846 годов); «Искусство упало» (записная книга 1842—1850 годов); «Характер», «Не эгоист в душе... а на деле выходит так» (записная книга 1845—1846 годов); «Зачем я оказался учителем?», «Из настольной книги», «А вы думаете, легко воров выгнать?», «Запасаться нужно в хорошее время...», «А чем же, скажи, хороша религия?», «Рассмотрение хода просвещения России» (записная книга 1846—1851 годов); «У исповеди собрать все сословия...», «Нет, власть, действуй прямо», «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии», «Когда бы нас кто-нибудь назвал лицемером...», «Хуже всего то, что будешь судить самого себя...», «Почему нужно хозяйство?», «Труд» и др.

Данные заметки, предшествовавшие созданию «Выбранных мест...» или написанные одновременно с ними, вошли в книгу, на что указывает переключка их названий с названиями писем-статей. Однако можно говорить и о родстве их содержания. Так, например, в заметке «Почему нужно хозяйство?» Гоголь представляет целый ряд практических рекомендаций для успешного землепользования, основанных на многовековом народном опыте, — приметах, поверьях и обычаях жителей различных областей России. В заметке «Труд» писатель

излагает христианский взгляд на труд, который сам по себе не составляет цели и назначения жизни человека, но является установлением Божественным. Можно предположить, что указанные заметки легли в основу создания письма-статьи «Русской помещик», а также нашли отражение в идее «праведного хозяйствования», изложенной писателем во втором томе «Мертвых душ».

Учительский тон, мессианские ноты появляются и в частных письмах Гоголя. Показательно в этом отношении письмо к школьному товарищу А.С. Данилевскому, где Гоголь поучает: «... Теперь ты должен слушать моего слова, ибо вдвойне властно над тобою мое слово, и горе кому бы то ни было, не слушающего моего слова» [23, с. 5—6]. Данные строки, взятые вне контекста духовной жизни писателя, можно расценить как гордость, заносчивость, что и сделали многие его современники. Однако это обвинение снимается с него, если учесть, что вера Гоголя в «высшую власть» своего слова основывается на том, что небесные силы помогают ему на его «поприще».

«Монашеский идеал» Гоголя, по мнению И. А. Виноградова, «имел особенный вид. Речь шла об очищении не только души, но вместе с нею и художественного таланта» [23, с. 400]. Подтверждением сказанного могут служить многочисленные указания автора и его современников на то, как тщательно переделывал, «чистил» Гоголь свои произведения, придавая им должный вид. На наш взгляд, эту сторону творчества писателя можно объяснить стремлением Гоголя освободить свои произведения «от наросшей на них корысти произвольных «идейных» интерпретаций» [23, с. 408] и проявить свое истинное лицо духовного писателя. Этот факт наглядно подтверждает, что «перелом, пережитый Гоголем, действительно касался в нем самом прежде всего духовных глубин, духовной сферы» [29, с. 214]. В связи с этим, на наш взгляд, полнейшего доверия заслуживают неоднократные уверения Гоголя о неизменности «главных положений» его мирозерцания на протяжении всего творческого пути. Лучшим подтверждением этого служит идея нравственного возрождения через любовь к Богу, являющаяся основой единства духовной прозы писателя.

Как уже подчеркивалось, эта идея является главной не только в собственно нравственных воззрениях Гоголя, но пронизывает и его размышления об истории, сквозит в его эстетических и политических взглядах. Она придает целостность и глубину осмыслению Гоголем

многообразных проблем изображаемой им действительности, определяет «весь духовный строй... гоголевской мысли», становится «центральным звеном, объединяющим его раннее и позднее творчество» [13, с. 384]. Об этом еще при жизни Гоголя писал архимандрит Бухарев: «Итак, вот пункт, с которого вы смотрите на все: это Воскресение нашего Спасителя или любовь Бога, обнимающая в Воскресшем Спасителе всех...» [10, с. 15].

Как известно, символом духовного возрождения в христианстве является образ лестницы. Этот образ — один из наиболее встречающихся и у Гоголя. Здесь, несомненно, чувствуется влияние произведения «Лестница» святого Иоанна Синайского — любимой книги Гоголя с юности. Образ лестницы стал воплощением смысла всей жизни писателя. «...Живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях» [22, т. 7, с. 207], — писал Гоголь В. А. Жуковскому в июне 1842 года. В этом свете вся жизнь Гоголя, сопоставимая с монашеским подвигом, предстает как образ духовной лестницы, постоянного восхождения к новым нравственным высотам, а произведения его являются некими ступенями на этом нелегком пути. Вершиной этой лестницы можно с полным правом считать второй том «Мертвых душ», «Выбранные места...», «Размышления о Божественной Литургии», которым писатель придавал значение своего духовного завещания русскому народу. Названные произведения составляют ядро духовной прозы писателя. Идея нравственного возрождения через любовь к Богу определяет их художественный замысел и структуру. Это наглядно можно проследить на примере «Выбранных мест...» и «Размышлений о Божественной Литургии».

Для Гоголя Христос — Учитель и Спаситель, вершина Христовой мудрости — закон, провозглашенный в Нагорной проповеди, а высший пример — его страдания и гибель на кресте за грехи людей ради их спасения. Данное рассуждение определяет композицию «Выбранных мест...». Следуя схеме Великого Поста, Гоголь в «Предисловии» объявляет о своем намерении отправиться Великим Постом во Святую Землю и спрашивает у всех прощения, подобно тому как в преддверии Поста, в Прощеное воскресенье, все христиане просят прощения друг у друга. Открывается книга «Завещанием», чтобы напомнить каждому о важнейшей христианской добродетели —

памяти смертной. Главное место в ней занимает семнадцатая глава «Просвещение», в которой Гоголь говорит о духовном просвещении, без которого не может быть никакого света. Венцом книги является статья «Светлое воскресенье», напоминающая каждому о вечной жизни. Таким образом, в «Выбранных местах...» читатель проходит путь христианской души во время Великого Поста (традиционно отождествляемого со странствием) — от смерти к Воскресению, через скорби — к радости.

«Светлое воскресенье» Гоголя, которым заканчивается его книга, несет человечеству благою весть не о продлении до бесконечности земного существования, а о спасительном возрождении души. Такое возрождение немислимо без Христа, помимо Христа. Сам Гоголь писал об этом С. Т. Аксакову в августе 1842 года: «Но любовь душ — это вечная любовь. Тут нет утраты, нет разлуки, нет несчастий, нет смерти» [22, т. 7, с. 216]. О вере Гоголя в то, что «жизнь будет во Христе и Христос в жизни» [40, с. 311], писал и Д. С. Мережковский. По мнению автора, именно к этому он и звал Россию». Но впервые этот зов прозвучал громко и уверенно именно в «Переписке», которую И. А. Виноградов расценил как «книгу с призывом к чистой христианской жизни, к покаянию и терпению, к подвигу самоотречения, духовного обновления и радостному служению родине» [13, с. 387]. Не случайно П. В. Вяземский уподоблял ее «чистой светлой храмине», из которой «выходишь с духом умилненным, с сознательностью и чувством любви и благодарности к ее строителю и хозяину» [20, с. 16].

Выражению идеи нравственного возрождения через любовь к Богу подчинена и структура «Размышлений о Божественной Литургии». В этой книге, считает И. А. Виноградов, писатель впервые выступает в жанре «собственно духовной прозы». Подобно «Выбранным местам...», она начинается «Предисловием» (где говорится о главном «намеренье издающего эту книгу» — утвердить «в голове читателя порядок всего»), включает «Вступление» (где утверждается, что «Божественная Литургия есть вечное повторение великого подвига любви, для нас совершившегося» [23, с. 329]) и завершается «Заключением» (здесь делается вывод о действии Божественной Литургии над душою человека). Последняя часть имеет особую значимость, так как в ней выражена основная мысль всего произведения: в результате Божественной Литургии душа человека «приобретает высокое настроение, заповеди Христовы становятся для него исполнимы».

По мнению Гоголя, «Божественная Трапеза Любви» помогает молящемуся посмотреть «на всех, как на братьев» [23, с. 371], поступать «кротче, милее в обхожденьи с людьми, дружелюбнее», быть «тише во всех поступках». Вот почему для всякого, «кто только хочет идти вперед и становиться лучше», необходимо как можно чаще посещать Божественную Литургию, ибо «она нечувствительно строит и создает человека» [23, с. 372].

Художественная структура произведения определяет его основной текстовый корпус. Он состоит из трех разделов, соответствующих трем частям литургического канона, и метафорически повторяет историю жизни, смерти и воскресения Христа. Первый раздел — «Проскомидия» — связан с рождением и начальным периодом земной жизни Иисуса Христа. Второй раздел — «Литургия оглашенных» — «соответствует Его жизни в мире посреди людей» [23, с. 338]. Раздел третий — «Литургия верных» — повествование о «великой минуте», «страшной минуте», когда человек приобщается к божественному смыслу великого жертвоприношения, деяний и страданий Христа.

Тема душевного богатства и нравственной чистоты человека, истинности его веры в Бога, способности подтвердить эту веру делами, внести заповеди Христа в «самую жизнь» естественно вытекает в «Размышлениях...» также из авторского комментария к «блаженствам» («блаженны нищие духом», «плачущие», «кроткие», «алчущие и жаждущие правды», «милостивые», «чистые сердцем»...), к моральным максимам Христовой Нагорной проповеди, а также из подробного толкования молитвы «Отче наш». Гоголь уверен, что верующие («верные») должны произносить эту молитву «как дети, как чистые младенцы, доведенные самими моленьями и всюю службою... до того небесно-умилненного, ангельского состоянья души, в котором может прямо говорить человек с Богом» [23, с. 361—362]. По мнению писателя, «все обняла собою сия молитва: ...Прошеньем: да святится имя Твое, просится первое, о чем прежде всего мы должны просить: где святится Божье имя, там всем хорошо, там, значит, все в любви живут, ибо любовью только святится имя Божие» [23, с. 362].

Таким образом, сопоставление структуры «Выбранных мест...» и «Размышлений о Божественной Литургии» позволяет сделать вывод о внутреннем единстве двух произведений Гоголя, лейтмотив которых — непреходящая мудрость провозглашенной Христом и утверждаемой Литургией идеи любви к ближнему, ее спасительный миротвор-

ческий смысл. «И если общество еще не совершенно распалось, — утверждал Гоголь, — если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной любви к брату» [23, с. 372]. Здесь ключ к пониманию замысла «Размышлений о Божественной Литургии»: они написаны не ради того, чтобы дать еще одно «изъяснение» этого богослужения (их было достаточно и до Гоголя), а прежде всего из неудержимой внутренней потребности высказаться о сегодняшнем, наболевшем, терзающем ум и душу, найти и, если получится, указать людям единственно надежную нравственную опору в этом «распадающемся», обезумевшем, насыщенном взаимным непониманием и ненавистью мире.

Следовательно, «Размышления о Божественной Литургии» — не столько богословский трактат, сколько песнь песней Живой Души автора, страждущей от несовершенств мира и желающей достичь «благоухания духовного», что означает, по Гоголю, высшее состояние человека, высшую степень его приближения к Богу. На наш взгляд, достижению этой цели была посвящена вся духовная проза Гоголя.

С. П. Шевырев, один из первых ценителей «Рассуждений о Божественной Литургии», в феврале 1854 года писал сестре автора, А. В. Гоголь: «Когда я в первый раз читал его Размышления о Литургии, мне казалось, душа его носилась около меня, светлая, небесная, та, которая на земле много страдала, любила глубоко, хотя и не высказывала этой любви, молилась пламенно и в пламени самой чистой молитвы покинула брнное, изнемогшее тело» [64, с. 529]. Такое чувство не покидает и современного читателя, убеждает в правде Гоголя: любовь «есть связь общества, сокровенная пружина всего стройно движущегося, пища, жизнь всего» [23, с. 372]. Ибо сам Спаситель пришел в мир «не как каратель преступлений, не как судья, приходящий истребить одних и наградить других. Нет! Послышалось кроткое лобзание брата» [23, с. 330].

Лишь тогда, когда и судья и преступник увидят друг в друге брата, исчезнут, считает Гоголь, сами преступления, исчезнут причины их: гордыня, зависть, сребролюбие, — и откроется каждому собственная «глубина сердечная», и сумеют люди «обратить свои сердца в согласно настроенные струны органа» [23, с. 339]. Эти строки из «Размышлений о Божественной Литургии» заставляют вспомнить финал повести «Записки сумасшедшего», где несчастный

Поприщин, возвращающийся в своем бреду из Испании в Россию, слышит, как «струна звенит в тумане» [22, т. 3, с. 172]. Это не что иное, как звук любви, звук сочувствия, по которому так исстрадалась его душа. Они нам напоминают о «звуке изумления», которым было воспринято героями «Ревизора» известие о приезде настоящего ревизора. Это звук-призыв к любви христианской, которая поможет этим людям избавиться от своих «мерзостей», «черноты душевной» и на основе любви и веры построить общество, достойное звания человека. «Звонят» и «Выбранные места...» всеми струнами Живой Души гоголевской, приуготовляя «Светлое воскресенье» — «святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество» [22, т. 6, с. 362], в который «нет ни подлых, ни презренных людей, но все люди — братья той же семьи, и всякому человеку имя брат» [22, т. 6, с. 364].

В восточном христианстве Пасха — это самый главный и самый любимый Гоголем праздник, несущий в себе пафос обновления. Что-то символическое и в то же время пророческое видится нам в том, что сороковой день по кончине Гоголя припал именно на этот замечательный день. «Утешеньем было в нашем горе, — вспоминал С. П. Шевырев, — слышать воскресный колокол вместе с заубойным пением. На могиле его, убранный зеленью и цветами среди снега, мы слышали: «Христос Воскресе!» [17, с. 143]. Этот пасхальный колокол вещал и о будущем воскресении Гоголя в своем новом, истинном облике — духовного писателя, несущего в мир искреннее слово братской любви. На поминальном обеде друзья Гоголя читали его «Светлое воскресенье», прозвучавшее «впервые столь светло и победно», впервые воспринятое ими «единодушно и сердечно» [17, с. 143]. Это было свидетельством того, что «светлая, небесная» Живая Душа Гоголя, нашедшая успокоение в доме Божьем, сумела до конца исполнить свой христианский долг.

В августе 1842 года Гоголь писал С. Т. Аксакову: «Есть души, что самоцветные камни: они не покрыты корой и, кажется, как будто и родились уже готовыми и обделанными. Их видит издали зоркий глаз ювелира, только замечает их место, сказавши: слава богу! и спешит к тем, где нужно много работы, чтобы отколоть грубую кору и сколько-нибудь огранить, дабы видел всякий, что это была не простая земля, но дорогой камень, закрытый вековыми накопленьями всего» [22, т. 7, с. 215]. В данном рассуждении, как

в зеркале, отразился весь духовный путь Гоголя, человека и писателя. Мы с полным правом можем утверждать: Живая Душа автора — «самоцветный камень», результат подвижнической, самоотверженной ювелирной работы Гоголя, которой он посвятил всю свою сознательную жизнь. Главное доказательство этого утверждения — духовная проза писателя.

«Можно отвергать идеи Гоголя, — писал В. В. Зеньковский, — ...можно не разделять его сурового осуждения всякой пошлости, но нельзя не преклониться перед глубиной его стояния перед Богом, его жаждой стать лучше, вместить ту правду, которая открывалась ему в сердце» [29, с. 264]. К этому сходятся все вопросы и «загадки», связанные с жизнью и художественным творчеством писателя. «Глубина его стояния перед Богом», искреннее желание измениться и изменить мир к лучшему через любовь к Богу составляют главную особенность Гоголя — духовного писателя.

Гоголевская «правда» звучит сегодня более чем убедительно. О ней говорил своим студентам наш современник, профессор политэкономии С. Н. Булгаков: «Мы опытно познали, что нельзя безнаказанно нарушать заповеди: «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, и вся прочая приложится вам». Мы заботимся исключительно об этом прочем, оставляя в небрежении духовный мир человека, эту подлинную творческую силу истории... Только обновленному человеку посильна задача устройства расстроившейся жизни, но обновление это создается не пересмотром программ или тактики... Рождение нового человека... может произойти только в недрах человеческой души, в тайниках самоопределяющейся личности» [9, с. 201]. Автор данного рассуждения утверждает далее, что «все православные русские люди, которые призывали держаться евангельской правды в устройстве жизни, были правы», ибо, «приобретя весь мир и потеряв душу, человек останется нищим» [9, с. 201]. Человечество не однажды имело возможность убедиться и в том, что нет ничего страшнее бездушного человека, желающего владеть всем миром. По мнению С. Н. Булгакова, сытая жизнь без Бога или с Богом лишь на словах означает гибель души человека. В свете этой «правды» огромным видится значение того, что было сделано Гоголем.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

Программные

1. Какое место в современном гоголеведении занимает вопрос о роли «Выбранных мест из переписки с друзьями» в творчестве писателя?

2. В чем суть проблемы «двух Гоголей»?

3. Сформулируйте свое понимание проблемы «двух Гоголей», отталкиваясь от заверения писателя: «В этой книге все было мною рассчитано и письма размещены в строгой последовательности...» [28, с. 79].

4. Определите идейное содержание гоголевской «Переписки». Как оно соотносится с идейно-художественными исканиями эпохи?

5. Что составляет рамку (мотивы, идеи) гоголевской «Переписки»?

6. Какую художественную задачу пытался решить Н. В. Гоголь в своей «Переписке»?

7. Раскройте суть программы «самостроения» Н. В. Гоголя, данной на страницах «Выбранных мест...». С чем можно согласиться, поспорить?

8. Какими путями шел Н. В. Гоголь, пытаясь реализовать свою программу «самостроения»? Какой вывод они позволяют сделать?

9. На чем основывается суждение современных исследователей о том, что «Выбранные места...» являются «социально-нравственной утопией»?

10. Назовите основные компоненты гоголевской программы государственного переустройства России.

11. В чем, на ваш взгляд, уязвимость гоголевской программы государственного переустройства России? Почему она не была понята многими его современниками?

12. Изложите суть разногласий Н. В. Гоголя и В. Г. Белинского по вопросу государственного переустройства России.

13. Какие корни имеют гоголевские идеи в мировой истории и литературе? Порассуждайте.

14. В каких письмах «Переписки» Н. В. Гоголь излагает свою систему религиозных взглядов? В чем ее суть?

15. Какую роль отводит Н. В. Гоголь церкви как общественному институту?

16. Можно ли согласиться с мнением В. Г. Белинского, который увидел в «Выбранных местах...» льстивый панегирик русской церкви, духовенству? Ответ аргументируйте.

17. Чем объясняется современными гоголеведами поворот от «эстетики к религии» в творческой судьбе писателя?

18. Что означало для творчества Н. В. Гоголя 40-50-х годов XIX века служить «незримой ступенью к христианству»?

19. Какие факты из жизни и творчества писателя говорят о его желании «улучшить в себе духовного человека»?

20. Назовите главную особенность Н. В. Гоголя — духовного писателя? Что способствовало ее формированию?

Для работы с художественным текстом

1. Определите главную мысль гоголевского признания: «Я не совращался с своего пути. Я шел тою же дорогою» [22, т. 6, с. 418].

2. Найдите в «Выбранных местах...» «внутренние переключки» с другими произведениями Н. В. Гоголя. Сделайте вывод.

3. Что означает заверение Н. В. Гоголя: «Что ж делать, если душа стала предметом моего искусства, виноват ли я в этом? Что же делать, если заставлен я многими особыми событиями моей жизни взглянуть строже на искусство? Кто ж тут виноват?» [5, с. 185].

4. Опираясь на текст гоголевского произведения, прокомментируйте содержание высказывания А. М. Бухарева: «Отзывы ваши лично о себе объясняются из ваших мыслей об искусстве и поэзии, — а эти последние имеют основание свое в вашем взгляде вообще на бытие и жизнь» [10, с. 34].

5. Найдите в содержании книги ответ на вопрос: что, по мнению Н. В. Гоголя, является важнейшим условием гармонизации человеческих отношений?

6. Приведите из «Выбранных мест...» примеры рассуждений писателя о душе, нравственной чистоте человека. Какая роль им отведена в книге? Порассуждайте.

7. Какое место в нравственном сознании автора «Выбранных мест...» занимают категории Добра и Зла? Определите их содержание в тексте произведения.

8. О каких собственных душевных недугах, изъянах, пороках, присущих и времени, обществу в целом, рассуждает писатель на страницах своей «Переписки»? Приведите примеры.

9. Определите степень «душевного состояния» Н. В. Гоголя 40-50-х годов, используя цитату: «Книга моих писем выпущена в свет затем, чтобы... узнать, на какой степени душевного состояния стою теперь я сам, потому что себя трудно видеть» [12, с. 404].

10. Найдите в тексте «Переписки» гоголевские оценки современного состояния общества? Какой вывод они заставляют сделать?

11. О каких «исходах», «средствах», «путях» к светлому будущему рассуждал Н. В. Гоголь на страницах своей книги? Приведите примеры.

12. Определите главную мысль гоголевской идеи «поприща», опираясь на утверждение писателя: «Всяк должен служить богу на своем месте» [22, т. 6, с. 275].

13. В тексте «Переписки» найдите ответ на вопрос писателя: «Что такое монарх вообще?» Согласны ли вы с мнением автора?

14. Назовите «сквозные» эстетические проблемы, разрабатываемые Н. В. Гоголем в «Переписке». Прокомментируйте содержание одной из них.

15. Перечислите письма, в которых Н. В. Гоголь пытался их решить.

16. В тексте «Выбранных мест...» найдите ответ на вопрос писателя: «Что такое наша поэзия вообще?» Насколько современно гоголевское суждение?

17. Из текста «Переписки» выпишите гоголевские оценки творчества А. С. Пушкина, близкие вашему пониманию гения поэта.

18. Докажите цитатами из «Выбранных мест...», что Н. В. Гоголь использует категорию «душа» как понятие нравственное для определения писательского «поприща».

19. Как вы понимаете главную заповедь Н. В. Гоголя-поэта: «Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще» [22, т. 6, с. 186]. Порассуждайте.

20. Что говорит писатель на страницах «Переписки» о природе своего смеха? Приведите примеры его суждений.

21. Нарисуйте собирательный образ русского священника, данный Н. В. Гоголем в тексте «Переписки».

22. В чем, по мнению писателя, заключается великая «миссия» священнослужителя?

23. Определите место статьи «Светлое воскресенье» в художественной структуре книги. В чем видит писатель уникальность этого православного праздника?

24. Прокомментируйте слова Н. В. Гоголя: «С этих пор человек и душа человека сделались, больше чем когда-либо, предметом наблюдений... и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в нем ключ к душе человека» [22, т. 9, с. 416].

Для работы с исследовательской литературой

1. Как вы понимаете утверждения современных исследователей творчества Н. В. Гоголя о том, что «Выбранные места...» являются «эскизом» (А. А. Звозников), «предисловием», «предвестником», «прелюдией» (Ю. А. Барабаш), «пробным шаром» (С. А. Шульц), лирико-философским эквивалентом (В. А. Воропаев) ко второму тому «Мертвых душ»?

2. Прокомментируйте содержание вывода, сделанного издателем «Выбранных мест...» П. А. Плетневым: «Начнем-ка, помолясь Богу,... литературу новую, — живую, насыщенно-необходимую, истинную, по образу и подобию той, что я усматриваю в письмах Гоголя» [13, с. 380].

3. Кто из современников Н. В. Гоголя первым утвердил мысль о «Выбранных местах...» как о «целостной системе» — философской, этико-религиозной? Какие аргументы были использованы для подтверждения этой мысли?

4. Какое место в русской литературе 40-50-х годов XIX века занимала тема грехопадения и восстания человека через обращение к Богу? Кто является ее первооткрывателем? Почему?

5. Что объединяет Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского в понимании красоты женщины?

6. Что нового внес писатель в решение «женской темы»?

7. Почему вопрос о глубине гоголевской веры в Бога остается актуальным в современном гоголеведении?

8. Назовите исследователей в этой области. Какое место среди них занимает А. Н. Лазарева и ее книга «Духовный опыт Гоголя»?

9. На основании каких фактов автор указанной книги выделяет три основные ступени в развитии гоголевского художественного сознания?

10. Прокомментируйте содержание высказывания Д. С. Мережковского: «В “Переписке” он шел тем же путем, которым шел всегда. Мысль религиозная, главная, можно сказать, единственная мысль всей жизни его выразилась здесь яснее, чем в других произведениях».

11. Что означает мнение Ю. Барабаша о «Выбранных местах...» Н. В. Гоголя как о книге, предметом которой стала «жизнь, увиденная и понятая через религиозно-нравственную призму»? Порассуждайте.

12. Почему современники Н. В. Гоголя (В. В. Зеньковский, А. М. Бухарев, Д. С. Мережковский, И. С. Аксаков) назвали писателя «монахом-художником», «христианином-сатириком», «православным поэтом»?

13. Изложите суть «переворота», произошедшего в творчестве Н. В. Гоголя в 40-50-х годов XIX века. Определите его истоки, опираясь на жизненные факты.

14. Докажите правильность суждения исследователя И. А. Виноградова: духовная проза Гоголя является «центральной звеном, объединяющим его раннее и позднее творчество».

15. Почему П. В. Вяземский уподобил «Выбранные места...» Н. В. Гоголя «чистой светлой храмине»? Порассуждайте.

16. Прокомментируйте рассуждение современника Н. В. Гоголя — В. В. Зеньковского: «Можно отвергать идеи Гоголя, ...можно не разделять его сурового осуждения всякой пошлости, но нельзя не преклониться перед глубиной его стояния перед Богом, его жаждой стать лучше, вместить ту правду, которая открывалась ему в сердце».

Для индивидуальной работы студентов

1. Прав ли Н. В. Гоголь в своем утверждении: «пользу России» может принести лишь тот гражданин, который имеет «благодостроенную душу»?

2. На чем основывается мысль Н. В. Гоголя об особом предназначении женщины в деле нравственного совершенствования всех и каждого? Каковы ее жизненные корни?

3. Какую связь видел писатель между «темным и запутанным настоящим» и «светлым будущим»?

4. Можно ли согласиться с гоголевским триединством — «настоящее — реформы — будущее»? Порассуждайте, обратившись к общественной характеристике современной писателю эпохи.

5. Раскройте содержание суждения Н. В. Гоголя: «Простой обычай сильнее всякого письменного закона».

6. Согласны ли вы с убеждением Н. В. Гоголя: «Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера» [22, т. 6, с. 208].

7. Что, по мнению Н. В. Гоголя, составляет лучшие свойства русской поэзии?

8. В чем видит писатель задачи современной поэзии и русской литературы в целом?

9. Кого Н. В. Гоголь считает «отцами» русской поэзии? Почему? Порассуждайте.

10. Что нового внес Н. В. Гоголь в понимание таланта А. С. Пушкина и его роли в истории русской литературы?

11. Сформулируйте нравственный критерий Н. В. Гоголя для оценки творчества любого поэта.

12. В чем видит писатель назначение своей поэзии? Как объяснить тот факт, что Н. В. Гоголь отдал предпочтение «поэзии сатирической»?

13. Можно ли согласиться с гоголевским рассуждением о божественном происхождении слова? Порассуждайте.

14. Почему Гоголь назвал театр «незримой ступенью к христианству»? Какие его произведения могут служить подтверждением этого суждения?

15. Изложите суть гоголевского понимания будущего русской поэзии.

16. Назовите причины обращения Н. В. Гоголя к анализу европейской литературы.

17. Раскройте суть гоголевской идеи оцерковления жизни. Насколько она современна? Порассуждайте.

18. Ответил ли Н. В. Гоголь-писатель на один из главнейших вопросов своей жизни: как сделать так, чтобы «жизнь была во Христе и Христос в жизни»? Порассуждайте.

19. Подумайте, современно ли суждение Н. В. Гоголя: сегодня и «камни готовы завопить о Боге» [5, с. 180].

20. Как вы понимаете пророчество Н. В. Гоголя: «Много еще протечет времени, пока узнают меня совершенно» [22, т. 7, с. 213].

21. Перечислите собственно молитвенные произведения Н. В. Гоголя. Можно ли назвать их частью творческого наследия писателя? Порассуждайте.

22. Назовите произведения Н. В. Гоголя, составившие его духовную прозу. В чем их особенность?

**ТЕМАТИКА
ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ СТУДЕНТОВ:
ДОКЛАДОВ, РЕФЕРАТОВ,
СООБЩЕНИЙ, СОЧИНЕНИЙ**

1. «Выбранные места из переписки с друзьями» — «эскиз» ко второму тому «Мертвых душ».
2. «Душа стала предметом моего искусства...»
3. «Выбранные места из переписки с друзьями» — «целостная система».
4. Тема грехопадения и восстания человека в русской литературе первой половины XIX века и ее место в творчестве Н. В. Гоголя.
5. Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский о красоте женщины.
6. Сущность категорий Добра и Зла в нравственном сознании автора «Выбранных мест из переписки с друзьями».
7. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя — «социально-нравственная утопия».
8. Гоголевское триединство «прошлое — настоящее — будущее» в контексте современной Н. В. Гоголю эпохи.
9. Спор Н. В. Гоголя и В. Г. Белинского по вопросу государственного переустройства России.
10. «Отцы» русской поэзии в оценке Н. В. Гоголя.
11. Место А. С. Пушкина в литературной судьбе Н. В. Гоголя.
12. Категория «душа» как понятие нравственное на страницах гоголевской «Переписки».
13. О природе гоголевского смеха.
14. Гоголевская идея оцерковления жизни в «Выбранных местах из переписки с друзьями».
15. Творчество Н. В. Гоголя 40-50-х годов XIX века — «незримая ступень к христианству».
16. Образ лестницы в творчестве Н. В. Гоголя.
17. Особенности духовной прозы Н. В. Гоголя.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ Н. В. ГОГОЛЯ

Период	Хронологические рамки	Название произведения	Эстетический идеал
Раннее творчество	1829—1832 годы	Поэма «Ганц Кюхельgarten». «Вечера на хуторе близ Диканьки» (часть 1: «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота»; часть 2: «Ночь перед Рождеством»). «Странная месь», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Заколдованное место»	Поэт-романтик: красота — эстетический идеал писателя, к воплощению которого он стремится не только путем утверждения прекрасного, но и путем отрицания безобразного в мире
«Поэт жизни действительной»	1835—1842 годы	«Миргород» (часть 1: «Старосветские помещики», «Тарас Бульба»; часть 2: «Вий», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович и Иваном Никифоровичем»). Сборник «Арабески»: «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Портрет». Статьи: «Несколько слов о Пушкине», «О малороссийских песнях», «О преподавании всеобщей истории», «Скульптура, живопись и музыка», «О средних веках», «Мысли о географии». Повести: «Нос», «Коляска». Комедия «Ревизор», «Утро делового человека». Пьеса «Театральный разъезд после представления новой комедии». «Маленькие комедии»: «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок» «Женитьба», «Игроки»	«Поэт жизни действительной»: предметом изображения становится «проза жизни» — бездуховность современного общества как социальная болезнь; смех — «честное, благородное лицо» — писатель направляет на то, «чтобы поражать им все, позорящее высокую красоту человека»
<i>Духовная проза</i>			
Творчество последнего десятилетия жизни (идейный кризис)	1842—1852 годы	Поэма в прозе «Мертвые души» (2 тома). Сборник религиозно-нравственного содержания «Выбранные места из творений святых отцов и учителей церкви». «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», «Размышления о Божественной Литургии». Молитвы и молитвенные воззвания: «Господи! спаси и помилуй бедных людей...», «Боже, благослови!..», «Влеки меня к себе, Боже мой...», «Господи, дай мне помнить вечно... мое неведение...», «Боже, содейлай безопасным путь его...», «Молюсь о друзьях моих».	Духовный писатель: предметом изображения является страшное порождение российской действительности — Мертвые Души, духовно умершие, потерявшие в себе Бога; воплощением идеала писателя становятся Живые Души — положительные герои второго тома. «Мертвых душ»; высокое предназначение искусства, по Гоголю, —

Окончание табл.

Период	Хронологические рамки	Название произведения	Эстетический идеал
		<p>Записные книжки: «Богатые, прежде всего помните...», «Всегда почти выходит, что тот совет или упрек...», «Искусство упало», «Характер», «Не эгоист в душе., а на деле выходит так», «Зачем я оказался учителем?», «Из настольной книги», «А вы думаете, легко воров выгнать?», «Запасаться нужно в хорошее время...»; «А чем же, скажи, хороша религия?», «Рассмотрение хода просвещения России», «У исповеди собрать все сословия...», «Нет, власть, действуй прямо», «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии», «Когда бы нас кто-нибудь назвал лицемером...», «Хуже всего то, что будешь судить самого себя...»; «Почему нужно хозяйство?», «Труд»; «Правило жития в мире»; «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии»; «Учебная книга словесности для русского юношества»; «О любви к Богу и самовоспитании»</p>	<p>служить «незримой ступенью к христианству»; писателя привлекает не красота вообще, а Красота Небесная, не нравственность вообще, а Высшая Нравственность; искреннее желание измениться и изменить мир к лучшему через любовь к Богу — главная особенность Н. В. Гоголя, духовного писателя, основа единства его духовной прозы.</p> <p>Мир идеала писателя — особый художественный микрокосмос, живущий по своим законам, — Красоты, Любви, Веры в человека, его огромные духовные возможности, способные возродить к новой жизни</p>

Репозиторий ЮФУ

**СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ
«ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ
С ДРУЗЬЯМИ» Н. В. ГОГОЛЯ — ЦЕЛОСТНАЯ
ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА**

План

1. «Выбранные места...» Н. В. Гоголя — закономерный этап в творческой эволюции писателя: история создания произведения, жанр, композиция.
2. Ключевые идеи «Выбранных мест...» как форма выражения авторского идеала:
 - а) идея христианского спасения души;
 - б) идея нравственного переустройства России;
 - в) идея нравственного «поприща» писателя.
3. «Выбранные места» — «предвестник второго тома» «Мертвых душ», ее «лирико-философский» эквивалент.
4. Полемика вокруг книги Н. В. Гоголя. В. Г. Белинский о произведении писателя (статья «Письмо к Н. В. Гоголю»).
5. «Авторская исповедь» Н. В. Гоголя — «объяснение» и «оправдание» «Выбранных мест...».

Литература

1. *Астафьев, В. П.* Во что верил Гоголь (о духовном наследии писателя) / В. П. Астафьев // Лит. в шк. — № 5. — 1989. — С. 3—7
2. *Афанасьев, В.* Прочитанный заново классик / В. Афанасьев // Лит. учеба. — 1995. — № 1. — С.151—200.
3. *Барабаш, Ю. А.* «Наш русский Паскаль» : Над страницами книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями...» / Ю. А. Барабаш // Наука и религия. — 1989. — № 3. — С. 12—14.
4. *Барабаш, Ю. А.* Гоголь. Загадка «Прощальной повести» : «Выбранные места из переписки с друзьями»: опыт непредвзятого почтения / Ю. А. Барабаш // М. : Худож. лит., 1993. — 269 с.
5. *Барабаш, Ю. Я.* «Верный путь и тесные врата» / Ю. Я. Барабаш // Наука и религия. — 1990. — № 4. — С. 45—49
6. *Виноградов, И. А.* Гоголь — художник и мыслитель : Христианские основы мирозерцания / И. А. Виноградов. — М. : Наследие. — 2000 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Использованных

1. *Анненкова, Е. И.* Автор в «Мертвых душах» и «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя / Е. И. Анненкова // Лит. в шк. — 1999. — № 2. — С. 33—39.
2. *Анненкова, Е. И.* Православие в историко-культурной концепции А. С. Хомякова и в творческом сознании Н. В. Гоголя / Е. И. Анненкова // Вопр. лит. — 1990. — № 8. — С. 89—105.
3. *Анненкова, Е. И.* Творчество Н. В. Гоголя и литературно-общественное движение первой половины XIX века: автореф. ... дис. д-ра филолог. наук : 10.01.01 / Е. И. Анненкова // Ин-т рус. лит. АН СССР (Пушкинский дом). — Л. : [б. и.], 1990. — 33 с.
4. *Барабаш, Ю. Я.* «Если я забуду тебя, Иерусалим...» : «Родина-чужбина» у Гоголя и Шевченко / Ю. Я. Барабаш // Вопр. лит. — 1998. — № 5. — С. 137—175.
5. *Барабаш, Ю. Я.* Гоголь. Загадка «Прощальной повести» : «Выбранные места из переписки с друзьями». Опыт непредвзятого прочтения / Ю. Я. Барабаш. — М. : Худож. лит., 1993. — 269 с.
6. *Бельй, А.* Мастерство Гоголя : Исследование / А. Бельй. — М. : МАЛПИ, 1996. — 351 с.
7. *Бердяев, Н. А.* Душа России / Н. А. Бердяев. — Л. : Сказ, 1990. — 31 с.
8. *Берлин, И.* Стремление к идеалу / И. Берлин // Вопр. философии. — 2000. — № 5. — С. 51—62.
9. *Булгаков, Н.* «Душа слышит свет» : Реализм позднего Гоголя / Н. Булгаков // Лит. учеба. — 1995. — № 2—3. — С. 169—202.
10. *Бухарев, А. М.* Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1948 г. / А. М. Бухарев. — СПб. : Тип. Морского М-ва, 1860. — 263 с.
11. *Вайскопф, М. Я.* Сюжет Гоголя : Морфология. Идеология. Контекст / М. Я. Вайскопф. — М. : Радикс, 1993. — 630 с.
12. *Вересаев, В. В.* Гоголь в жизни : сист. свод. подлин. свидетельств современников / В. В. Вересаев ; [вступ. ст. И. П. Золотуского ; подгот. текста и примеч. Э. Л. Безносова]. — М. : Моск. рабочий, 1990. — 639 с.
13. *Виноградов, И. А.* Гоголь — художник и мыслитель : Христианские основы мирозерцания / И. А. Виноградов. — М. : Наследие, 2000. — 448 с.
14. *Виноградов, И. А.* Гоголь и литургия : К истолкованию одного письма / И. А. Виноградов // Лит. учеба. — 1995. — № 2—3. — С. 202—206.
15. *Виноградов, И. А.* Художественное мирозерцание Н. Гоголя второй половины 1840-х годов : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.01.01 / И. А. Виноградов // Рос. АН, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М. : [б. и.], 1995. — 24 с.
16. *Воропаев, В. А.* «Дело, взятое из души...» : Поэма Гоголя «Мертвые души»: история замысла и его осуществление / В. А. Воропаев // Лит. в шк. — 1998. — № 4. — С. 5—18. — № 5. — С. 13—25.
17. *Воропаев, В. А.* «Имею желание разрешиться и быть со Христом...» : Кончина Гоголя как его завешание потомкам / В. А. Воропаев // Лит. учеба. — 1998. — № 2. — С. 157—145.

18. *Воропаев, В. А.* «Кажется, был когда-то Гоголем» : Страницы духов. биограф. классика / В. А. Воропаев // Человек. — 1990. — № 3. — С. 120—133.
19. *Воропаев, В. А.* Гоголь: жизнь и творчество / В. А. Воропаев — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. — 125 с.
20. Гоголевская исповедь и проповедь России : Материалы и метод. рекомендации к изучению «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя : для учителей и студентов-филологов. — Брест : [б. и.], 1996. — 28 с.
21. *Гоголь, Н. В.* Избранные сочинения / Н. В. Гоголь ; редкол.: Г. Беленький [и др.] ; сост., вступ. ст. П. Николаева ; примеч. А. Щербакова. — М. : Худож. лит., 1987. — 703 с.
22. *Гоголь, Н. В.* Собрание сочинений : в 7 т. / Н. В. Гоголь — М. : Худож. лит., 1984—1986. — 7 т.
23. *Гоголь, Н. В.* Собрание сочинений : в 9 т. / Н. В. Гоголь. — Т. 6 : Духовная проза. Критика. Публицистика. — М. : Рус. кн., 1994. — 607 с.
24. Гоголь: материалы и исследования / отв. ред. Ю. В. Манн — М. : Наследие, 1995. — 260 с.
25. *Губарев, И. М.* Тема писателя и творческого процесса в эстетических воззрениях Гоголя 40-х годов XIX в. / И. М. Губарев // Вопр. рус. лит. — 1987. — Вып. 1. — С. 61—68.
26. *Давидович, В. Е.* Теория идеала / В. Е. Давидович — Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1983. — 140 с.
27. *Ефимов, И.* Выбранные места из переписки с персонажами «Театрального разезда» : О творческой драме Гоголя / И. Ефимов // Грани. — 1992. — № 163. — С. 157—141.
28. *Звозников, А. А.* «Мертвые души» в художественном и духовном мире Н. В. Гоголя / А. А. Звозников // Нар. асвета. — 1994. — № 3. — С. 76—80.
29. *Зеньковский, В. В.* Русские мыслители и Европа : сборник / В. В. Зеньковский ; [подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой ; вступ. ст. В. Н. Жукова, М. А. Маялина]. — М. : Республика, 1997. — 367 с.
30. *Золотусский, И. П.* Гоголь / И. П. Золотусский — М. : Молодая гвардия, 1979. — 515 с.
31. *Золотусский, И. П.* Душа и дело жизни : Очерки о Гоголе / И. П. Золотусский. — М. : Правда, 1981. — 48 с.
32. *Ковалева, Ю. Н.* Нравственно-философские и художественно-эстетические искания Н. В. Гоголя в процессе работы над вторым томом «Мертвых душ» : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.01.01 / Ю. Н. Ковалева. — Горький : [б. и.], 1986. — 30 с.
33. *Краус, В.* Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории. Следы рая. Об идеалах : эссе / В. Краус — М. : Радуга, 1994. — 260 с.
34. *Крутоус, В. П.* Путь к прекрасному (Об эстетическом идеале) : кн. для учащихся ст. кл. / В. П. Крутоус. — М. : Просвещение, 1989. — 190 с.
35. *Лазарева, А. Н.* Духовный опыт Гоголя / А. Н. Лазарева // Рос. АН, Ин-т философии. — М. : ИФРАН, 1993. — 164 с.
36. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева ; ред. кол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. — М. : Сов. энцикл., 1987. — 752 с.

37. *Лосский, Н. О.* Мир как осуществление красоты: основы эстетики / Н. О. Лосский — М. : Прогресс ; Традиция, 1998. — 416 с.
38. *Манн, Ю. В.* Над бездной Гоголя / Ю. В. Манн // Лит. обозрение. — 1993. — № 1—2. — С. 30—32.
39. *Машинский, С. И.* Художественный мир Гоголя : пособие для учителей / С. И. Машинский. — 2-е изд. — М. : Просвещение, 1979. — 432 с.
40. *Мережковский, Д. С.* Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского : [в ? т.] / Д. С. Мережковский. — М. : Тип. товарищества И. Д. Сытина, 1904 (Б-ка «Русского слова»). — Т. 15 : Большая Россия : Гоголь. — 316 с.
41. *Мильдон, В. И.* Чаадаев и Гоголь : Опыт понимания образной логики / В. И. Мильдон // Вопр. философии. — 1989. — № 15. — С. 77—89.
42. *Мочульский, К. В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. В. Мочульский — М. : Республика, 1995. — 607 с.
43. *Муриан, В. М.* Эстетический идеал / В. М. Муриан — М. : Искусство, 1966. — 18 с.
44. *Набоков, В. В.* Николай Гоголь : докум. повесть / В. В. Набоков ; пер. с англ. Е. Гольшера // Нов. мир. — 1987. — № 4. — С. 169—227.
45. *Новгородцев, П. И.* Об общественном идеале / П. И. Новгородцев — М. : Пресса, 1990. — 639 с.
46. *Новиков, А. А.* О парадоксах идеала / А. А. Новиков. — М. : [б. и.], 1996. — 167 с.
47. *Павлинов, С. А.* Путь Духа : Николай Гоголь / С. А. Павлинов — М. : [б. и.], 1998. — 70 с.
48. *Рачков, П. А.* Слово об общественном идеале, его понятии и ценности / П. А. Рачков // Вестн. Моск. ун-та. — 1995. — № 2. — С. 19—36.
49. *Рождественский, Б. В.* Об эстетических взглядах Н. В. Гоголя. Ученые записки / Б. В. Рождественский ; [Моск. гос. пед. ин-т, т. 34. Кафедра русской литературы] // Ученые записки. — 1934. — Вып. 3. — С. 177—196.
50. Русская эстетика и критика 40-х годов XIX века / подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Опковата. — М. : Искусство, 1982. — 544 с.
51. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и С. Кона. — 6-е изд. — М. : Политиздат, 1989. — 447 с.
52. *Смирнова, Е. А.* Общественная и эстетическая позиция Гоголя в последнее десятилетие его жизни / Е. А. Смирнова // Освободит. движение в России. — 1975. — Вып. 4. — С. 44—61.
53. *Смирнова, Е. А.* Эволюция творческого метода Гоголя от 1830-х годов к 1840-м : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. А. Смирнова / Тарту : [б. и.], 1974. — с. 24.
54. *Тредголд, Д. У.* Влияние православного христианства на политические взгляды русских писателей XIX в.: Гоголя, Достоевского, Лескова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. — 1992. — № 1. — С. 24—29.
55. Философский энциклопедический словарь. — М. : НФРА, 1997. — 576 с.
56. *Храпченко, М. Б.* Избранные труды. Николай Гоголь : Литературный путь. Величие писателя / вступ. ст. Г. В. Степанова ; послесл. И. В. Кондакова; Рос. АН, Отд-ние лит. и яз. / М. Б. Храпченко. — М. : Наука, 1993. — 639 с.

57. *Черняева, Т. Г.* Литературно-эстетическая и журнально-критическая программа Н. Гоголя 1830-х годов : От «Арабесок» к «Современнику» : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.01.01 / Т. Г. Черняева. — Томск : [б. и.], 1979. — 18 с.

58. *Шульц, С. А.* Гоголь. Личность и художественный мир : пособие для учителей / С. А. Шульц. — М. : Интерпракс, 1994. — 160 с.

Рекомендуемых

1. *Афанасьев, В.* Прочитанный заново классик / В. Афанасьев // Лит. учеба. — 1995. — № 1. — С. 151—152.

2. *Барабаш, Ю. Я.* «Верный путь и тесные врата» / Ю. Я. Барабаш // Наука и религия. — 1990. — № 4. — С. 45—49.

3. *Барабаш, Ю. Я.* «Наш русский Паскаль» : Над страницами книги Гоголя «Выбранные места...» (К 180-летию со дня рождения) / Ю. Я. Барабаш // Наука и религия. — 1989. — № 3. — С. 12—14.

4. *Барабаш, Ю. Я.* «Ныне отпущаеши...» : О последних днях жизни и творчества Н. В. Гоголя / Ю. Я. Барабаш // Наука и религия. — 1990. — № 10. — С. 48—50.

5. *Барабаш, Ю. Я.* «Тайная любовь» Гоголя? : Мифы старые и «новые» / Ю. Я. Барабаш // Наука и религия. — 1987. — № 7. — С. 39—44.

6. *Барабаш, Ю. Я.* Гоголь: раздумья в светлый праздник : Перечитывая «Выбранные места...» / Ю. Я. Барабаш // Лит. Россия. — 1990. — № 15. — С. 20.

7. *Барабаш, Ю. Я.* Гоголь: страхи, ужасы и надежды России. Над страницами «Выбранных мест из переписки с друзьями» / Ю. Я. Барабаш // Лит. в шк. — 1990. — № 4. — С. 20—31.

8. *Барабаш, Ю. Я.* Набоков и Гоголь (Мастер и Гений) : Заметки на полях кн. В. Набокова «Николай Гоголь» / Ю. Я. Барабаш // Москва. — 1989. — № 1. — С. 180—193.

9. *Белый, А.* Непонятый Гоголь / А. Белый // Вопр. философии. — 1990. — № 15. — С. 94—99.

10. *Боголепов, П. К.* Тропа к Гоголю : кн.-справ. о жизни и творчестве Н. В. Гоголя / П. К. Боголепов / под общ. ред. С. И. Машинского. — М. : Дет. лит., 1976. — 352 с.

11. *Булгаков, С. Н.* Два града : Исследования о природе общественных идеалов / Булгаков С. Н. — СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. — 649 с.

12. *Вайль, П.* Русский Бог: Гоголь / П. Вайль // Звезда. — 1992. — № 1. — С. 185—188.

13. *Виноградов, И. А.* «Спасен я был государем» : Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии / И. А. Виноградов // Лит. в шк. — 1988. — № 7. — С. 5—22.

14. *Воропаев, В. А.* Комментарий. Гоголь Н. В. «Выбранные места...» / В. А. Воропаев. — М. : 1990, с.

15. *Воропаев, В. А.* Подданный русского царя: Гоголь и Государь Николай Павлович / В. А. Воропаев // Лит. учеба. — 2001. — № 3—4. — С. 140—151.

16. *Воропаев, В. А.* Ржевский знаменитый проповедник : История взаимовлияний Гоголя и отца Матфея / В. А. Воропаев // Москва. — 1997. — № 7. — С. 162—174.

17. *Воропаев, В. А.* Традиции русского народного творчества в поэтике «Мертвых душ» Н. В. Гоголя : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.01.01 / В. А. Воропаев — М. : [б. и.], 1985. — 24 с.
18. *Гоголь, Н. В.* О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят у нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии / Н. В. Гоголь // Наука и жизнь. — 1966. — № 3. — С. 88—92.
19. *Гоголь, Н. В.* Размышления о Божественной Литургии / Н. В. Гоголь — М. : Худож. лит., 1990. — 76 с.
20. *Губарев, И. М.* Литературно-эстетическая концепция Гоголя (идеал и тема писателя-художника) : автореф. ... дис. д-ра филол. наук : 10.01.01 / И. М. Губарев // Нац. АН Украины, Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко. — Киев : [б. и.], 1996. — 36 с.
21. *Гуляев, Н. А.* Об эволюции творческого метода Гоголя / Н. А. Гуляев, И. В. Карташова // Рус. лит. — 1974. — № 2. — С. 98—108.
22. *Зарькова, Г.* Отчего пусто в человеческих душах? / Г. Зарькова // Бел. думка. — 1996. — № 7. — С. 18—23.
23. *Золотусский, И. П.* Оправдание Гоголя (к 180-летию со дня рождения) / И. П. Золотусский // Лит. газ. — 1989. — № 13. — С. 5.
24. *Золотусский, И. П.* Трапеза любви / И. П. Золотусский // Нов. мир. — 1990. — № 9. — С. 221—223.
25. *Летова, А.* Концептуальный анализ понятия «русская душа» как один из системных методов в лингвокультурологии : Национально-культурный компонент в тексте и языке : материалы II Междунар. науч. конф., БГУ, МАПРЯЛ, Минск, 7—9 апр. 1999 г. : в 3 ч. — М. : [б. и.], 1999. — Ч. 2. — С. 16—18.
26. *Лютов, В.* Русское богоискательство и судьба Гоголя / В. Лютов // Россияне. — 1996. — № 3—4. — С. 84—95.
27. *Манн, Ю. В.* В поисках живой души: «Мертвые души»: писатель — критика — читатель / Ю. В. Манн — М. : Книга, 1984. — 415 с.
28. *Манн, Ю. В.* Иван Киреевский и Гоголь в стенах Оптиной : О духовных исканиях русских писателей / Ю. В. Манн // Вопр. лит. — 1990. — № 8. — С. 106—124.
29. *Мартынов, В. Ф.* Философия красоты / В. Ф. Мартынов — Минск : Тетра Системс, 1999. — 333 с.
30. *Немзер, Л.* Современный диалог с Гоголем / Л. Немзер // Нов. мир. — 1994. — № 5. — С. 208—225.
31. *Романичева, Е. С.* «Мы опять стоим перед этой книгой» : Некоторые аспекты изучения «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя / Е. С. Романичева // Лит. в шк. — 1992. — № 1. — С. 102—151.
32. *Слинько, А.* Спор о России : Письмо В.Г. Белинского к Н. В. Гоголю в современной интерпретации / А. Слинько // Подъем. — 1990. — № 3. — С. 223—228.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Раздел 1 Поиски идеала Живой Души в творчестве Н. В. Гоголя	4
Тема 1.1 Проблема идеала Живой Души в творчестве Н. В. Гоголя	4
1.1.1 Понятие идеала	4
1.1.2 Идеал Живой Души как выражение мировоззренческих позиций автора	9
Вопросы и задания для самоконтроля	42
Раздел 2 Поиски идеала Живой Души Н. В. Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями»	44
Тема 2.1 О проблеме «двух Гоголей»	44
Тема 2.2 От Души Мертвой — к Душе Живой	49
2.2.1 «Выбранные места из переписки с друзьями» — закономерный этап в творческой эволюции писателя	49
2.2.2 «Переписка» Н. В. Гоголя — целостная идейная система	55
Тема 2.3 Ключевые идеи «Выбранных мест из переписки с друзьями» как форма выражения авторского идеала Живой Души	59
2.3.1 Проблема христианского спасения души	59
2.3.2 Гоголевская программа нравственного переустройства России	63
2.3.3 Душа писателя и нравственное «поприще» художника	73
2.3.4 Душа и Вера	81
Тема 2.4 Н. В. Гоголь — духовный писатель. Идея нравственного возрождения через любовь к Богу — основа единства его духовной прозы	87
Вопросы и задания для самоконтроля	100
Программные	100
Для работы с художественным текстом	101
Для работы с исследовательской литературой	103
Для индивидуальной работы студентов	104
<i>Приложение А. Тематика творческих работ студентов: докладов, рефератов, сообщений, сочинений</i>	106
<i>Приложение Б. Основные этапы творческой эволюции Н. В. Гоголя</i>	107
<i>Приложение В. Семинарское занятие «Выбранные места из переписки с друзьями» — целостная идейно-эстетическая система</i>	109
Список источников	110

Учебное издание

Нестерович Тамара Иосифовна

**ОТ ДУШИ МЕРТВОЙ —
К ДУШЕ ЖИВОЙ**

**«Выбранные места из переписки
с друзьями» Н. В. Гоголя**

**Учебно-методическое пособие
для студентов высших учебных заведений**

Технический редактор *М. Л. Потапчик*

Ответственный за выпуск *Е. Г. Хохол*

Подписано в печать 25.11.2010.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Отпечатано на ризографе.
Усл. печ. л. 6,74. Уч.-изд. л. 6,52.
Заказ 191. Тираж 70 экз.

ЛИ 02330/0552803 от 09.02.2010

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждения образования
«Барановичский государственный университет»,
225404, г. Барановичи, ул. Войкова, 21.